

А. И. Юдин

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БАРФОЛОМЕЕВСКОЙ СТОЯНКИ

Барфоломеевская неолитическая стоянка открыта в 1985 году I на левом берегу р. Малый Узень, в 6 км к юго-востоку от с. Лухмотолка Новоузенского района Саратовской области, на приблизительно равном расстоянии от рек Волга и Урал. В 1987 году начаты раскопки памятника, в ходе которых обнаружены первые неолитические погребения степной зоны Волго-Уральского междуречья.

Поскольку погребения почти полностью безынвентарны, необходимо кратко охарактеризовать неолитические находки из культурного слоя стоянки. Культурные напластования сформировались в результате длительного и непрерывного обитания населения, достигают двухметровой толщины и включают три слоя, различающихся по цвету, структуре и составу находок.

Два нижних слоя (первый и второй) сильно насыщены костями животных, фрагментами керамики, изделиями из камня и кости. Неолитическая керамика представлена фрагментами более 700 сосудов, которые по форме делятся на четыре основные группы. В первую, самую многочисленную, группу входят сосуды баночной формы со слегка прикрытым устьем. Часть керамики этой группы имеет массивный внутренний наплыв по венчику (рис. I, 1). Вторая группа включает сосуды с открытым устьем (рис. I, 2), третья — слабопрофилированные горшки (рис. I, 3), а четвертая — небольшие чашивидные сосуды с округлым дном (рис. I, 4). Кроме того найдено несколько сосудов со сливами, с высокими прямыми венчиками, а также керамика остроресберной и ладьевидной формы. Орнаментированная керамика рядами наколов в отступящей технике и прочерченными линиями. Орнамент разнообразен и включает следящие элементы: горизонтальные строчки, зигзаги, волнистые линии, ромбы, треу-

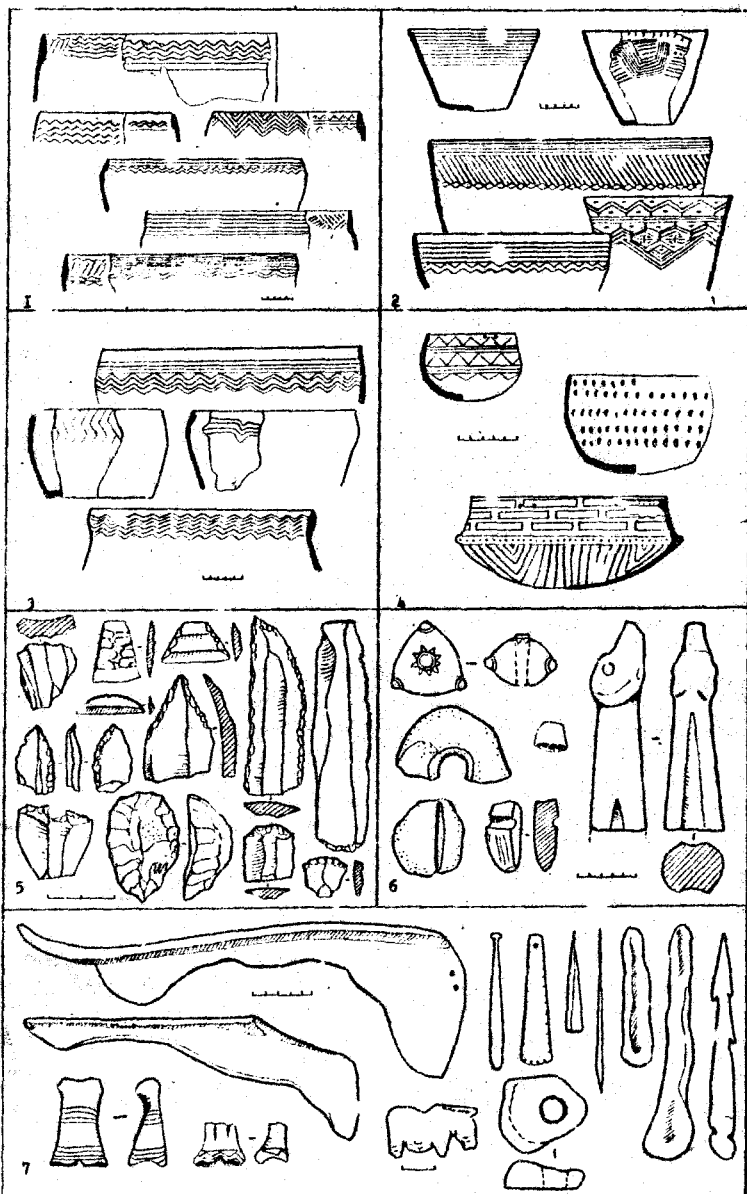

Рис. I. Комплекс находок на Варфоломеевской столжке:
 1-4 - керамика; 5,6 - камень; 7 - кость

гольники и прямоугольники, шевроны. Из этих элементов образовывались простые и сложные геометрические композиции, покрывавшие, чаще всего, верхнюю треть тулова. Вся керамика имеет обильную примесь толчёной раковины и рядом общих признаков объединяется в единый культурный комплекс. При этом керамический комплекс второго слоя отличается большим разнообразием форм сосудов и композиций орнамента. В первом (нижнем) слое чаще встречаются фрагменты с прочерченным орнаментом и почти нет сосудов с таким характерным признаком, как орнаментированный внутренний налив по венчику.

Каменные предметы представлены приблизительно пятью тысячами находок. Преобладает пластинчатая техника расщепления кремня, но длинных, с параллельными краями пластин не много. Большинство орудий имеют небольшие размеры (рис. I, 5). Встречены геометрические микролиты: в первом слое — сегменты, во втором — трапеции со струганой спинкой. Кроме кремневых, найдены орудия и из других пород камня. Это грузила для сетей и абразивные орудия из мягких пород песчаника, чешты, тёрчнички, шлифовальные плитки и "квал" с зооморфным навершием из оливкового песчаника, небольшие тесла и "ушки" из плотных глинизированных пород и нефрита, булава из мала (рис. I, 6).

Для изготовления орудий и различных поделок широко использовалась кость. Обнаружен большой набор орудий для обработки шкур, в том числе крупные "улики" серповидной формы, а также проколки, гарпун, оправы для составных орудий, пластины с орнаментом, бараньи альчики и лошадиные зубы с насечками, орнаментированные путовые кости лошади, небольшие фигурки лошадей, проишки, гашевидная подвеска (рис. I, 7).

Предварительный анализ остеологического материала показал, что население стоянки занималось не только охотой и рыболовством, но и овладело началами животноводства.

Третий, верхний слой содержит небольшое количество находок, мало чем отличающихся от материалов второго слоя. Однако здесь среди типично неолитической керамики встречены фрагменты нескольких сосудов, которые по ряду признаков уже можно сопоставлять с энеолитическими. Это воротничковое оформление венчика и своеобразный орнамент — волнистые прочерченные линии, пространство между которыми заполнено рядами какелов прямоугольной формы. Аналогичная керамика, но с гребенчатой орнаментацией, известна на энеолитических памятниках Заволжья, входящих в мариупольскую культур-

но-историческую область². Следует отметить, что фрагменты энеолитического облика не привнесены на стоянку извне, а являются продуктом развития неолитической керамики. Это подтверждается наличием во втором слое фрагментов венчика, сочетающего неолитические и энеолитические черты — орнаментированный наплав с внутренней стороны и воротничок с внешней.

Материалы Варфоломеевской стоянки обнаруживают полное сходство с находками на неолитической стоянке Орловка в Волгоградской области³. Эти две стоянки имеют ряд общих черт с неолитическими памятниками Северо-прикаспийского ареала и в то же время обладают ярким своеобразием, что делает возможным выделение их (а также еще нескольких памятников — Кушумская стоянка, Сэвинка, Вавилово-2) в самостоятельную культуру, названную орловской⁴. Время существования орловских стоянок предварительно можно датировать второй половиной I тыс. до н.э.

Ни на одном орловском памятнике погребения известны не были. Первые неолитические захоронения исследованы при раскопках Варфоломеевской стоянки. Все они залегали в культурном слое (или перекрыты им) на разной глубине, преимущественно в нижних пластах. Никакой закономерности в расположении погребений на территории стоянки пока проследить не удалось (рис. 2). Всего найдено шесть погребений, два из них парные. В процессе исследования культурного слоя велись тщательные наблюдения за напластованиями над погребениями, в результате чего установлено, что все захоронения относятся ко времени существования стоянки.

Погребение № I обнаружено на глубине 140—150 см от уровня дневной поверхности в заделанном котловане жилища. Включает два разновременных захоронения. Более древний скелет ориентирован черепом на юг, к реке. Череп лежит на правой стороне, лицевой частью к востоку. Скелет положен на грудь, левая рука согнута в локте и прижата к окоу так, что её пальцы находятся на плече. Правая рука согнута в локте и положена перпендикулярно к телу. Ладонь правой руки внешней стороной прижата к рёбрам. Поясной и тазобедренный отделы уничтожены при захоронении второго погребенного. Берцовые кости ног лежат на правом боку. Череп и плечевая часть верхнего скелета находятся в области таза и бедер (рис. 3, 1). Погребенный лежал на правом боку, головой ориентирован на восток-северо-восток, сильно согнуты колени на 10—14 см не достигают нижней челюсти. Руки слегка сог-

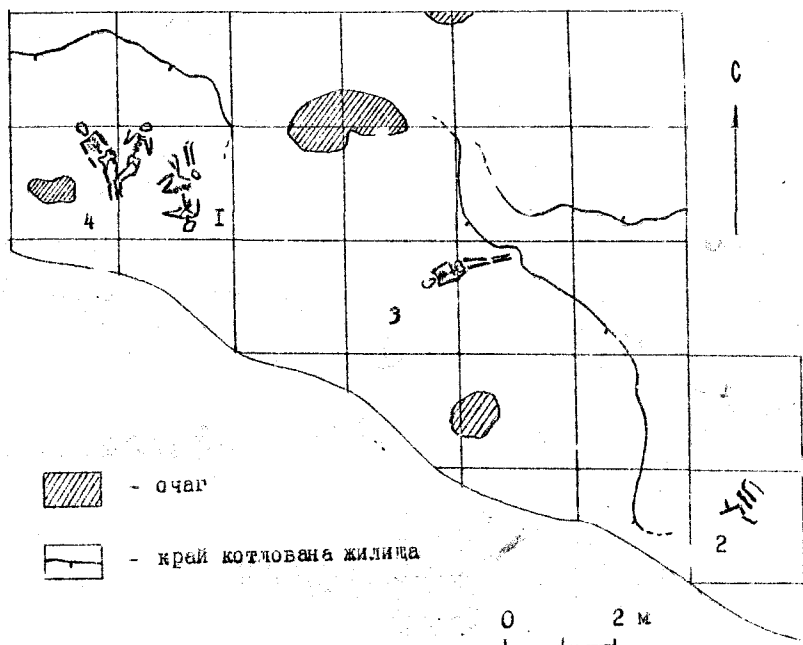

Рис. 2. Юго-восточный участок раскопа и погребения № I-4

нуты и вытянуты перед лицом. На локте правой руки лежит колено правой ноги. На нем — локоть левой руки, к которому примыкает колено левой ноги. Оба скелета залегают приблизительно на одном уровне.

Связать с полной уверенностью какой-либо инвентарь с погребенными нельзя, ввиду их расположения в культурном слое. Все же следует отметить несколько находок, сделанных поблизости. Под плечевой костью нижнего скелета найден зуб лошади. В 2-3 см над черепом верхнего скелета лежало небольшое плоское абразивное орудие округлой формы и рядом с ним — крупный фрагмент неорнаментированной боковины сосуда с примесью толченой раковины. Под абразивным орудием замечены следы охры. Кроме того, под правой рукой найден обломок орудия из окаменевшего дерева с частью выточенной бороздки. Почва вокруг скелетов ничем не отличалась от окружающего культурного слоя и содержала очень мелкие комочки охры, фраг-

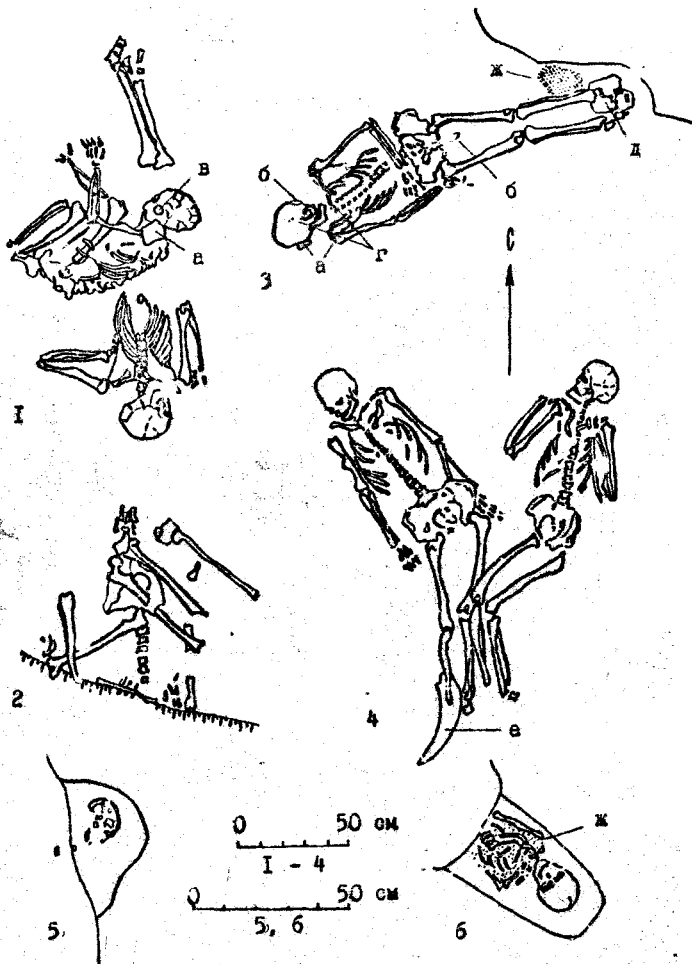

Рис. 3. Неолитические погребения № I-6:

а - керамика, б - створка раковины, в - образки, г - бусы, д - меловые камни, е - рог быка, ж - охра

менты неолитической керамики, большое количество костей животных, ступени и орудия из кремня.

Погребение № 2 разрушено водоохранилищем. По оставшейся части скелета можно установить, что умерший лежал головой на юг, на правом боку, сильно скорченно. Плечевая кость правой руки вытянута вдоль туловища, локтевые не сохранились. Плечевая кость левой руки также не сохранилась, а локтевые были положены на грудь, кисть левой руки находилась на плече. Таз лежал на правом боку. Ноги сильно согнуты, пятки касаются таза, кости перерывают локоть правой руки. С западной стороны погребения, на краю обрыва зачищены еще две бедренные кости человека, коленный сустав одной из них перекрывает поясничные позвонки погребения № 2. Вероятнее всего, это остатки еще одного захоронения, уничтоженного с водоохранилищем.

Погребение № 2 совершено в культурном слое на глубине 1 м от поверхности. Мощность культурного слоя на данном участке памятника достигает почти двух метров. В процессе зачистки погребения, кроме обычных находок, встречающихся в культурном слое, попадались небольшие угольки и в одном случае — маленький комочек охры рядом с костями погребенного (рис. 3, 2).

Погребение № 3 обнаружено на глубине 1,9 м от поверхности. При сооружении могилы был зацеплен край земляночного котлована, в результате чего в материке хорошо выделен округлый северо-восточный угол могилы. Скелет лежал вытянуто на спине, черепом на юго-запад, ноги слегка отведены в восточную сторону. Череп — на левой стороне, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и положена на поясницу. Левое плечо немного приподнято. От материка погребенного отделяет 7—14 см культурного слоя. На лобовой части черепа и между бедренных костей, ближе к тазу, найдено по створке речных раковин Унго. На височной части черепа и на груди обнаружено несколько мелких бусин из створок таких же раковин. Аналогичные бусы часто встречаются в культурном слое. Слева от скелета, между северной стенкой могильной ямы и берцовыми костями левой ноги, расчищен слой охры до 5 см толщиной и игольчатую подтрапецевидную форму. Связь этого пятна охры с погребением несомненна, поскольку в культурном слое охры в таком количестве нигде не встречена. Под стопой левой ноги обнаружены два меловых камня, окатанных водой, а, возможно, и обработанных человеком (рис. 3, 3).

Под черепом и правым плечом найдены фрагменты неолитической керамики, но с уверенностью связать их с погребением нельзя. Также нельзя с уверенностью отнести к погребению и развал нижней

части сосуда, находившийся в 20 см выше локтя правой руки погребенного. Сосуд плоскодонный, имеет примесь толченой раковины в глине и, в отличие от другой керамики стоянки, очень слабый обжиг. В сосуде находились мелкодробленые кости животных и рыбы позвонки.

Через погребение № 3 проходила одна из бровок в направлении север-юг. Никаких позднейших переделок в бровке не отмечено. Культурный слой, пореживавший погребение, ничем не отличался от остальных напластований. Погребение было совершено в пределах котлована крупного жилища, которое к моменту захоронения уже не функционировало.

Погребение № 4 обнаружено приблизительно в полуметре к западу от погребения № 1, и залегало на 10-30 см глубже его. Погребение № 4 парное, но в отличие от погребения № 1, одновременное. Западный скелет лежит на спине, вытянуто. Ноги ориентированы по линии север-юг, туловище отклонено на север-запад. Череп немного повернут вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища. Плечевая кость имеет следы прижизненной травмы, в результате которой в средней ее части образовался нарост и значительно уменьшилась длина самой кости по сравнению с левой плечевой. Левая рука также вытянута вдоль туловища, кисть положена под таз.

Восточный скелет тоже находится на спине. Таз и ноги южного разбружены вправо, в сторону западного скелета. Череп лежит на правой стороне и слегка запрокинут вверх. Руки согнуты в локтях, которые несколько раздвинуты, кисти рук покоятся на плечах. Ноги не очень сильно согнуты в коленях. Ориентирован погребенный головой на север-северо-восток. Таз восточного скелета залегает на 10-20 см выше западного, а правое колено перекрывает левое колено западного скелета (рис. 3, 4). Под левым плечом восточного скелета найдено небольшое абразивное орудие из плотного белого мелкозернистого песчаника со следами охры. Берцовые кости западного скелета перекрывали рог первобытного быка (*Bos primigenius* + *bos*).

Связь это с погребением не исключена, но маловероятна. Еще два таких рога найдены в этом же квадрате западнее и связать их с погребением нельзя. Рога первобытного быка часто встречаются на всей площади стоянки, преимущественно в нижнем слое.

Погребение № 4 совершено в культурном слое, на 15-20 см выше материкового дна жилища. Над погребением культурный слой не превышал 15-30 см, а затем перекрывался мощной глинистой прослойкой

(до 0,5 м). Подсыны включения глинистых прослоек отмечены в нескольких местах стоянки. В юго-восточной части раскопа, где обнаружено четыре погребения из шести, нижний и средний слои визуально можно распознать только с помощью таких прослоек. В случае с погребением № 4 глинистая прослойка, перекрывающая значительную площадь, нигде не прорезана и накрыта метровой культурным слоем.

Погребение № 5 (детское) обнаружено в юго-западной части раскопа. На этом участке памятника верхний и нижний слои выклиниваются, толщина культурного слоя в некоторых местах не превышает 30-50 см. При сооружении могильной ямы восточная её часть пошла на материковую стенку котлована жилища, в результате чего прослеживается восточная часть могилы, имеющая округлую форму. Остальная часть могильной ямы находилась в культурном слое и не читалась. Глубина ямы - 35 см от дневной поверхности и 7 см от верхнего уровня материка. Погребение перекрывало волнистый шлейф очага. Сохранность костей очень низкая, они перемешаны глызнами, но следов огня не имеют. Поза погребенного не устанавливается. Судя по остаткам черепа, ребенок лежал на левом боку, головой на северо-восток (рис. 3, 5).

Погребение № 6 (детское), аналогично погребению № 4, перекрыто глинистой прослойкой. Единственное погребение, которое прорезает материковый пол жилища. Погребение еще в древности было разрушено крупной столбовой ямкой, но большая часть могильной ямы осталась целой. Яма ориентирована по линии север-запад - юго-восток. Она сужалась от центра к краям, углы слегка закруглены. Дно могилы понижалось к центру, как в поперечном, так и продольном сечении. Могильная яма была заглублена в материк на 8-10 см, максимальная ширина в центральной части - 30 см, черепная длина - 70 см. От дна могилы до дневной поверхности - 1,3 м. Умерший лежал на спине, головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль туловища. Нижняя часть скелета уничтожена столбовой ямкой жилища. Под сохранившимися костями на дне могилы находился тонкий слой сугли. Погребальный инвентарь отсутствовал (рис. 3, 6).

Таким образом, стратиграфические данные о соотношении глубины залегания погребений и характере позднейших культурных напластований подтверждают, что погребения синхронны стоянке. Анализ инвентаря, найденного в погребении № 3, приводит к тому же выводу. Бук из створок раскопки Ундо, лежащие на черепе и груди скелета,

являются массовой категорией находок в культурном слое стоянки. Так же часто в слое встречаются и целые створки этих раковин. Из мелового камня, аналогичного тому, который находился в ногах скелета, изготовлена одна из булав. Охра, толстым слоем закладывавшая пространство между левой ногой и стенкой могилы, постоянно встречается при исследовании стоянки. Толстым слоем охры послышались углубленные в материк полы жилищ и полы строений, сооруженные в более позднее время, уже в толще культурного слоя.

При анализе погребального обряда неолитических захоронений Варфоломеевской стоянки в первую очередь обращает на себя внимание отсутствие единой позы и ориентировки погребений. Умершие лежали на спине, на груди, на правом боку вытянуто и скорченно. Отмечены следующие ориентировки: южная (в двух случаях), юго-западная, юго-восточная, северо-восточная (в трёх случаях) и северо-западная. Погребная картина наблюдается и на других неолитических памятниках сопредельных регионов, но там "нестандартные" погребения составляют незначительный процент от захоронений с единым обрядом⁵. Устойчивый комплекс находок на Варфоломеевской и Орловской стоянках однозначно указывает на то, что орловская культура имела вполне сложившийся облик, чему должен соответствовать устойчивый обряд погребения. Но выявить доминирующий обряд среди варфоломеевских погребений пока невозможно ввиду их немногочисленности. Такие сильные различия в обряде, вероятно, происходят из-за одновременности погребений, поскольку стоянка функционировала длительное время. На памятнике выделяются три культурных горизонта, существовавших последовательно и непрерывно, поэтому имеет смысл попытаться связать с ними найденные погребения.

Древнейшими следует считать парное погребение № 4 и детское погребение № 6, залегающие в нижнем слое и материке, и перекрытые глинистой прослойкой, отделявшей нижний слой от среднего. Следовательно, данные погребения могли быть совершены только в начальный период существования стоянки. Нижний скелет погребения № 1 находился уже во втором слое и частично прорезал прослойку, перекрывающую погребение № 4. В свою очередь он был потревожен ещё более поздним скорченным захоронением. Вероятно, верхний и нижний скелеты погребения № 1 разделены значительным хронологическим отрезком, т.к. верхний погребенный по своей позе близок к погребению № 2 (скорченно, на правом боку), залегающему всего на глубине 1 м, т.е. в верхней части среднего (второго) культурного слоя. Наиболее логично отнести эти два погребения (№ 1, верхний скелет и № 2),

а также детское погребение № 5 к финальному этапу существования стоянки. Неопределенным остается хронологическое положение погребения № 3. Оно залегает в нижнем слое, на значительной глубине, но не могло быть совершенно пока (функционировало жилище, сооружение которого относится к начальной фазе существования стоянки. Погребение можно синхронизировать как со вторым, так и с третьим слоем. Комплекс немногочисленного погребального инвентаря погребения № 3 не включает детальных вещей, а находки рядом с остальными погребениями, скорее всего, не имеют непосредственного к ним отношения.

Безинвентарность или почти полное отсутствие инвентаря — еще один характерный признак погребений Варфоломеевской стоянки. Аналогичная картина встречается не только среди территориально близких неолитических могильников⁶, но и на памятниках других регионов. В этом плане интересны выводы В.А.Алехина о том, что бедные, безинвентарные погребения Среднеазиатского, Иранского и Малоазиатского регионов, бессистемно расположенные на территории поселений, характерны для периода архаической экономики производящего типа⁷. Выше уже говорилось, что население Варфоломеевской стоянки овладело началами животноводства, т.е. находилось на первом этапе развития производящей экономики. Поэтому безинвентарность погребений и их бессистемное расположение на территории стоянки в какой-то мере можно отнести на счет общих стадийных закономерностей социального развития периода становления производящего хозяйства.

Провести детальное сравнение варфоломеевских погребений по таким общепринятым критериям, как наличие или отсутствие коллективных погребений, количество охры, состав погребального инвентаря с другими неолитическими могильниками сопредельных территорий пока нельзя. Этому препятствуют как отсутствие близких аналогий или их фрагментарность, так и небольшое пока количество погребений на стоянке.

При этом значительная часть погребального инвентаря ранне-неолитических могильников Поволжья и степной зоны к западу от Волги, относящихся к мариупольской культурно-исторической области, находит свои прототипы и прямые аналогии в материальном комплексе Варфоломеевской стоянки⁸. К таким находкам относятся бусы из раковины *Unio*, подвески из ископаемых раковин *Pectunculus*, подвеска из зуба оленя, шлифованные теса, каменные булавы, обработанные клыки кабана и костяные фигурки лошадей (рис. I, 5-7). Также обнаружена

менная пластина с отверстиями. Несмотря на то, что для мариупольских могильников характерен единый обряд погребения с незначительными отклонениями от общей нормы, наличие погребального инвентаря в большинстве захоронений и вынесение могильников за пределы поселений, подобные совпадения в наборе предметов материальной культуры свидетельствуют, скорее всего, о генетической преемственности орловских и мариупольских памятников Заповжья. Поделенная ворончковой керамикой и увеличение количества орудий из кварцита в верхнем слое Барфоломеевской стоянки также указывает на то, что истоки раннего энеолита названной территории следует искать в местном неолите.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Воробьев В.Б. Разводки на Узеньях // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 172.

² Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. С. 40-41, 45. Рис. 3, 5; Ляхов С.В. и др. Работы Саратовского университета // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 160-181.

³ Мамонтов В.И. Позднеэнеолитическая стоянка Орловка // СА. 1974. № 4. С. 254-258.

⁴ Юдин А.И. Барфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 142-172.

⁵ Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. М., 1986. С. 58; Болановская Т.Д. Погребения блане неолитического поселения Ракушечный Яр у станции Раздорской Ростовской области // Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л., 1972. МИА № 185. С. 267-268; Сеник А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 122-123.

⁶ Болановская Т.Д. Указ. соч. С. 262-265; Сеник А.Т. Указ. соч. С. 122-123.

⁷ Алёшкин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986. С. 52-54, 151-152.

⁸ Макаренко М. Мартильский могильник. Київ, 1933; Васильев И.Б. Матвеева Г.К. Могильник у с. Съезже на р. Самара // СА. 1979. № 4. С. 147-166; Васильев И.Б. Могильник Мариупольского времени в Диполом сврате на Севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 3-29; Телегин Д.Я. Раскопки в Ясидзачатке (о периодизации могильников мариупольского типа) // СА. 1988. № 4. С. 5-17.

ПОГРЕБЕНИЯ С БУЛАВАМИ И ВТОКАМИ ИЗ НАТАЛЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В процессе раскопок второй Натальинской кургандной группы, расположенной на левом берегу Волги около с. Натальино Балаковского района Саратовской области, нами были исследованы три индивидуальных кургана, содержащие погребения с навершиями булав.

Насыпи курганов и материк представляли собой коричневую глину, вероятно, поэтому могильные выкиды не зафиксированы. Местность, где расположен могильник, ранее распаханная, но к моменту раскопок поверхность насыпей была задернована.

Курган № 6 (диаметр 16 см, высота 0,3 м) содержит одно материковое захоронение, несколько смещенное от условного центра насыпи к юго-западу. Верхняя часть стенок могилы в д.ч.с. были сильно потрепованы грызунами (рис. 1). Поэтому по верхнему краю яма имела трапециевидную форму (180 см x 225 см), а к низу сужалась до 155 x 180 см, принимая прямоугольные очертания. Судя по растительному тлеву, могила имела по дну размеры 135 x 170 см и была ориентирована по линии С-Ю. При выборке заполнения ямы встречены отдельные мелкие кости скелета человека и грызунов, а также фрагменты дерева от парегртия. Глубина могилы в материке - 150 см.

На дне могилы, ближе к западной стенке, лежал в окорченном положении на левом боку, черепом на север, скелет мужчины в возрасте более 55 лет¹. Кости таза и правого бедра отсутствовали, так как на их месте проходила канава.

Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицу, при этом кисть левой руки "охватывает" подбородок. В свою очередь кисть правой руки как бы поддерживает левую руку выше локтя. Ноги согнуты в коленях под острым, а в бедрах под прямым углом.

Дно могилы первоначально было посыпано мелом, затем краской охра, на которой находилась растительная подстилка. Охра также зафиксировалась на локтях, кистях рук, ребрах, коленях, ступнях и темной части черепа.

Против лица умершего лежало каменное шлифованное навершие булавы эллипсоидной формы со сквозным отверстием для рукояти (рис. 1-1; 3-2). Булава изготовлена из темно-зеленого сурьениста камоуральского происхождения². В иммерсии прослеживаются его светлая кристаллины с вкраплениями магнетита, который придает породе 170-

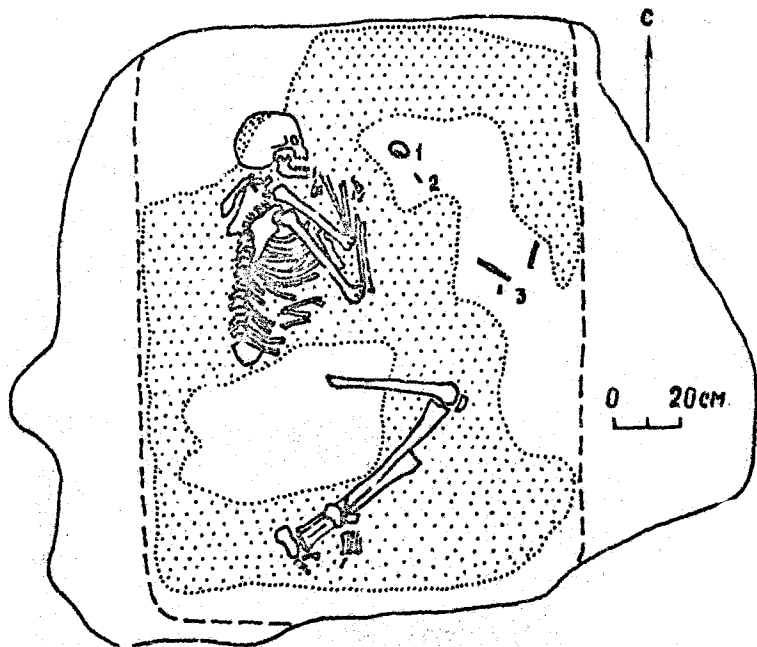

Рис. 1. Погребение из кургана № 6

той темный цвет. Высота предмета - 2,5 см, диаметр - 5,5 см. Втулка под рукоять сверлилась снизу, так как здесь её диаметр равен 1,5, а в верхней части отверстие сужается до 1 см.

С этой стороны втулки имеется невысокий бортик. Рядом с булавой встречен обломок очень короткого четырехгранного бронзового стержня, вероятно, от шила (рис. 1-2). Другой аналогичный фрагмент лежал ближе к восточной стенке (рис. 1-3; 5-7).

Курган № 7 (диаметр - 14 м, высота - 22-27 см) располагался в 500 м к югу от кургана № 3 и рядом с курганом № 8. Насыпь возведена над одним материковым погребением, смещенным на 0,5 м к западу от условного центра кургана.

Прямоугольная могильная яма с закругленными углами, размером 175 см x 250 см, глубиной в материке 145 см, была ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 2). Стенки и дно могилы потревожены грызу-

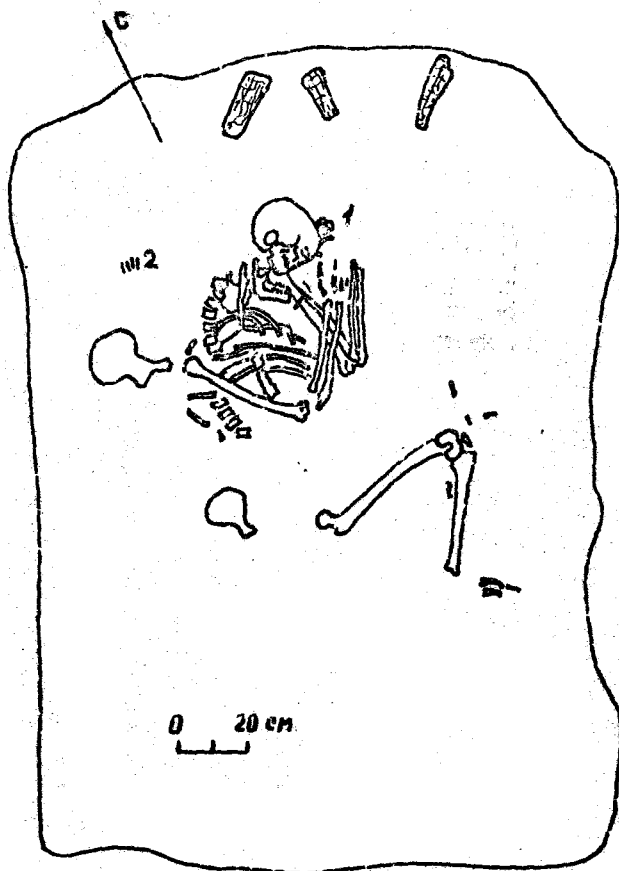

Рис. 2. Погребение из кургана № 7

нам. При выборке захоронения встречены кости сурков и обломки дерева от поперечного перекрытия (рис. 2-3).

В центре могилы лежал частично сохранившийся скелет мужчины в возрасте около 50 (35-55) лет, в скрещенном положении на левом боку, черепом на ССВ. Руки согнуты в локтях, кистями помещены перед лицом. Левая нога согнута в бедре и колене под острыми углами. Некоторые кости скелета из-за деятельности сурков смещены и растащены по норам.

Кисти рук, ступни левой ноги и сохранившаяся часть могилы посыпаны красной охрой, под которой сохранился растительный слой от подстилки. Кроме того, на некоторых участках дна встречается мел.

За спиной покойника лежали в ряд четыре составных парных костяных утеса от двух стрел (рис. 2-2; 4-1, 2). Блоки имеют с внутренней стороны ступенчатый вырез для упора тетивы. При плотном соприкосновении двух втоков между ушками оставалась выемка для тетивы шириной около 4 мм и глубиной чуть более 2 см (рис. 4-1), шпоровый кончик оформлялся в виде стержня диаметром 1-1,5 см, вставлявшегося в древко. Две другие пластины плотно не соприкасаются (рис. 4-2), поэтому точно определяется только ширина (не менее 5 мм) и толщина (6 мм) выемки для тетивы. Толщина стержня, на который хрепалось древко, может варьировать от 12 до 5 мм.

Стержневидные концы втоков шероховатые, а внешняя сторона ушек зашлифована и украшена резными линиями.

Скелет черепа лежал скелет небольшой рыбы и литое бронзовое навершие крестовидной булавы (рис. 2-1). Высота изделия 3,8 см, диаметр основания 2,5 см (рис. 6-1).

Корпус булавы удлиненно-овальный с четырьмя выступами. Один из выступов полый и соединяется с втулкой округлым отверстием диаметром 2 мм. Вороток железидное отверстие имеется с противоположной стороны этого же выступа, внутри которого есть свободно перемещающийся бронзовый шарик или капля металла. Можно полагать, что и остальные три выступа, внутри полые и имеют там какие-то мелкие предметы, так как при потряхивании они издали шум. В нижней части втулки, с внешней стороны имеется узкая "манжета". Высота корпуса булавы 3,8 см, диаметр основания 2,5 см.

Трубка имеет на верхнем конце внутренний диаметр 1 см, на нижнем - 1,5 см.

Курган 5 10 (диаметр 14 м, высота 17-26 см) расположен в ЮО к северо-востоку от кургана № 9.

Матричная прямоугольная могильная яма, размером 220 x 180 см, среза горизонтальная по линии СЗ-ЮВ, располагалась несколько юго-западнее условного центра кургана (рис. 3). Могилка была заполнена глиной с прослойками саж и имела глубину в материке 135 см. На расстоянии 1-1,5 м от края южной стены, на уровне погребенной почвы, были положены компактной "кузой" две внешние челюсти, альвеолы и четыре срубленные ноги коровы (?).

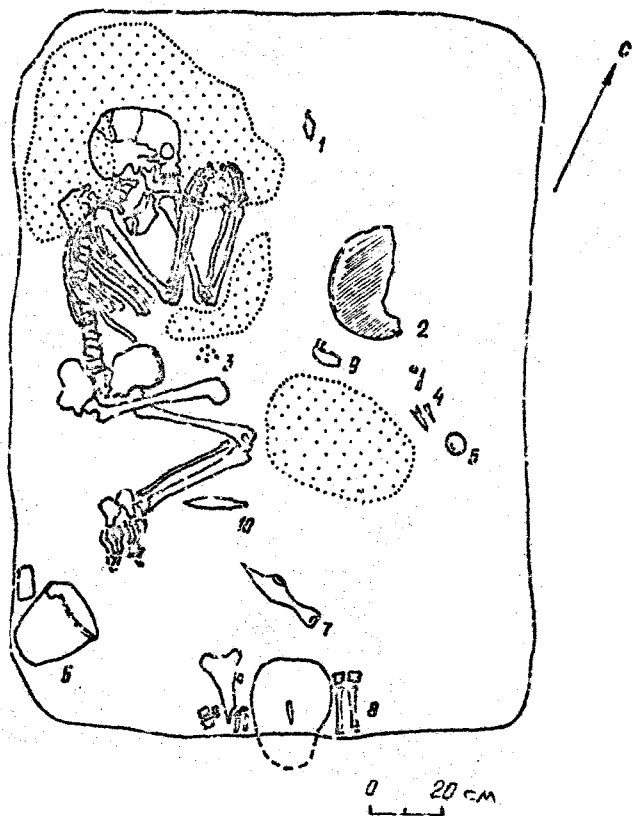

Рис. 3. Погребение из кургана № 10

Около западной стенки лежал скелет мужчины возрастом около 25 лет, в скорченном положении на левом боку, черепом на северо-запад. Руки согнуты в локтях. Кисти помещены перед черепом. Ноги согнуты в коленях под острым, а в бедрах почти под прямым углом. Дно могилы посыпано первоначально мелом, затем в некоторых местах красной охрой. Над мелом и охрой сохранился растительный тлен от подстилки или покрывала. Охра также фиксировалась на темной части черепа, правом плече и кистях рук.

Около южной стенки лежали кости животных (рис. 3-7, 8): лопатка

барана, череп и по обе стороны от него пары обрубленных ног коровы (?). Против лица покойника лежал небольшой тонкий двулезвийный бронзовый ножичек длиной 8,6 см, с короткой рукоятью, конец которой закруглен (рис. 3-1; 5-2). Нож был помещен в деревянный футляр, древесные волокна от которого сохранились на клинке и ручке.

К востoku от локтей покойника фиксировались остатки от круглого днаща тунзка диаметром 35 см (рис. 3-2) в виде древесного глыба и 5-6 слоев барести над ним. Рядом с тунском (рис. 3-9) лежал скелет маленького зверька. Около правого колена помещалась гиза из 42 рудятых сурьмяных и 8 белых пастовых бус (рис. 3-3) диаметром не более 4 мм. Они имеют цилиндрическую и кольцевидную форму. Одна из пастовых бусин двухчастная (рис. 5-4-5).

Около восточной стенки находились: небольшой каменный, заполированный с внешней стороны, предмет, часть которого отколота (рис. 3-4; 4-24); два костяных и один кремневый наконечники стрел (рис. 3-5), а также расколотое на две части каменное шлифованное навершие булавы (рис. 3-6).

Один костяной наконечник черешковый, ромбовидный в сечении (рис. 4-27), другой втульчатый-семигранный (рис. 4-28). Острые концы наконечников обломаны или плохо сохранились. С одной стороны от черешка была плотно подогнана костяная накладка треугольной формы (рис. 4-27). Оба экземпляра имели длину около 5 см. Диаметр втулки - 3 мм, ширина черешка - 8 мм. Третий кремневый наконечник подтреугольной формы со сплошной двусторонней ретушью имеет вогнутое основание (рис. 4-29) шириной 2 см.

Навершие булавы имеет шаровидную форму (рис. 7-1), наибольший диаметр 7 см, высоту - 6 см. Ширина основания - 3,5 см, диаметр по нижнему концу отверстия - 2 см, верхнему - 1,5 см. Булава светло-зеленого цвета изготовлена из серпентинита, зерна которого сцементированы магнетитом.

Рядом с берцовой костью правой ноги лежал бронзовый двулезвийный нож с выделенным перекрестьем и рукоятью, конец которой ромбически раскопан (рис. 5-3). Длина изделия 19 см, ширина перекрестья - 3 см. От пятки и до перекрестия фиксировались волокна от деревянной рукоятки.

К юго-западному углу могилы, около ступней, лежал в обломках сероглиняный округлобкий, горшковидный сосуд с примесью толченых раковин в глине (рис. 5-1). Внешняя поверхность имеет грубые поло-

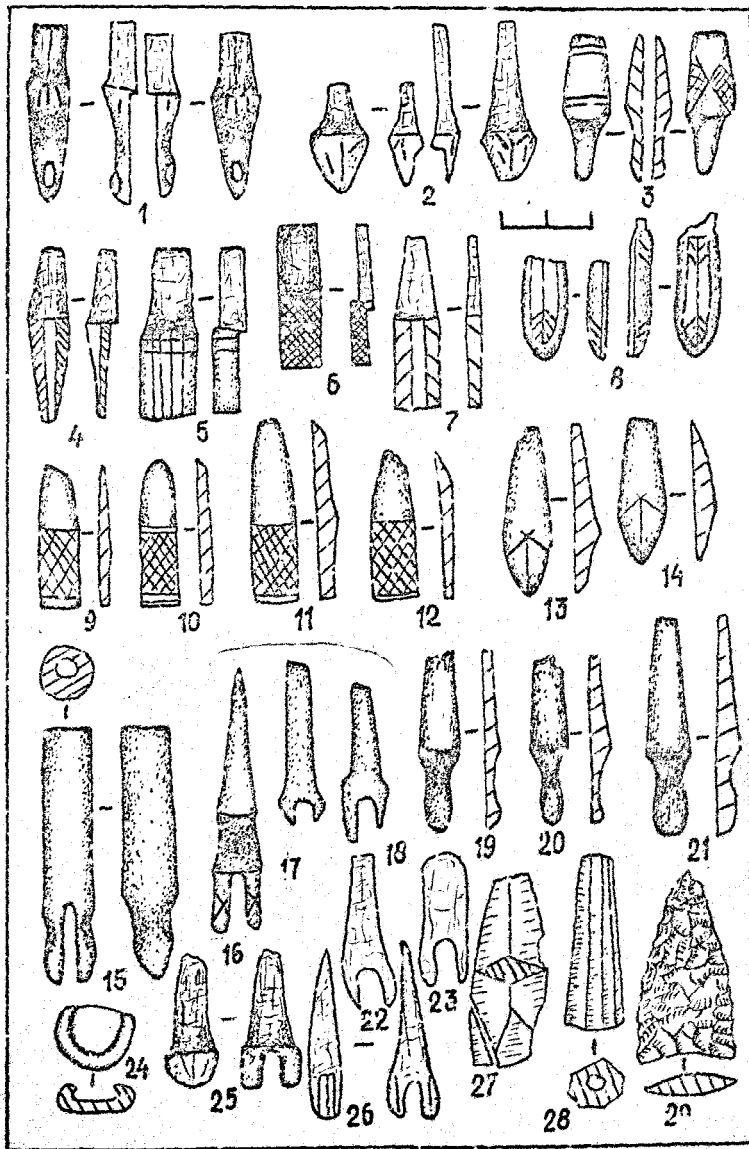

Рис. 4. Предметы из камня (24, 29) и кости: 1, 2 - Гитальино II, п. 7; 3 - Натальино II, к. II; 4-8, 25 - Вережновка I, к. 25, п. 4; 9-14, 19-21 - Нопшановск, к. 4, п. I; 15-18 - Ласчное, к. I, п. I; 22-23 - Черобаево, к. I, п. 3; 24, 27-29 - Натальино II, к. I; 26 - Макаровка, к. 2, п. 4

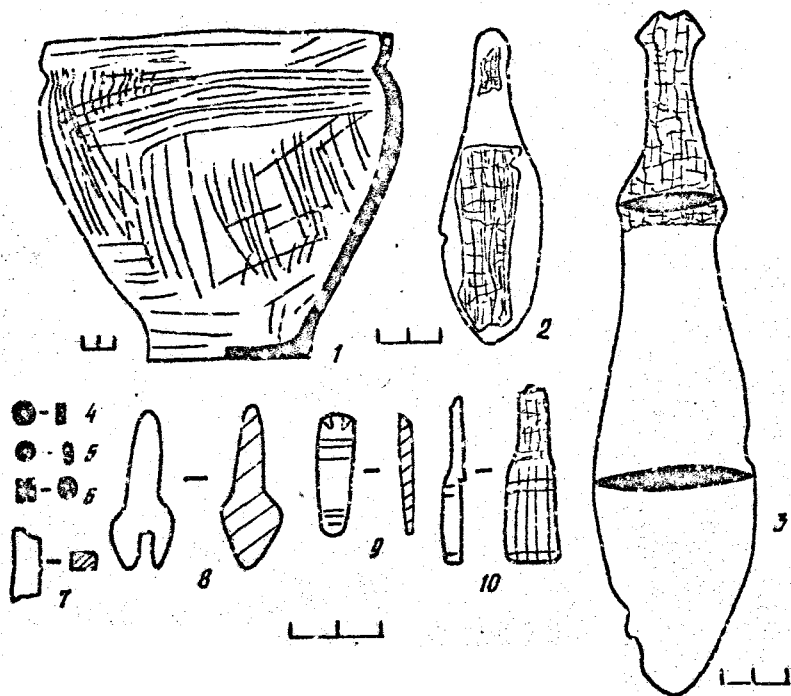

Рис. 5. Предметы из глины (1), бронзы (2, 3, 7), кости (8, 10), фаянса (4-6) и сурьмы (4, 5): 1-6 - Натальино II, к. 10; 7 - Натальино II, к. 6; 8 - Балтачевское селенье; 9 - Натальино II, к. II; 10 - Покровск к. 7, п. 3

ны от заглаживания, а на внутренних стенках есть нагар от пищи. Венчик слегка отогнут, с внутренней стороны имеет характерный ве- лобчатый уступ абашевского типа. Высота сосуда - 19 см, диаметр по срезу венчика - 20 см, по наибольшему расширению тулова - 20,5 см, по шейке - 19,5 см, по дну - 8,5 см.

Все три исследованные нами могилы близки между собой прежде всего по социальному статусу погребенных. В прямоугольных ямах захоронены мужчины с наконечниками булав и другими категориями ору- жия (нок, детали от стрел). Погребения - единственные в кургане, что в Нижнем Поволжье характерно для обряда особой части предста- вителей социально-дифференцированного индо-иранского срубного и

покровско-абашевского патриархального общества /3. С. 149-154/. Другими общими элементами являются поза погребенных и ориентировка их в северном направлении, а также использование в обряде красной охры, мела и растительной подстилки.

Вместе с тем в обряде и инвентаре имеются и отличия, характерные прежде всего для погребения из кургана № 10, которые в определенной степени можно объяснить тем, что оно по керамике определяется как покровско-абашевское. Такие же абашевские колоколовидные горшки происходят из Покровских и других курганов Нижнего Поволжья (Т. С. 7-9, рис. 1-8,9; 2-14). Это погребение выделяется более крупными размерами могилы, присутствием на дне и по краям ямы костей животных, а также большим набором различных категорий инвентаря. Хотя нельзя исключать того, что другой инвентарь мог быть и в остальных двух исследованных погребениях, существенно пострадавших из-за нор. Наличие черепов и ног жертвенных животных связано с обычаем оставлять их щуры, распространенном не только в срубных, петровско-синташтинских, абашевских древностях, но и в других, преимущественно скотоводческих, культурах лесостепей и степной Евразии /6/. В индоевропейской мифологии практика жертвоприношения животных (коня, быка, свиньи, свинок, собаки) заменяет человеческое жертвоприношение /7. С. 532/.

Могильная яма кургана № 10 ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, что не характерно для срубной культуры Нижнего Поволжья. Такая ориентировка могил и погребений черепом на СЗ встречается чаще всего во всех абашевских регионах, но преобладает в Среднем Поволжье /4. С. 89-90/ и в индивидуальных петровских курганах Ю. Зауралья, Северного и Центрального Казахстана и принадлежаших, вероятно, особой социальной группе воинов-колесничих (5. С. 134-135/.

Берестяные туески более характерны для абашевских культур (4. С. 31; 8. С. 235. Табл. VII-15; 9. С. 92/; представлены единичным экземпляром в андроновских памятниках Енисейской Сибири /10. С. 73. Табл. XV-26/.

Нож меньшего размера (рис. 5-1) имеет закругленную плтку черенка и листоидный клинок, что сближает его с небольшим ножом срубно-абашевского захоронения Усатовского кургана, исследованного П.Д. Рау /15. Табл. VI-2/. Усатовский и Каталинский ножи представляют собой типологическую разновидность большой группы ножей

с притупленной пяткой черенка, в которую входит экземпляр из орубно-абашевского погребения 3 кургана № 7 близ Покрова /II. С. 65, рис. 56-44/. Они отличаются от покровского и других типологически близких абашевских изданий отсутствием ребра на клинке и закругленной пяткой. В свою очередь аналогичны покровскому ножу В.И. Сагайдак верно указал среди абашевских комплексов /I2. С. 65/.

Такой же предмет происходит с Алексеевского поселения /I3. С. 82, рис. I3-4/, который Н.А. Аванесова вместе с покровским определяет как наконечники стрел. При этом экземпляр из Покрова исследователем датируется XV в. до н.э., а алексеевский, вместе с среднеазиатскими и лобойковскими наконечниками, относит к XI-IX вв. до н.э. /I4. С. 55-41. № XXVIII, XXXIX/. Нам представляется, что алексеевский наконечник по своей форме ближе к покровскому и другим аналогичным металлургическим ножам, широко представленным в абашевских древностях Южного Приуралья /I5. С. 89. Табл. XIV-7, 8, I3/ и его дата Н.А. Аванесовой завышена. Тем более связь этого предмета с поздним слоем Алексеевского поселения не бесспорна, так как наконечник происходит из сборов.

Второй крупный металлургический нож относится к группе с ромбическим окончанием черенка, перехватом и перекрестием, широко распространенных не только в орубной и абашевской культурах, но и в других памятниках /II. С. 65, рис. 57-29-46; I8. С. 146-150, рис. 23-9-20/.

Детали стрел

Определенный интерес представляют наконечники (рис. 4-27-29) и концевые яблочки (рис. 4-1, 2) стрел из курганов № 7, IO. Несмотря на сравнительно большое число находок деталей от стрел в орубной культуре Поволжья, классификация наконечников и вхоков остается не разработанной. Поэтому мы более подробно остановимся на вхоках или концевых яблочках от стрел, а также затронем ряд вопросов, связанных с реконструкцией стрел орубной культуры.

Дук и стрелы, как и другие категории оружия, играли особую роль в итратальном обряде орубной культуры Поволжья, подчеркивая высокое социальное положение умершего, являющегося, вероятно, военачальником /I9. С. 29-33/.

Нам пока известно одно покровско-абашевское захоронение в Скотовском кургане № II, в котором обнаружен деревянный лук и кожа -

ный колчан, содержащий 13 кремневых наконечников стрел. Судя по чертежу /20. С. 168-169, рис. 59/, колчан занимал площадь длиной 50 и шириной 15 см. Длина древков стрел вместе с наконечниками в таком колчане могла быть 40-45 см. Скорее всего, колчан сохранился не полностью и его размеры, вычисленные по площади распространения тлена, на наш взгляд, меньше истинных. Несмотря на то, что стрелы здесь помещались в колчане, древки стрел и втки не сохранились. Такая ситуация наблюдается, как правило, и в других орубных погребениях, где присутствуют наконечники стрел. В них нет втков из кости, потому что они, вероятно, были деревянными и не сохранились.

Ушки или втки являлись обязательной составной частью любых стрел и располагались на тыльном конце древка, куда вставлялась тетива во время натяжения. Древки стрел представляли собой круглые в сечении деревянные или тростниковые стержни, на которых крепились наконечник, оперение и иногда ушко для накладывания тетивы /32. С. 49/. В тростниковые древки крепились костяные втки /28. С. 28; 32. С. 49/, потому что в тростнике сложно было сделать достаточно прочный вырез для тетивы. На деревянных древках костяные ушки использовались редко, так как здесь они вырезались на их тыльных концах. Следовательно, костяные втки являются деталью преимущественно тростникового древка стрел орубной культуры Заволжья.

Костяные втки встречены только в тех поволжских погребениях, где есть наконечники так же изготовленные из кости (Макаровка, Чебеаево, Натальино к.8, Борисовка I, Песочное) или наконечники отсутствуют (Натальино к.7, II, Новопавловск). Видимо, они использовались для стрел с легким тростниковым древком и наконечником из твердой породы дерева или кости. Возможно, что такие стрелы предназначались для охоты. Более тяжелые каменные наконечники стрел могли иметь деревянные древки, на тыльной стороне которых делался вырез для тетивы и они применялись в военном деле. В тех захоронениях, где есть костяной наконечник, а вток из кости отсутствует — он, наверное, был деревянный. Вероятно, на тростниковые древки крепились также каменные наконечники, но тогда вток у них был из дерева. По диаметру стержня втков, вставлявшихся в древко, его толщина определяется в 10-15 мм. По этим параметрам орубные древки значительно крупнее тонких скифских и сарматских, диаметр которых не превышает 2-5 мм /28. С. 23; 33. С. 42/. К сожалению, сох-

развившиеся древки стрел пока не встречены в срубных погребениях. Однако П. Д. Рау измерили расстояние от острых концов наконечника до втока и определили, что длина стрелы в Макаровке равна 67 см /24. С. 64, рис. 4/. Немногочисленные данные, имеющиеся к настоящему времени, позволяют считать, что длина древков стрел у срубных племен колебалась от 40 до 70 см и была близка по размерам скифским и савроматским /28. С. 22-23; 29. С. 31-36/. Судя по различной длине стрел, племена срубной культуры Поволжья, так же как скифы, могли использовать относительно короткие луки, но длина их была различна.

Всего нами учтено десять захоронений, содержащих костяные ушки от древков стрел /16. С. 79, рис. 51; 20. С. 42, рис. 21. С. 89, рис. 25-I-I; 21. С. 10, рис. 4-18; 22. С. 77, рис. 5-3-5/. Одно из них публикуется В. Г. Миловым в настоящем сборнике. Все стрелы встречены в срубных и срубно-абашевских погребениях Поволжья, а еще три на поселениях, расположенных за его пределами.

Один вток происходит из культурного слоя срубно-мековского Балтачевского селца в низовьях р. Белой /23. С. 10-II, рис. 4-3/, второй из сабашиновского горизонта Ильичевского поселения /25. С. 163, рис. 7-20/, третий - с Береславского селца, который И. Н. Карафутдинов относит к сабашиновской /30. С. 100/, а В. В. Строщенко /30. С. 142-143, рис. 43-II/ - к белозерской культурам. Возможно, что костяной "обломок тонкого, круглого в сечении стержня с емкой на одном конце", имеющийся в инвентаре кобьяковской культуры /31. С. 54/, был втком от стрелы.

Костяные ушки от древков стрел по способу соединения с древком и конструктивным деталям делятся на два отдела и пять типов.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ - цельные втоки - представлен 12 экземплярами из Натальино (рис. 4-15), Песочного (рис. 4-16-18), Березновки (рис. 4-25), Черсаево (рис. 4-22, 23), Макаровки (рис. 4-26), а также Балтачевского (рис. 5-8), Ильичевского и Береславского поселений. Они имеют длину 35-55 м. На тыльном конце есть вырез для тетивы шириной 3-5 и глубиной 5-15 мм. Следовательно, толщина тетивы была в пределах 3-5 мм. Близкие параметры имеют вырезы на ушках и тетива скифских и древнерусских луков /28. С. 23; 32. С. 16, 50, табл. II/. Большинство втоков данного отдела неориентированы, за исключением трех экземпляров (рис. 3-16; 25, 26), у которых для удобства держания пальцами с внешней стороны ушек нанесены разные

В зависимости от размеров, поперечного сечения и деталей формы цельные втоки подразделяются на три типа: цилиндрические, пластинчатые и стержневидные округлого сечения.

Тип 1. Цилиндрические - с полой и "глухой" втулкой (рис. 2-15). Известно два экземпляра (Наталино, к. 8, Ильичевка). Оба изготовлены из трубочатых костей. Наталинский экземпляр имеет длину 54 , диаметр стержня 10 , внутренний диаметр втулки 50 мм. Вся внешняя поверхность его тщательно зашлифована. С тыльного конца, на боковых сторонах ушек сделаны небольшие углубления для пальцев. Во втулку, вероятно, вставлялось не само тростиковое древко, а переходной деревянной стержень. Другой же конец этого стержня вставлялся в тростику. Данный тип пока ни разу не встречен вместе с другими типами втоков. В Наталино он принадлежал стреле с костяным черешком: наконечником.

Тип 2. Пластинчатые - прямоугольного сечения (рис. 2-22, 23, 26). Известно три экземпляра, происходящие только из поволжских срубных погребений. Длина их 3-3,5 см. Наибольшую ширину они имеют непосредственно с тыльной стороны. Она равна 1 см. К противоположному концу, вставлявшемуся в тростику, пластина обычно конусовидно сужается. Конец ее здесь бывает острый или прямо срезанный. Вток вставлялся в древко на глубину около 2-2,5 см. Резные линии нанесены только на ушках из Макаровки и располагаются на той их части, которая не вставлялась в древко. Все втоки происходят из погребений с костяными наконечниками стрел пулевидной формы, аналогичных сабакиновским и культуры Иса /26. С. 45, 54-55, рис. 2/. По вткам и наконечникам стрел погребения из Макаровки и Чербаево должны быть синхронны между собой, а учитывая аналогии указания И.К. Качаловой, в срубной культуре Поволжья они являются относительно поздними.

Тип 3. Стержневидные, округлого сечения, конусовидной формы. В зависимости от длины делятся на два варианта: с длинным (вариант А) и коротким (вариант Б) стержнем. Изготовлены из стержня, один конец которого сточен на конус, а другой к проземи расширяется. Конусовидный заостренный конец вставлялся в тростиковое древко.

Вариант А. Данные втоки происходят из индивидуального срубного кургана Покровского типа близ с. Песочного (рис. 4-16-18). Полностью сохранился только один экземпляр длиной 5,6 см и диаметром 1 см (рис. 4-16). Он входил в тростиковое древко на глубину

4,3 см. При этом перед прорезью, на втоке, сделан желобок шириной более 1 см, где посредством подмотки он плотно подгонялся к древку. Острые концы двух других втоков обломаны. В этом погребении также найден костяной втульчатый наконечник. Количество втоков здесь превышает число наконечников стрел.

Вариант Б. Известно три экземпляра (Бережновка, Балтачевка, Беляус). В Бережновке вток встречен в одном комплексе вместе с составными ушками и костяными наконечниками, происходящем из срубно-абашевского кургана. Длина втоков 3-3,5 см (рис. 4-25; 5-8). Они вставлялись в древко на глубину 2-2,5 см. Остальная часть втоков заполнирована.

ОШЕЛ БРОСОЙ. Составные втоки изготовлены из тонких парных пластин, крепившихся на древке так, чтобы между ними вставлялась тетива (рис. 4-1, 2, 3, 3). Таким образом, для одного древка требовались две пластины, поэтому их число всегда должно быть четным. В Натальино они встречены в двух срубных курганах: к. 7 - 4 шт. (рис. 4-1, 2), к. II - 3 шт. (рис. 4-3; 5-9). Здесь наконечники стрел отсутствуют, а в кургане II количество пластин нечетное. Следует отметить, что данные захоронения сильно разрушены нормами. В Бережновском погребении составных втоков было 6 шт. (рис. 4-4-8) и один стержневидный (рис. 4-25). Все они предназначались для четырех костяных наконечников, обнаруженных здесь же. Из покровского срубно-абашевского кургана № 7 происходит одна половинка от втока (рис. 5-10), которая на рисунке изображена вставленной в костяную трубочку и интерпретировалась как часть "музыкального инструмента". Здесь один раз костяной вток встречен в погребении, где был только единственный, к тому же кремневый наконечник. Однако мы не склонны считать их принадлежащими к одной стреле, поскольку наконечник располагался между ребер и им, вероятно, был поражен захороненный здесь мужчина. Костяная трубочка, а также вставленные в нее часть втока и бронзовый стержень или пластина, возможно, являлись профессиональным набором, которым пользовались при изготовлении втоков стрел. Трубочка служила своего рода шаблоном, под который подгонялись ушки.

В погребении I Бородавского кургана 9 четыре пластины от втока, вероятно, принадлежат древкам с костяными втульчатыми наконечниками. Два других кремневых наконечника имели, скорее всего, деревянные древки и ушки. В погребении I срубно-абашевского Новопавловского кургана № 4 парных пластин от втоков встречено 12 (рис. 4-9-14;

19-21) и они могли принадлежать 6 древкам стрел, наконечники от которых здесь отсутствуют.

Из Заволжья происходит 30 пластин от составных втоков, неизвестных в других регионах срубной культуры. Большинство их орнаментировано разными линиями в виде "решетки" или других композиций, обычно встречаемых также на срубной керамике. Втоки данного отдела членятся на два типа.

Тип 4. Втоки с черенком для насада древка и внутренним уступом, образующим при их совмещении вырез под тетиву (рис. 4-1, 2, 4-6; 5-10). Они происходят из Натальино, Бережновки и Покровка. Внешние стороны ушек заполнены и орнаментированы, а та их часть, которая вставлялась в древко, — нет. При составлении парных втоков образуется стержень, входивший в древко на 10-20 мм. Общая длина предметов — 30-35 , а максимальная ширина ушек — 10-13 мм. Тильный конец втоков оформлен в виде фигурной, треугольной или прямоугольной планки. Глубина прорези под тетиву достигает 20 , а ширина 3-5 мм. Покровский и Бережновский втоки очень близки по своим размерам, орнаментации и происходят из срубно-абашевских курганов. По способу крепления к древку и прорези под тетиву, данный тип имеет сходство с втоками первого отдела.

Тип 5. Втоки, не образующие при совмещении черенок или стержень для насада на древко и внутренней уступ под тетиву (рис. 4-3, 7-14, 19-21; рис. 5-9). Следовательно, они не совмещались плотно и были удалены друг от друга на расстояние, равное ширине тетивы. Вероятно, такие втоки крепились посредством обмотки на тильный конец древка или вставлялись в тростишку, ставшая между ушками пространство для тетивы. В любом случае здесь должен был использоваться переходной деревянный клин или стержень, обивавшийся между пластинками в древко. Пластинки втока при этом могли крепиться непосредственно на сам переходной стержень, конец которого полностью не входил в древко. Втоки данного типа различаются между собой по длине и оформлению ушек, но их пока сложно дифференцировать по способу крепления к древку.

Таким образом, среди культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии костяные втоки использовались чаще всего лучниками срубных племен Заволжья. В этом регионе они известны в комплексах, датированных исследователями как наиболее ранние (27. С. 87, рис. 3-9-11), так и поздние /26. С. 54-55, рис. 2-35, 59, 61, 72-74, 83, 84/. Значительная их серия связана с срубно-абашевскими погребениями покров-

ского типа. Аналогичные втулки неизвестны в "чисто" абашевских комплексах и приоритет их изобретения принадлежит срубным племенам Заволжья.

Костяные втулки Поволжья являются самыми древними и отличаются разнообразием. За его пределами они представлены только двумя типами целых втулок из пяти. Если цилиндрический втулок, найденный в Ильичевке, действительно связан с сабатиновским, а не абашевско-многовалликовым периодом функционирования поселения, то данный их тип можно считать относительно поздним. Такой тип пока отсутствует в срубных древностях бережновского и покровского горизонтов. Длительное время бытуют короткие стержневидные втулки округлого сечения, известные также в сабатинскас-Селозерских памятниках. На роль самых ранних претендуют составные и длинные стержневидные втулки, которые за пределами Поволжья не известны. В целом же костяные втулки, возникнув в эпоху бронзы, существовали достаточно долго. Их экземпляры происходят из новгородских памятников XI в. /32. Табл. II/. Заключившая рассмотрение втулок, следует обратить внимание на то, что по таким элементам как длина стрелы и оформление концов древков, ширина тетивы срубные луки близки скифо-сарматским. В литературе неоднократно подчеркивалось генетическое сходство некоторых костяных срубных наконечников с металлическими скифо-савромато-сарматскими. Героично, срубные племена имели деревянные луки, приспособленные для стрельбы с коня или колесницы, которые в последующем были усовершенствованы скифо-сарматскими племенами.

Наверший булава

Из других предметов, обнаруженных в Натальинских курганах, особый интерес представляет наверший булава. Булава - древнее ударное военное оружие в виде стержня длиной 50-60 см с шарообразным утолщением, головкой или набалдашником на верхнем конце /34. С. 883-884; 35. С. 235; 36. С. 102; 37. С. 123/. Появление первых каменных наверший булава фиксируется в эпоху неолита, а металлических - в бронзовом веке. Они характерны для Древнего Востока, известны в античном мире и у римлян. В средние века булавы применялись на мусульманском Востоке и в Западной Европе. В Русском государстве существовали до начала XX века, где стержень с шаром наверху являлся атрибутом парадной формы швейцаров аристократических домов

и крупных учреждений. Булавы, в виде длинной деревянной трости с круглым металлическим наконечником, под названием насаки сохранились у казаков как принадлежность атаманов. В военной истории булавы так же, как и скипетры, палки, посохи, трости относятся к категории жезлов. Такие предметы были своего рода именной регалией, строго соответствующей рангу военачальника. Римские преторы имели золотые жезлы, а консулы — из слоновой кости. Жезлы присваивались высшим военным начальникам и считались важными военными трофеями. Таким образом, булавы и жезлы являются не только оружием, но и принадлежностью военной символики, несущим образом связанными с военным делом и военной властью.

Поэтому можно полагать, что в Натальнинских курганах они присутствуют в захоронениях мужчин, являвшимися не рядовыми воинами, а военачальниками, обладавшими прежде всего всяской властью. У индоиранцев, к которым исследователи также относят племена срубной, алакульской и петровской культур, insignиями социальной касты князев, кроме коня и колесницы, также являлось оружие /38. С. 55-57/. Выкопанная булава также отражает представление индоиранских народов о волшебном оружии бога Индры /39. С. 96-97/.

Ваджра — дубина, палица (грома) Индры с четырьмя и более углами, а иногда крестообразная или в виде диска, возможно, некогда являлась образом бычьего фаллоса /7. С. 207-208/.

Однако предметы вооружения и знаки власти, в виде скипетров и булав, находящихся параллели в индоиранской мифологии, появляются у племен степного Поволжья и Северного Прикаспия гораздо раньше формирования памятников срубной культуры. Здесь они представлены разнообразными типами каменных жезлов, скипетров и булав, являющимися одними из древнейших на территории Евразии. В данном регионе они бытуют с эпохи неолита и вплоть до середины II тыс. до н.э., а позже практически не встречаются. Не связано ли их исчезновение с миграционным процессом какой-то группы индоиранских племен поволжской ранне-срубной культуры? Во всяком случае, возникновение данных категорий оружия и символов власти, а, возможно, и связанной с ними мифологии, берет свое начало у местных неолитических и энеолитических племен. В свою очередь, происхождение некоторых типов крестовидных булав и скипетров южной Европы вполне обоснованно связывается с прикаспийско-кавказскими скотопоходскими культурами эпохи энеолита, у которых сложились патриархальные отношения с выраженным имущественным и социальным неравенством, а также было развито древнейшее земледелие /40. С. 92-106/. Это подтверж-

дается новыми неолитическими (Хвалынский и Хлопковский могильники) и неолитическими (Дарфоломеевская и Тентексорская стоянки) комплексами Нижнего Поволжья, содержащими скипетры, булавы и кезды.

Основной ареал распространения наварший булав в срубной культуре-исторической общности, также как и костяных всколов стрел, связан с Подольем. Здесь нами учтено 16 булав, происходящих преимущественно из степной зоны Нижнего Поволжья (Камешный враг, к. 2, п. 25; Елховый Куст, к. 2; Натальино II, к. 6, 7, 10; Спартак, к. 2; Осиновка, к. I, п. 2; Студенское-Петровск; Студеновка-1989, к. I, п. 2; Выковка, к. I, п. 2; Ерзовка III, к. I, п. 3; Ерзовка V, к. I, п. I; Бережновка II, к. 90, п. 2; Выково I, к. I, п. 5; В.Балыклей, к. 6, п. 6; Никольское III, к. I, п. 5). В других районах срубной культуры обнаружены только три наваршия булавы: два на Среднем Дону (Мазурки, Подклетное, к. 13, п. 2) и одно в бассейне р. Белой (Старо-Ябаликлинский могильник, к. 28, п. 3). Большинство таких каменных предметов изготовлено из серпентинита, месторождения которого известны на Урале, Северном Кавказе и в Казахстане /41. С. 82/.

По заключению специалистов, для Натальинских серпентинитовых булав материалом послужила порода уральского происхождения. Старо-Ибаликлинская булава изготовлена из гранита /42. С. 165/. Наваршия из Верхнего Балыкля, возможно, сделана из порфирита /43. С. 141/, обнаруженного в нашей стране в Башкирии, Узбекистане, на Урале и Алтае /41. С. 74/. Камешно-Ерзовая нефритовая булава /44. С. 21/ своим происхождением, вероятно, связана с сейманско-турбинскими памятниками, в которых имеется серия колец, изготовленных из такого же камня.

Натальинская металлическая булава отлита из мышьяковистой бронзы, относящейся предположительно к химической группе БК /45/. Наваршия из курганов близ с. Осиновки I /46. С. 137/ и пос. Спартак /47. С. 5/ изготовлены из известняка или меловых пород, встречающихся и в Волго-Уральском междуречье.

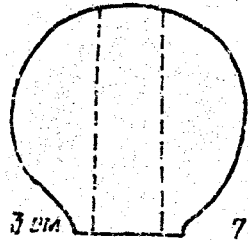
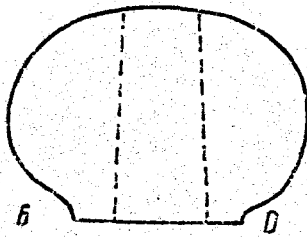
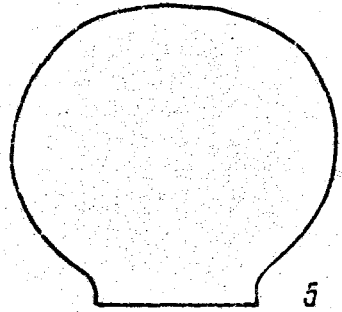
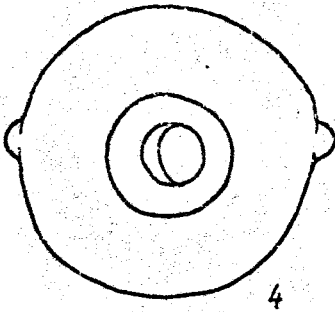
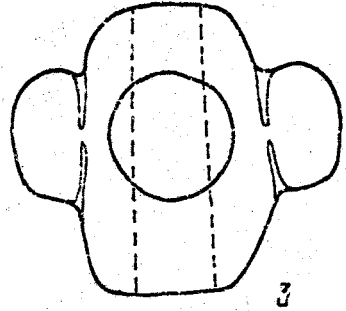
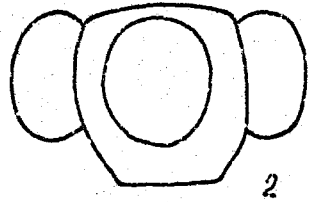
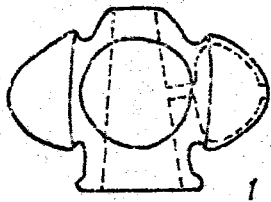
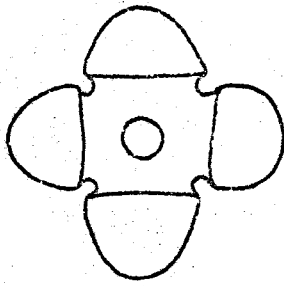
Погребения с наваршиями булавы имеют такие общие обрядовые элементы, как прямоугольные ямы, в которых захоронены мужчины, помещенные в позу "адорации", ориентированные головой в северном направлении (С, СВ, СЗ). Довольно часто здесь используются подстилка, мел и охра.

Кроме того, четыре могилы относятся к категории кедотаров. Од-

нако иногда в позах костяков, их ориентировке и в конструкции погребального сооружения имеются отклонения. Так, в Старо-Ябланинском могильнике костяк располагался в вытянутом положении, а в кургане близ пос. Спартак он ориентирован черепом на ЮЗ и помещен в катакомбе. В целом между собой такие погребения разделяются по степени "престижности".

По деталям формы и индексу отношения высоты корпуса к его диаметру /48. С. 144/ наверху булав срубной культуры подразделяются на четыре типа: крестовидные, грушевидные, шаровидные и дисковидные.

Тип I - крестовидные наверху имеют четыре выступа или выпуклости на корпусе (рис. 6-1, 2). Всего известно три экземпляра, происходящих из Натальинского кургана № 7, Никольского /49. С. 169/ и Осинковского /46. С. 137/ могильников. В Никольском погребении с булавой стоял типично срубный остророберный сосуд, а в Осинковке - горшок абазерского типа. На никольской булаве три выступа круглые, а четвертый - меньшего размера. Это захоронение относится к раннему этапу срубной культуры Волго-Донского междуречья, датируемому XVI-XV вв. до н.э. /50. С. 42-49, рис. 1-IV-15-16/. Кроме того, булава из белого мрамора с четырьмя выступами встречена в могильнике близ пос. Фурманово в междуречье Малого и Большого Узеньей /51. С. 536/. Маленькая костяная модель наверху с четырьмя выступами найдена в захоронении подростка из Лузановских курганов, относящемуся ко второму этапу срубной культуры лесостепного Поволжья /27. С. 87, рис. 43/. Из разрушенного кургана близ с. Мазурки происходит шаровидная булава с двумя маленькими выпуклостями, относящаяся к комплексам первого этапа срубной культуры Среднего Дона /55. С. 154, рис. 55-106/. Восточно-европейские крестовидные булавки, появляющиеся здесь относительно рано, типологически развиваются от древнейших - с приплюснутым корпусом, к позднейшим - с удлиненным корпусом, среди которых литые изделия датируются XIII в. до н.э. /48. С. 147/. Натальинская булава относится к наиболее древним из металлических, поскольку у неё корпус менее удлиненный, а шпечки крупнее, чем у наверху из Лчашена, Башташени, Самтавро, Артика. Булава из Алакульского могильника /52. С. 58, рис. 71/ булава из Натальино являются самыми древними металлическими наверху Евразии. Наверху с выступами в Нижнем Поволжье появляются в эпоху несплита (Барфоломеевская стоянка).

6

0

3 см

7

Срубные крестовидные булавы продолжают генетическую линию развития более древних наверхий близких пропорций к типу, происходящих из полтавкинских комплексов. Полтавкинские крестовидные наверхия В.П.Шилов первоначально датировал КХ-ХУП вв. до н.э. /53. С. 93-94/, а затем отнес к ХУП-ХУП вв. до н.э. /54. С. 88-92/. Поскольку в целом полтавкинские памятники датируются не позже ХУП в. до н.э., то генетически связанные с происходящими из них наверхиями, срубные и срубно-абашевские крестовидные булавы следует датировать как минимум ХУП в. до н.э. Не противоречит этому датировка, предлагаемая для позднего этапа КХК /30. С. 39/, так как Бородинская крестовидная булава по своим параметрам относится к более поздним экземплярам, чем нижеволокские. У нижеволокских срубных булав индекс соотношения высоты корпуса к его диаметру равен 1-1,5. Бородинская крестовидная булава (рис. 6-3), в отличие от поволоков, имеет более удлиненные пропорции, большее значение индексов соотношения по этим же параметрам. Поэтому она в типологическом ряду развития представит более поздний образец. Следовательно, по крестовидной булаве Бородинский клад не может быть датирован более ранним временем, чем поволоцкие срубные и срубно-абашевские комплексы покровского типа. Это подтверждается также имеющимися в Нижнем Поволжье целой серией захоронений с наконечниками копий, каменными топорами, дисковидными и желобчатыми псалмами. Скорее наоборот, данные памятники относятся ко времени несколько более раннему, чем Бородинский клад.

Тип 2 - грушевидные наверхия с бортиком в основании (рис. 6-5-7; 7-8,9). Они достаточно широко встречаются также в катакомбных древностях всех ареалов. Есть они и в Синташинском могильнике, датируемом ХУП в. до н.э. /56. С. 95/. По индексу соотношения высоты к диаметру срубные наверхия данного типа подразделяются на два варианта.

Вариант А - наверхия с индексом близким 1. Известно два экземпляра, относящиеся к ранне-срубным комплексам первых этапов Заволжского /26. С. 54-55, рис. 2-13/ и Волго-Донского /50. С. 42-43, рис. I-IV-15/ регионов. Булавы данного варианта продолжают

Рис. 6. Наверхия булавы из бронзы (I) и камня: 1 - Натальино II, к. 7; 2 - Никольское III, к. 1, п. 5; 3 - Бородинский клад; 4 - Мазурки; 5 - Ершовка V, к. 1, п. 1; 6 - Синодское (Петровский); 7 - Березновка II, к. 90, п. 2

типологическую линию развития полтавкинско-катакомбных наверший. В близких регионах такие же пропорции имеют булавы, происходящие из полтавкинской могилы 4 с заплечиками кургана № I близ пос. Игтерка в Завольжье (57), и из позднекатакомбных бахмутских /48. С. 74, рис. 37-2/ памятников.

Вариант Б - навершия с индексом 0,7 (рис. 6-8,9; 7-6). Самая многочисленная группа представлена 5 экземплярами из курганов близ Сиродского, Подклетного, В.Балыкляя, Спартака и Быковки. Керамика срубная и срубно-абашевская. К этому же варианту близка по индексу одна из Бородинских булав (рис. 7-5). Навершия данного варианта отличаются от рассмотренных выше приземистостью корпуса, и тем, что в рамках срубных древностей они бытуют на несколько более широком хронологическом отрезке. Так, подклетнинская булава относится ко второму этапу лесостепной срубной культуры Среднего Дона /55. С. 154-155, рис. 55-120/. Тем не менее, датировка таких комплексов не может подниматься выше даты позднего этапа КМК, поскольку они содержат навершия и топор (В.Балыклей), близкие Бородинским.

Тип 3 - шаровидные навершия с индексом 0,8. Известно четыре экземпляра, представленные двумя вариантами. По индексу к ним близка Бородинская булава (рис. 7-2), но по телушку на корпусе и другим деталям она отличается.

Вариант А - с плоским основанием (рис. 7-1). Такие навершия пока не встречены в срубной культуре западной левой берега Волги. Одна булава происходит из Натальинского, а вторая из Старо-Ябалаклинского могильников. Третье навершие случайно найдено П.Герстнером на М.Карамане и хранится в Эггелесоком музее. Известна близкая булава в нижнедонских катакомбных памятниках допетровского типа /48. С. 54, рис. 26-4/. Аналогичное навершие есть в петровском могильнике у с. Берлик /55. С. 75, рис. 30-15/.

Вариант Б - с уплощенным основанием и верхом. Известны две булавы. Одна происходит из с. Ерзовка, а вторая найдена В.Г.Ироновым в Студеновском могильнике. Ерзовское погребение относится к числу ранне-срубных памятников Волго-Донского междуречья /50. С. 16-20, рис. 3-4/. Обе находки связаны с правобережными районами Нижнего Поволжья. Близкое по пропорциям навершие есть в петровской культуре /58. С. 58, рис. 3-2,6/.

Следует отметить, что погребения с навершиями булав в срубной культуре являются не самыми социально значимыми. По наличию

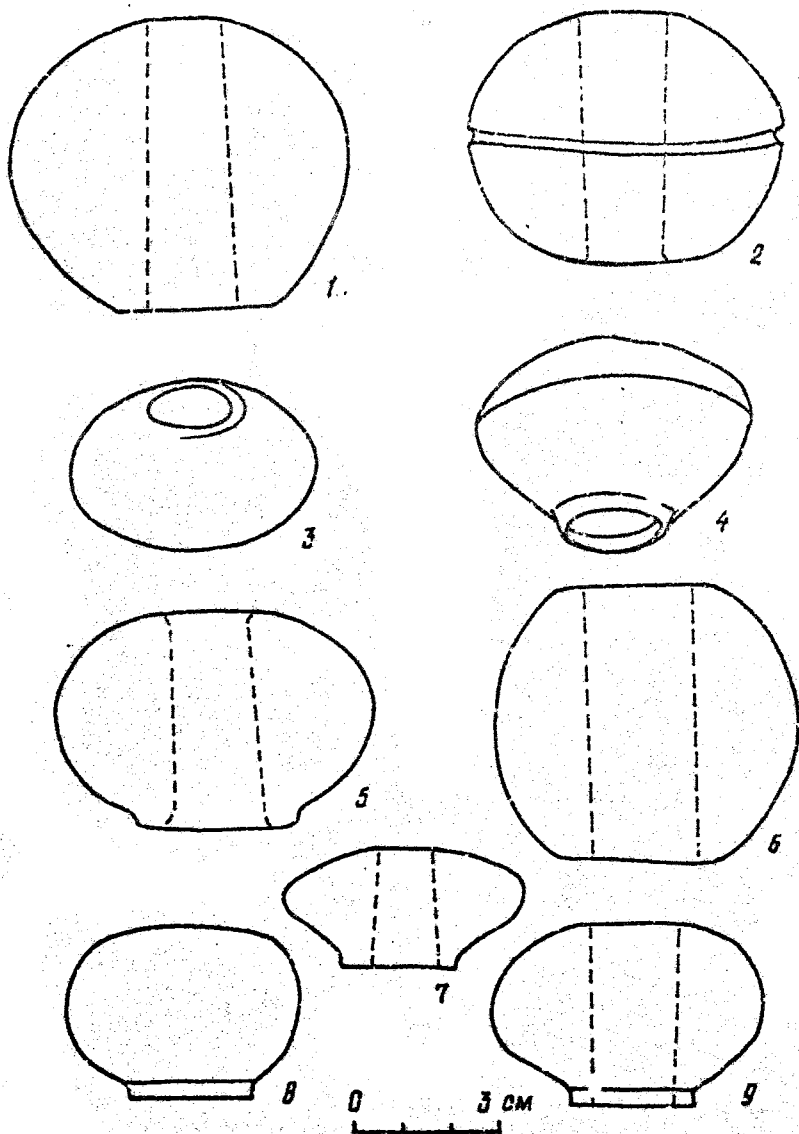

Рис. 7. Навершия булав из камня: 1 - Натальяно II, к.10; 2, 5 - Бородинский клад; 3 - Каменный Враг, к.2, п. 25; 4 - Быково I, к. I, п. 5; Ерсовка III, к. I, п. 3; 7 - Натальяно II, к. 6; 8 - Подклетное, к.13, п. 2; 9 - З.ВалнглеЙ, к. 6, п. 6

престижного инвентаря и элементов обряда взрослые мужские захоронения степного Поволжья и прилегающих территорий выстраиваются в последовательный иерархический ряд. Самое высокое социально значимое место в нем занимает, вероятно, "царские" погребения с наконечниками копий (Мазурки, Покровск, Карамыш, Медвединовское, Березовка) и другим инвентарем. Погребения, как правило, имеют сложные деревянные конструкции с маточными балками и опорами столбами, сопровождались жертвоприношениями животных и могилами "рабов" и "жен". К следующему относительно более низкому рангу относятся могилы родо-племенной знати или вершины касты "кшатриев", с булавами, псалмами, топорами и стрелами. Захоронения с ножами и стрелами представляют собой могилы рядовых воинов. К четвертой группе относятся погребения, содержащие только керамику. На самой нижней социальной ступени находятся безинвентарные могилы "рабов", планиграфически расположенные в кургане вместе с детьми.

Наиболее социально значимые погребения с наконечниками копий, напершиями булав, топорами, псалмами, а также значительная часть могил со стрелами и ножами, концентрируется в степной зоне Поволжья и прилегающей к ней южной окраине лесостепи от Приуралья до Среднего Подонья. Это позволяет считать, что племена данного региона имели более сложную социальную структуру, чем срубные объединения других территорий. В степной зоне Поволжья и Волго-Уральского междуречья находился своего рода военно-политический центр срубной культурно-исторической общности.

Кроме того, напершия булавы, эски, псалмы, наконечники копий и топоры являются хронологическим репером, позволяющим синхронизировать срубные, срубно-абашевские, сиктавинско-петровские, петровско-алакульские памятники с Бородинским кладом и культурой многоваликовой керамики, относящихся к покровскому этапу эпохи бронзы Евразии. В результате такой синхронизации становится очевидным, что ядро срубной культуры первоначально сформировалось в степном Поволжье, а на Украине и в Нижнем Подонье в это время сложилась бабинская культура. Срубные племена появляются здесь позже, чем в Поволжье, поэтому они не оставили в этих регионах социально-значимых захоронений.

Многие из престижных поволжских погребений содержат срубно-абашевскую керамику, которая известна также в Среднем Подонье и на Украине. Поэтому можно полагать, что срубники продвинулись из Поволжья и Подонья в Поднепрорье в конце покровского этапа. Отсутствие

социально-значимых срубных комплексов к западу от Среднего Подонья указывает на то, что в состав мигрантов не входили вожди, родо-племенная элита и воины. Вероятно, этот процесс носил маргинальный характер и военная верхушка в нем не принимала участия.

Носители абашевской культуры входили в состав родо-племенной срубной знати Поволжья, но появление такого оружия, как копья, топоры и особенно булавы не связано с абашевским влиянием. Так, в абашевской общности практически нет копriebений с булавами, топорами и копьями, поэтому абашевское воздействие на организацию военного дела срубных племен не было столь существенным, как предполагалось ранее. Булавы и скипетры как оружие и символы родо-племенной и военной власти появляются здесь у нео-энеолитических скотоводческих племен в результате начавшегося процесса их социальной дифференциации, пик развития которого приходится на покровский этап срубной культуры. Носители абашевского компонента заняли высокое социальное положение на определенном этапе развития срубной культуры благодаря тому, что они являлись своего рода синтагтинско-петровскими инкорпорантами, через которых в Поволжье поступал металл. Это в конечном итоге и явилось причиной того, что они заняли достаточно высокое социальное положение. Связи с петровскими, синтагтинско-петровскими и петровско-алакульскими племенами на покровском этапе развития срубной культуры имели важное экономическое и военно-политическое значение. Урало-Казахстанские комплексы этого времени, чрезвычайно близкие к срубной культуре в территориальном и хронологическом отношении, также содержат большое число престижных захоронений с оружием.

Достаточно высокая степень связности социальной структуры, присутствие оружия и символов власти в Урало-Поволжском регионе свидетельствует о том, что на покровском этапе эпохи бронзы Евразии здесь происходили крупные военно-политические события, закончившиеся исчезновением с исторической арены синтагтинских и срубно-абашевских индоиранских племен.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Определенно А.Д.Шевченко.

² Определенно А.Ф.Ажестинской.

- 3 Малов Н.М. Планиграфия нахневольских подкурганных погребений поморозного типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987.
- 4 Прихин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- 5 Станович Г.В. Бронзовый век Урало-Казакхстанских степей. Свердловск, 1988.
- 6 Грязнов М.П. Быт в обрядах и культурах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и северной Америки. М., 1977.
- 7 Мифы народов мира // Энциклопедия: В 2 т. М., 1987. Т. I.
- 8 Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. 1961. № 97.
- 9 Салдинков К.Е. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. № 21.
- 10 Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСЭ. 1962. № 3.
- 11 Черняк В.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172.
- 12 Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Тр. Куйбышев. пед. ин-та. 1979. № 230.
- 13 Кривошала-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ИИГ. 1948. Вып. IV.
- 14 Авнесова Н.А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Тр. Самарканд. гос. ун-та (новая серия). 1976. № 270.
- 15 Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986.
- 16 Сидичин И.В. Красные памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1938-1939 гг. // Стд. отгик из Уч. зап. СГУ. 1947. Вып. исторический. Т. XVII.
- 17 Качалова Н.К. Абашевские элементы в орубной культуре Нижнего Поволжья // АСЭ. 1976. № 17.
- 18 Прихин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- 19 Шидина И.И. О назначении лука и стрел в погребениях орубной культуры Поволжья // Археологические исследования Калинин. Элиста, 1987.
- 20 Сидичин И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60.
- 21 Скарбовенко В.А. Погребения эпохи бронзы Новонавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- 22 Зулдина В.В., Скарбовенко В.А. Раннесрубный могильник у с. Десное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.
- 23 Морозов К.А. Памятники энеолита и эпохи бронзы в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986.
- 24 Крушлов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. Рос. акад. ист. мат. культ. М.: И., 1936. Вып. 119.

- 25 Павлов Валентин Т. А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеслит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- 26 Качалова Н. К. Пермодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культура-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- 27 Васильев И. Б., Кузьмина О. Д., Семёнова А. П. Пермодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культура-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- 28 Черножко Е. В. Сидфониевские лучники. Киев, 1981.
- 29 Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов // МИА. 1961. № 101.
- 30 Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередикиченко И. И., Шаравутдинова И. И. Культура эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- 31 Шаравутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону // САИ. 1986. Вып. 51-52.
- 32 Мельников А. Ф. Ручное металлургическое оружие (лук и стрелы, само-стрел) XII-XIV вв.) // САИ. 1966. Вып. 51-56.
- 33 Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- 34 Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф. А., и Яворск И. А. 1981. Т. 17(а).
- 35 Военная энциклопедия. Изд. 1910. Т. 8.
- 36 Булава // ВЭС. М., 1971. 3-е изд. Т. 4.
- 37 Словарь русского языка. М., 1981. 2-е изд. Т. 1.
- 38 Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- 39 Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Оренбург, 1986.
- 40 Даниленко В. П. Энеслит Украины. Киев, 1974.
- 41 Куликов Б. Ф., Буканов В. В. Словарь камней самоцветов. Л., 1968.
- 42 Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А. Раскопки Старо-Яблочкинского могильника // АО. 1974. № 1, 1975.
- 43 Муськов Е. П. Курганы эпохи бронзы из курганного могильника Верхний Валчицей // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- 44 Васильев И. Б. Камелино-Брагский курганный могильник // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. Вып. 1.
- 45 Анализ выполнен в лаборатории Института археологии АН СССР. № 30038.
- 46 Гелкин Л. Л., Ким М. Г., Либерсон П. Д., Малов Н. М., Мельник В. И. Раскопки курганов в Саратовском Заволжье // АО. 1973. № 1, 1977.
- 47 Кригер В. А. Отчет об археологических раскопках на территории Уральской области в 1981 году // Архив ин-та ист., арх. и этногр. АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1981. Т. 1, д. 417.
- 48 Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

- 49 Дворниченко В.Р., Малникова Н.В., Смирнов А.С., Федорова Давыдова Г.А. Раскопки курганов близ с. Никольского в Астраханской области // АО. 1977. № 1, 1978.
- 50 Мамонтов В.И. Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- 51 Кушаев Г.А., Кочубаева Г.К. Работы Мамеевского отряда // АО - 1978. № 1, 1979.
- 52 Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // ММА. 1952. № 24.
- 53 Пылов В.П. Счерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1976.
- 54 Пылов В.П. К вопросу о связях Поволжья и Кавказа с Трансильванией в начале II тысячелетия до н.э. // Прогресс археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- 55 Дрягин А.Д., Матвеев В.И. Курганы эпохи бронзы Песчатыкья. Воронеж, 1983.
- 56 Гензин В.Ф. Хронологические комплексы ХУ в. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. I.
- 57 Раскопки Л.Л.Талкина в 1976 г. Хранятся в фондах ССМК.
- 58 Званович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казакстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

В.А. Лопатин

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ПРЕБРАЖЕНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

К проблеме классификации срубной керамики степного Заволжья неоднократно обращались многие исследователи бронзового века Нижнего Поволжья: П.С.Рытов (Покровское селение, 1923 г.), Т.М.Минаева (Покровское селение, 1929 г.), И.В.Сивилев (Маковтово и Успенское поселения, 1949 г.; поселение "Осинов-Гай", 1969 г.), В.А. Лопатин (Покровск, Успенка, Маковтово, Осинов-Гай, Мирный, 1987 г.). Но, как правило, все эти разработки имели вспомогательный характер: преподносившаяся в качестве иллюстрации раскопачного материала. До настоящего времени не разработана единая терминология в отношении форм и орнамента, а также их универсальная типология.

Данная работа посвящена созданию классификационной схемы керамического комплекса одного подробно изученного поселения, раскопанного автором в 1985-1988 гг. Наиболее удобной методикой для дифференциации одновременного керамического комплекса представля-

ется предложенный А.А.Бобринским аналитический подход к изучению форм сосудов или рассмотрение их как солюкпности, вариативности и сочетаемости различных геометрических фигур, служивших идеознательной моделью при изготовлении посуды.

В вопросе терминологии мы не можем пока полностью отказаться от бытующих в литературе названий ассоциативного порядка (бзочный, колоколовидный и т.д.). Полностью исключая этнографические термины (горшок, миска, чаша, кубок), мы будем использовать унифицированное "сосуд", подкрепляя его ассоциативными пояснениями "баночный", "слабопрофильрованный", "островерберный".

В результате раскопок Пресображенского поселения была получена коллекция фрагментов порядка 600 сосудов. Из них 167 экземпляров были графически реконструированы. Эта рабочая выборка и послужила основой для разработки предлагаемой классификационной схемы.

В плоскостное изображение срубных сосудов включаются исключительно от одной до трёх геометрических фигур (рис. I), представленных трапециями и прямоугольниками. Количество геометрических элементов в рамках одной формы определяет её сложность. В данном случае мы имеем дело с тремя категориями сложности сосудов. Представим эту схему как графическое отражение технологических приёмов изготовления посуды, и рассмотрим этот процесс по восходящей, от самой простой категории к самой сложной. Формовка тулова сосуда I категории сложности проходит на основе одного начинка — широкой глиняной лепки трапециевидной формы. В изготовлении сосуда II категории сложности применяются два начинка. Первый составляет придонную часть, второй — плечо, причем "трапеции" начинков обращены основаниями друг к другу, за счет чего в средней части тулова образуется реберчатость или округлость наибольшего расширения. Сосуд III категории сложности кроме первых двух начинов имеет третий, самый верхний, — венчик. Второй и третий начинки стыкуются вершинами "трапеций", образуя в верхней части тулова сужение (шейку).

Анализ формы всегда требует строгого определения составных частей сосуда. Предлагается рассматривать его как структуру тулова. Чем выше категория сложности сосуда, тем сложнее и структура его тулова. III категория сложности включает устье — верхний край (обрез) сосуда; венчик — верхнюю отогнутую наружу или вертикальную часть сосуда между устьем и шейкой; шейку — условную линию между крайними точками верхней суживающейся части сосуда; плечо — часть

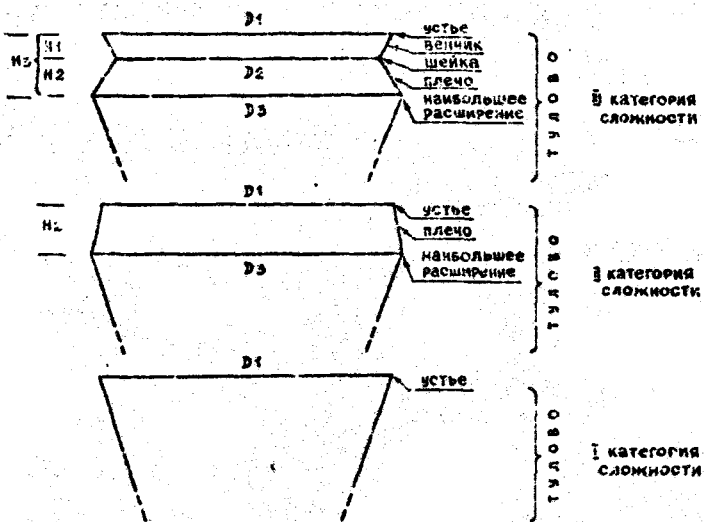

Рис. I. Геометрические схемы формы преобразенной керамики

осуда между шейкой и наибольшим расширением тулова; наибольшее расширение – условная линия между крайними точками средней расширяющейся части сосуда; придонная часть – нижняя отенка сосуда между наибольшим расширением тулова и дном.

Структура тулова сосуда II категории сложности: устье; плечо – часть сосуда между устьем и наибольшим расширением тулова; наибольшее расширение; придонная часть.

Структура тулова сосуда I категории сложности: устье, стенка тулова.

Эта же схема представляется наиболее удобной для получения широтных и высотных показателей при проведении замеров и дальнейшего введения их в статистико-комбинаторную обработку. Показатели распределяются по категориям сложности следующим образом: I КС – диаметр устья (D_1); II КС – D_1 , диаметр наибольшего расширения тулова (D_3), высота плеча (H_2); III КС – D_1 , диаметр шейки (D_2), D_3 , высота венчика (H_1), H_2 , расстояние от устья до наибольшего расширения тулова – дополнительный высотный показатель ($H_3 = H_1 + H_2$).

Основанием для дифференциации керамического комплекса служит вариативность различных значимых признаков. Прежде всего, рассматриваемые сосуды подразделяются на два больших отдела по такому признаку, как наличие или отсутствие венчика. Отдел безвенчиковых сосудов представлен группой баночных сосудов (рис. 2). Отдел венчиковых распадается на две группы по такому признаку, как ребристость или округлость тулова. Венчиковые сосуды с ребром включают группу остроугольных сосудов, венчиковые с округленным туловом – группу слабопрофильрованных сосудов. Сразу отметим, что безвенчиковые (баночные) сосуды составляет более половины всего комплекса (59,8%).

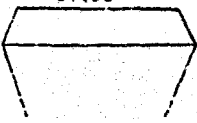
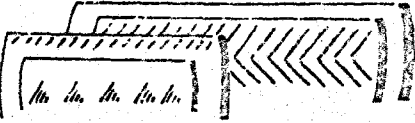
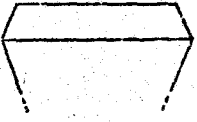

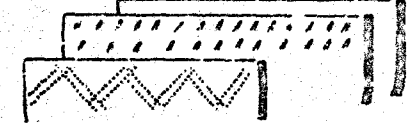

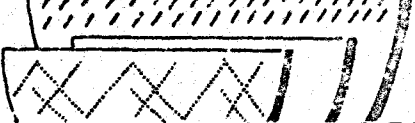
группа	тип	значимый признак формы	Сосуды преобразенского комплекса	кол-во	процент	
Б	1	$E_1 < D_2$			33 %	59,1 %
		$D_1 < D_2$			12 %	71,4 %
В	3	$D_1 = D_2$			21 %	65 %
		D_1			4,6 %	28,5 %

Рис. 2. Отдел безвенчиковых сосудов. Группа баночных

Большая группа баночных сосудов распадается на четыре типа. Значимыми здесь являются такие признаки, как соотношение диаметров устья и наибольшего расширения тулова, а также наличие или отсутствие ребра.

1 тип - закрытые баночные сосуды (округлённое тулово, выпуклое плечо, диаметр устья всегда меньше диаметра наибольшего расширения тулова ($D_1 < D_2$)).

2 тип - обконические баночные сосуды (реберчатое тулово, диаметр устья меньше диаметра наибольшего расширения тулова, плечо прямое).

3 тип - прямостенные баночные сосуды (тулово слабоокругленное, диаметр устья равен диаметру наибольшего расширения тулова ($D_1 = D_3$)).

4 тип - открытые баночные сосуды (тулово слабоокругленное, диаметр устья - максимальный широтный показатель).

Группа слабопрофилированных сосудов - наиболее аморфная часть керамического комплекса Преображенки. От баночных они отличаются наличием венчика, а также более или менее выраженной шейки. В основу членения данной группы на типы положена вариативность венчиков. Выпуклость или округлость тулова не является конкретно значимым признаком. Поэтому нам пришлось отказаться от термина "округлобокий" сосуд. Суть слабопрофилированности этой посуды заключается в том, что она чаще всего не имеет резких профилей (реберчатых переломов, сильного раздутия тулова, резкой отогнутости венчика, сильного прогиба шейки). Зачастую некоторые из них, в силу "слабости" своих профилей, попадают при описании в разряд баночных. Между тем, в отличие от "банок", они имеют совершенно иные значимые признаки. Здесь также выделены четыре типа сосудов (рис. 3).

1 тип - слабопрофилированные сосуды с короткими венчиками (округленное тулово, выпуклое плечо, отогнутый наружу венчик, высота которого всегда меньше высоты плеча ($H_1 < H_2$)).

2 тип - слабопрофилированные сосуды с высоким венчиком (округлённое тулово, выпуклое плечо, хорошо выраженная шейка, отогнутый наружу венчик, высота которого примерно равна высоте плеча ($H_1 = H_2$)).

3 тип - слабопрофилированные сосуды с раструбовидным венчиком (округлённое тулово, низко посаженная шейка, выпуклое короткое плечо, раструбовидноотогнутый наружу венчик, высота которого всегда больше высоты плеча ($H_1 > H_2$)).

4 тип - слабопрофилированные сосуды с вертикальным венчиком (округлённое тулово, вертикальный венчик, диаметр устья всегда равен диаметру шейки ($D_1 = D_2$)), выпуклое или прямое плечо).

группа	тип	значимый признак формы	сосуды преобразенского комплекса	кол-во	орнам.
слабопрофильные	1	$H_1 < H_2$		14,8%	70,7%
	2	$H_1 = H_2$		8,9%	37,7%
	3	$H_1 > H_2$		2,8%	64,7%
	4	$D_1 = D_2$		6%	41,6%
остропрофильные	1	-		2,8%	15,4%
	2	0		3,8%	86,9%
	3	+		1,2%	85,7%

Рис. 3. Отдел венчиковых сосудов. Группы слабопрофильных и остропрофильных

Главный признак III группы (остророберные сосуды) - ребричатость тулова при наличии шейки и отогнутого наружу венчика. В основу членения на типы положена форма плеча. Здесь выделены три типа (рис. 5).

I тип - остророберные сосуды с вогнутым плечом (минусовой показатель плеча).

2 тип - остророберные сосуды с прямым плечом (нулевой показатель плеча).

3 тип - остророберные сосуды с выпуклым плечом (плюсовой показатель плеча). Остальные показатели универсальны для всех трёх типов ($D_1 > D_2$, но $< D_3$; $H_1 < H_2$).

Сравнивая процентное соотношение выделенных в Преображенском комплексе групп, прежде всего отметим значительное преобладание баночных, а с другой стороны - весьма редкую встречаемость остророберных форм (7,8%). Группа слабопрофилированных занимает в этом соотношении среднюю позицию (32,4%). Процентное содержание слабопрофилированных и остророберных форм может заметно колебаться в других известных керамических комплексах. Но всегда баночные преобладают над всеми остальными.

Среди выделенных типов наименьший процент составляет закрытые "банки" (I тип I группы), а реже всех встречаются биконические баночные сосуды и остророберные с выпуклым плечом (2 тип I группы и 3 тип III группы). Заметим сразу, что такой окланный признак, как ребричатость тулова сближает биконические "банки" с группой остророберных. Среди слабопрофилированных чаще встречены коротковенчиковые (14,8%), но реже расгубонидные (2,5%).

Степень орнаментированности выделенных типов посуды обратно пропорциональна степени их встречаемости, - чем реже встречается тот или иной тип, тем сложнее он орнаментирован. Наиболее пышный декор отмечен на остророберных сосудах.

Завершая рассуждения о формах преображенского керамического комплекса, можно установить следующую классификационную зависимость: отдел - группа - тип (рис. 7-А).

Обращаясь к классификации орнамента, прежде всего выделим первичные признаки - элементы декора, прямо зависящие от техники их нанесения. Всего в материалах Преображенки учтено 19 элементов (рис. 4): 1 - прорезчатая линия; 2 - гребенчатая линия; 3 - ленточковидный оттиск; 4 - оттиск перекрученного шнура; 5 - оттиск

№	элементы орнамента	%	№	элементы орнамента	%	№	элементы орнамента	%	№	элементы орнамента	%
1	—————	23,8	6	∩	13,6	11	○	0,6	16	△▽	1,9
2	-----	31,1	7	∩	0,2	12	⊙	1,7	17	══════→	0,2
3	—————	1,9	8	○	3,3	13	◊	1,6	18	══════→	0,2
4	~~~~~	0,5	9	∩	5,6	14	○	1,5	19	•-□	0,1
5	~~~~~	1,2	10	///	4,5	15	○○	1,2			

Рис. 4. Элементы орнамента

памочки шнуре; 6 - каплевидная насечка; 7 - грушевидная насечка; 8 - овальный оттиск; 9 - лезвиевидная насечка; 10 - оттиск края плоской палочки или косо срезанной кости; 11 - бесформенный оттиск торца палочки; 12 - ногтевой оттиск (иногда с отпечатком подушечки пальца); 13 - зерновидный оттиск; 14 - округлый оттиск; 15 - кольцевидный оттиск; 16 - подтреугольный оттиск; 17 - налечной (треугольный в сечении) валик; 18 - налечной (скругленный в сечении) валик; 19 - округлое глубокое вдавление с "жемчужинкой"-негативом на внутренней стороне. Наиболее часто в орнаментации использовались три элемента: прочерченные лички (23,8%), гребенчатые оттиски (31,1%), каплевидная насечка (13,6%). Содержание любого другого элемента не превышает 5%. Примечательно также, что взаимовстречаемость элементов в декоре одного сосуда очень низка. Чаще всего (в 11 случаях) вместе замечены прочерченная линия и каплевидная насечка, причём, оба этих элемента выполнялись одним инструментом. Применение же разных инструментов для орнаментации одного сосуда отмечено лишь в 20 случаях, причём, количество орудий не превышает двух.

Набор элементов, выстроенных в один сплывающий ряд, рассматривается в качестве орнаментального сюжета. Всего в Преображенском комплексе их было зафиксировано 16: I - горизонтальные линии и ряды; 2 - зигзаги; 3 - косострихованные зигзаги; 4 - веерообразные треугольники; 5 - зигзаги с "бахромой"; 6 - косая штриховка в виде треугольников; 7 - штрихованные ромбы; 8 - разрозненные косострихованные параллелограммы; 9 - косая решетка; 10 - горизонтальная "ёлочка"; 11 - разрозненные кресты (соллярные знаки);

12 - мезандр; 13 - хаотичные скопления; 14 - ряды разрозненно сгруппированных комбинаций; 15 - фестоны; 16 - волнистая линия (рис. 5).

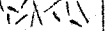
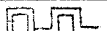

№	сюжеты орнамента	%	№	сюжеты орнамента	%	№	сюжеты орнамента	%	№	сюжеты орнамента	%
1		55	5		0,7	9		3,9	13		11
2		3,5	6		1,5	10		5,7	14		0,7
3		5	7		0,9	11		3,9	15		0,5
4		1,3	8		0,4	12		0,4	16		0,4

Рис. 5. Сюжеты орнамента

Более половины всего содержания составляют простые сюжеты - горизонтальные линии и ряды (55%). По взаимовстречаемости на первом месте дублирование тех же горизонтальных линий и рядов (28 случаев). 16 раз отмечено сочетание горизонтальных линий и зигзагов, 12 раз - совокупность горизонтальных линий и штрихованных зигзагов. Некоторые сочетания не превышают 3 раз.

Следует различать сюжеты по характеру мотивности. Мы выделяем сюжеты цельномотивные (наборны однообразно повторяющимися комбинациями элементов, составляющие единый мотив сюжета), а также дробномотивные (в которых однообразие основного мотива нарушается наборами других элементов, т.е. добавочными мотивами).

Один сюжет или совокупность сюжетов, построенных из элементов, представляют собой орнаментальную композицию. Рассмотрим структуру композиции на примере одного из самых сложно орнаментированных преображенских сосудов (рис. 6-А). Здесь отмечено 4 сюжета. Проследим их распределение в орнаментальной зоне сверху вниз (рис. 6-Б). По шейке сосуда проходит горизонтальная гребенчатая линия. Далее - горизонтальная цепь ромбов, заштрихованных парными крестами, а в нижнем пространстве цепи являются перекрещивающиеся отпечатки штампа и отпечатки полых трубочки (кольцевидные оттиски). В отличие от первого, цельномотивного, второй сюжет является дробномотивным. Основным его мотивом будет горизонтальная цепь ромбов, а двумя добавочными - комбинации из кольцевидных и гребенчатых оттисков в нижнем пространстве цепи. Ниже вновь следует

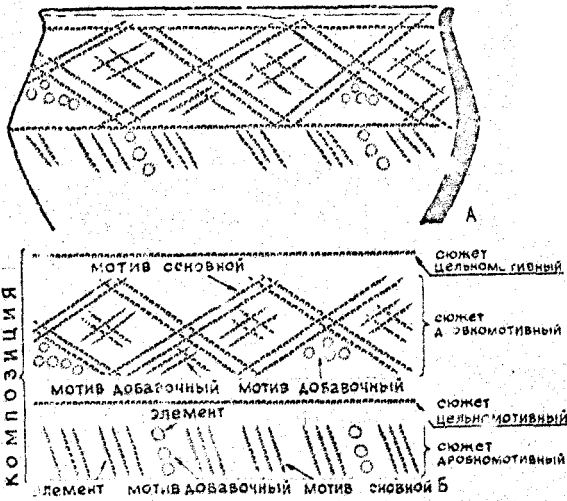

Рис. 6. Структура орнаментальной композиции

горизонтальная гребенчатая линия (цельномотивный сюжет), а далее — горизонтальный ряд разрозненно связанных комбинаций из отливок штампа, изредка перемежаемых косовисающими цепочками кольцевидных отливок (дробномотивный сюжет), где гребенчатые отливки — основной мотив, а цепочки кольцевидных вдавлений — добавочный.

По наложению отдельных частей различных сюжетов друг на друга иногда устанавливается очередность построения композиции (рис. 6-А). На нашем сосуде вначале были нанесены две горизонтальные линии (по шейке и по ребру тулова). Они как бы разграничили орнаментальную зону на основную, проходящую по плечу сосуда, и дополнительную, — ниже наибольшего расширения тулова. Затем основная часть орнаментальной зоны была заполне-

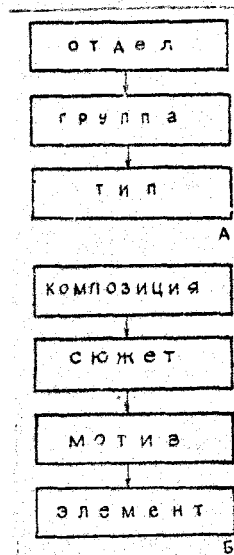

Рис. 7. Схемы классификационных зависимостей форм (А) и орнамента (Б)

на ромбами, а дополнительная — горизонтальным рядом свисающих композиций. Таким образом, в данной композиции горизонтальные линии являются сюжетами, организующими орнамент, цепь ромбов — сюжет, заполняющий основную часть орнаментальной зоны (ядро композиции), а горизонтальный ряд — сюжет, заполняющий вспомогательную часть орнаментальной зоны (аранжировка). И если заполняющими могут быть как дробномотивные, так и цельномотивные сюжеты, то организующими — только цельномотивные и, как правило, простые сюжеты (горизонтальные линии и ряды). Таким образом, классификационная зависимость в орнаментике керамического комплекса Преображенки представляется в виде следующей схемы: композиция — сюжет (цельномотивный или дробномотивный) — элемент (рис. 7-Б).

В.Г.Миронов

ПОГРЕБЕНИЯ ПОКРОВСКОГО ВРЕМЕНИ КУРГАНА № 9 У СЕЛА БОРОДАЕВКА

В 1987 году на паровом поле колхоза имени С.М.Кирова у с. Бородаевка Марковского района Саратовской области экспедицией СТУ и СОМК выявлена¹ курганная группа из 20 аморфных насыпей расположенных на склоне верхней террасы правого берега р. Малый Караман (рис. I-1). Четыре из них были раскопаны. Данная публикация ставит целью внести в научный оборот материалы погребений эпохи бронзы из кургана № 9 (рис. I-2).

Диаметр его насыпи 21 x 17,5 м; высота от древнего дёрна 0,9 м; ровика не было. Насыпь снимали бульдозером. В её СВ поле над древней поверхностью обнаружено ритуальное кострище диаметром до 7 м и мощностью до 0,25 м; под ним было погребение № 4.

Курган содержал 10 погребений. В трёх случаях (погребения 1, 2 и 5) контуры могильных ям в насыпи и на погребенном дёрне выявить не удалось, остальные могилы — без выкидов и перекрытий — фиксировались в насыпи и на древнем дёрне. Подавляющее большинство могил имеет отвесные стенки и относительно ровное основание, при этом в погребениях с 6 по 9 оно прокалено; не потревожена границами только могильная камера № 3. Обряд кремации отмечается у 70% могил: № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8. По очертаниям все могильные камеры услов-

на ромбами, а дополнительная — горизонтальным рядом свисающих комбинаций. Таким образом, в данной композиции горизонтальные линии являются сюжетами, организующими орнамент, цепь ромбов — сюжет, заполняющий основную часть орнаментальной зоны (ядро композиции), а горизонтальный ряд — сюжет, заполняющий вспомогательную часть орнаментальной зоны (аранжировка). И если заполняющими могут быть как дробномотивные, так и цельномотивные сюжеты, то организующими — только цельномотивные и, как правило, простые сюжеты (горизонтальные линии и ряды). Таким образом, классификационная зависимость в орнаментике керамического комплекса Преображенки представляется в виде следующей схемы: композиция — сюжет (цельномотивный или дробномотивный) — элемент (рис. 7-Б).

В.Г.Мионов

ПОГРЕБЕНИЯ ПОКРОВСКОГО ВРЕМЕНИ КУРГАНА № 9 У СЕЛА БОРОДАЕВКА

В 1987 году на паровом поле колхоза имени С.М.Кирова у с. Бородаевка Марковского района Саратовской области экспедицией СТУ и СОМК выявлена¹ курганный группа из 20 аморфных насыпей располагавшихся на склоне верхней террасы правого берега р. Малый Караман (рис. I-1). Четыре из них были раскопаны. Данная публикация ставит целью внести в научный оборот материалы погребений эпохи бронзы из кургана № 9 (рис. I-2).

Диаметр его насыпи 21 x 17,5 м; высота от древнего дёрна 0,9 м; ровика не было. Насыпь снимали бульдозером. В её СВ поле над древней поверхностью обнаружено ритуальное кострище диаметром до 7 м и мощностью до 0,25 м; под ним было погребение № 4.

Курган содержал 10 погребений. В трёх случаях (погребения 1, 2 и 5) контуры могильных ям в насыпи и на погребенном дёрне выявить не удалось, остальные могилы — без выкидов и перекрытий — фиксировались в насыпи и на древнем дёрне. Подавляющее большинство могил имеет отвесные стенки и относительно ровное основание, при этом в погребениях с 6 по 9 оно прокалено; не потревожена грунтовыми только могильная камера № 3. Обряд кремации отмечается у 70% могил: № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8. По очертаниям все могильные камеры услов-

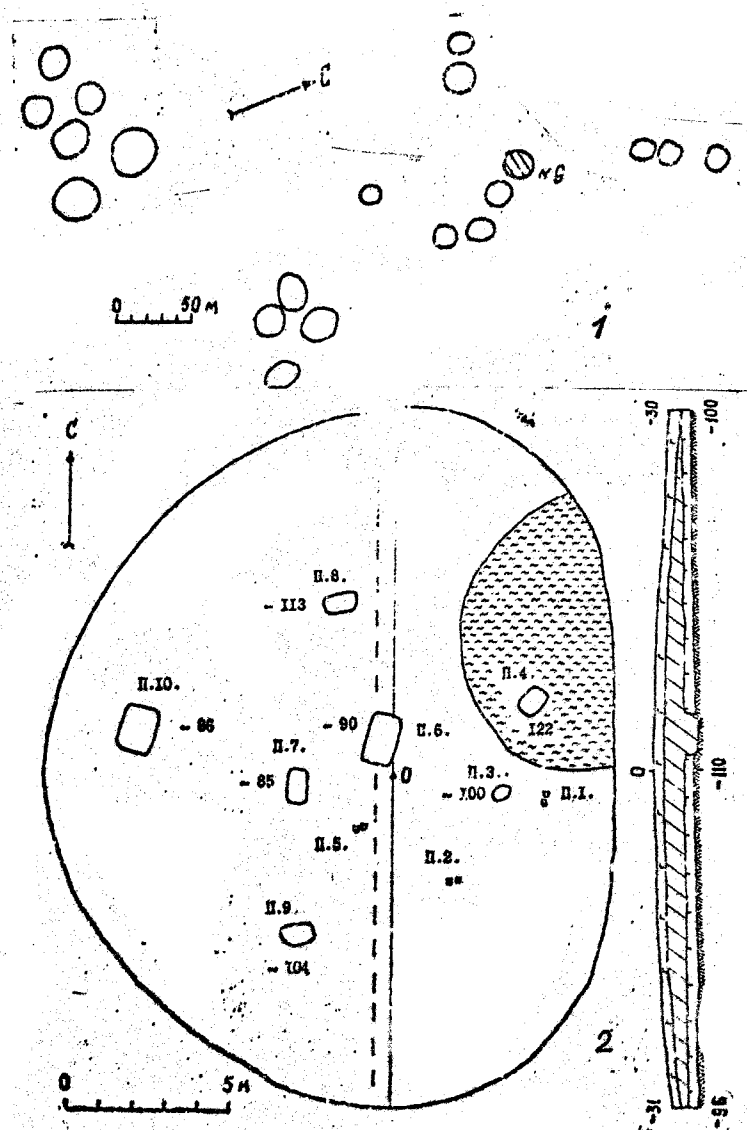

Рис. 1. План курганной группы у с. Бородавка и план погребений в кургане № 9

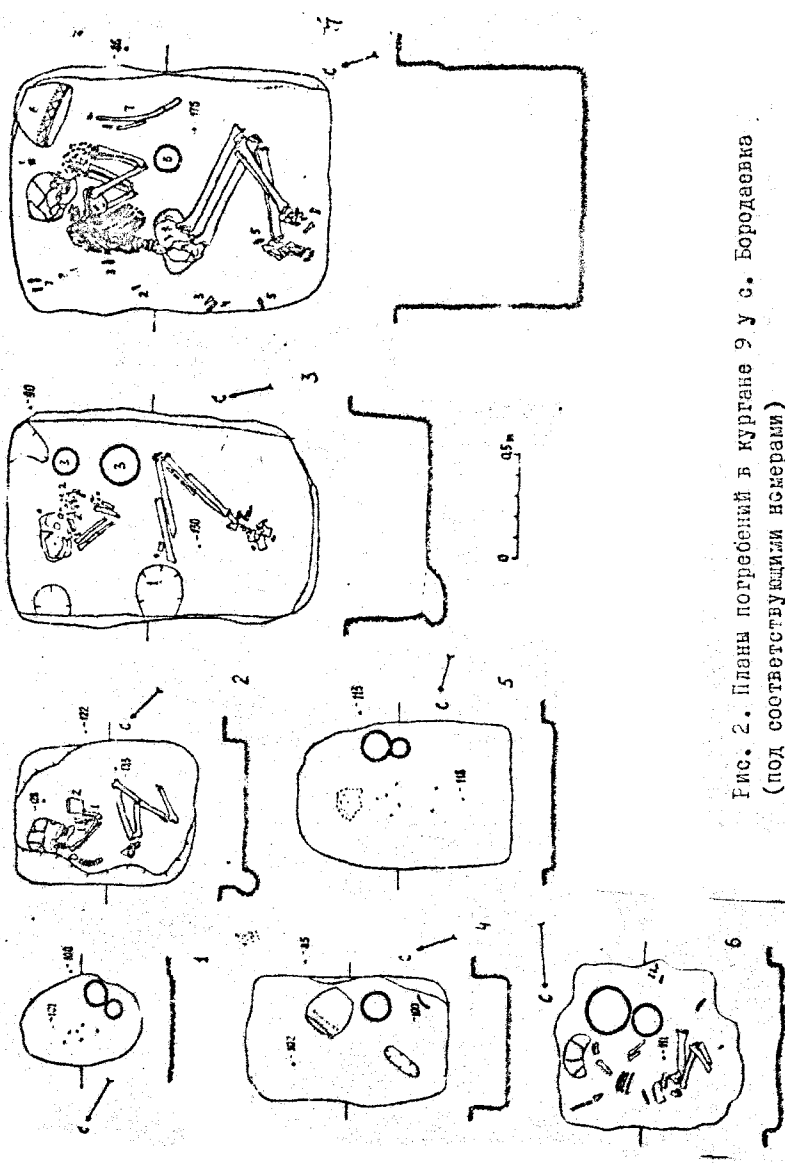

Рис. 2. Планы погребений в курганах 9 и 8 с. Бородавка
(под соответствующими номерами)

но разбиты на две группы: а) прямоугольные и подквадратные с разной степенью закругленности углов (рис. 2-2, 4, 6, 7) и б) близкие трапеции или овалу (рис. 2-1, 3, 5). Данные об ориентировке и размерах могил сведены в табл. 1.

Размеры и ориентировка могильных камер Таблица 1

п.п. №	Длина x ширина x глубина, м Размер камер, м	Ориентировка
3	0,60 x 0,45 x 0,02	60° СВВ
4	0,88 x 0,70 x 0,11 - 0,06	45° СВ
6	1,50 - 1,30 x 1,00 - 0,95 x 0,40	15° ССВ
7	0,95 x 0,70 x 0,20	21° ССВ
8	1,05 x 0,70 x 0,05	75° СВВ
9	0,90 x 0,75 x 0,07	96° СВВ
10	1,55 x 1,15 x 0,90	19° ССВ

Поскольку керамика является основным компонентом заупокойного инвентаря, есть необходимость дать обобщенную характеристику визуального анализа технологий изготовления сосудов из погребений. Сосуды - кроме крупных горшков из погребений № 6 и 10 - очень грубо заглажены. У всех - примесь глина, в ряде случаев она сочетается с белыми органическими включениями (погребения 1, 2, 5, 8, 9 и 10 - большой горшок) или скорлупой яиц (?) - маленький сосуд из п. 1. Хороший облик отмечается лишь у маленьких сосудов из погребений № 2, 3 и 6, у остальных же он от среднего до незначительного. Следы закопченности имеют крупные сосуды погребений 5, 6, 8, 9 и 10 (оба). Нет следов заупокойной пищи - чёрного нагара или белого налёта на внутренних стенках и днах - только у большого сосуда из п. 1, маленького сосуда в п. 6 и обоях сосудах п. 9. Большинство сосудов асимметрично. По вышеуказанным признакам можно предполагать специальное (кроме больших горшков из погребений 1, 6 и 10) изготовление сосудов для погребального ритуала. Размеры сосудов см. в табл. 2.

Размеры сосудов из погребений у с. Бородаевка Таблица 2

№ погребений	Диаметр, см		Высота, см	Особые отметки
	устья	основания		
1	2	3	4	5
1	13,5 9,5	9,0 7,0	13,5 - 14,2 7,7 - 7,0	Асимметричный Асимметричный

1	2	3	4	5
2	13,0 8,0	9,5 7,5 - 7,0	16,0 8,6 - 6,2	Асимметричный
3	11,0 9,7 - 8,7	8,0 7,5	9,5 6,2	Асимметричный
4	10,6 - 10,0	7,0	7,5	Асимметричный
5	14,2 9,1	8,6 7,0	15,0 7,6	
6	13,0 14,0	10,6-10,2 8,0	14,0 - 13,5 13,0	Асимметричный
7	13,0 10,2	10,0-9,5 6,5 - 6,0	13,0 - 12,5 9,5 - 9,2	Асимметричный Асимметричный
8	до 12,0 ?	8,6 8,0	12,0 ?	?
9	13,5 9,0	9,5 6,0	11,0 8,0	Асимметричный
10	20,0 10,0	10,5 7,5	17,3 - 17,5 7,0	Асимметричный Асимметричный

Погребание № 1 (рис. 1-2). В 4,8 м к ЮВВ от нулевой отметки, над древним дёрном обнаружены два орнаментированных сосуда баночной формы, стоящих в 0,15 м друг от друга. Большой был раздавлен в древности. Могильное пятно не читалось, но под сосудами были выявлены мелкие кальцинированные косточки и молочные зубы ребенка в возрасте до 6 лет². Кремация совершена на стороне.

По шейке и намеченным плечикам большего сосуда (рис. 3-2) идет небрежно прочерченный орнамент в виде косых и асимметричных 8 треугольников, разделенных в одном месте крестообразным прочерком. По тулову верхний фриз отделен от нижнего горизонтальным прочерком. Треугольники ("фляжки") выполнены 5 и 6 (в одном случае) параллельными линиями. Нижний фриз в манере и рисунке повторяет верхний, но несколько смещен.

Прочерченный орнамент меньшего сосуда (рис. 3-1) довольно сложен по композиции и пока аналогов ему не найдено.

Погребание № 2 (рис. 1-2). В 3,7 м к ЮВ от нулевой отметки над погребенной поверхностью найдены два неорнаментированных баночных сосуда (рис. 3-3,4). Стояли они друг возле друга наклонно, верх-

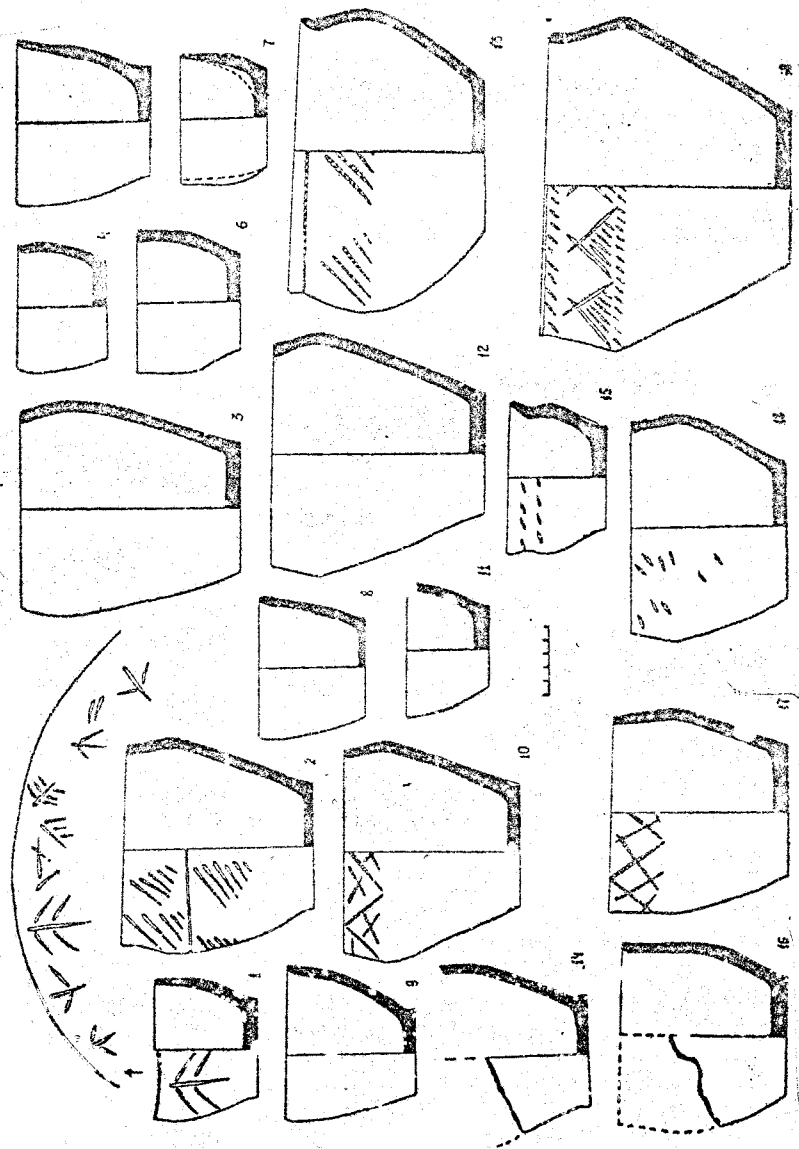

Рис. 2. Керамика из погребений: курган № 9

няя часть большого срезана ножом бульдозера; сохранившийся край подглажен пальцем (типично петровский элемент), а основание (оно отслоилось) было подлеплено к уже подсохшим стенкам.

Могила не читалась, но рядом с сосудами выявлены мелкие кальцинированные косточки и остатки молочных зубов, по которым предполагается погребение ребенка; но обряду кремация на стороне.

Погребение № 3 (рис. 1-2, 2-1). В засыпке могилы на уровне оссулов шли мелкие кальцинированные косточки ребенка возрастом до 1 года, кремация совершена на стороне.

Инвентарь представлен двумя неорнаментированными сосудами баночной формы (рис. 3-5, 7).

Погребение № 4 (рис. 1-7; 2-2). Пятно могилы выявилось после выборки лежавшего на древнем дёрне ритуального кострища. В ней спиной ближе к СВ стенке лежал в сильно скорченной позе очень плохой сохранности скелет ребенка в возрасте до 6 лет. На костях правой и левой рук найдены обломки бронзовых жалобчатых браслетов (рис. 4-II, 12), один из них явно принадлежал взрослому человеку. Перед лицом погребенного стоял неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 3-6).

Погребение № 5 (рис. 1-2). В 1,7 м к ЮЗ от нулевой отметки на древнем дёрне найдены два неорнаментированных баночных сосуда (рис. 3-8, 12) и на одном уровне с ними мелкие разложившиеся кальцинированные косточки и остатки молочных зубов ребенка, кремированного на стороне.

Погребение № 6 (рис. 1-2; 2-3) основное в кургане. В заполненной могиле значительное количество золы и угля. Стенки камеры слегка скошены книзу. По центру её лежал очень плохой сохранности кальцинированный скелет крупной женщины (?) средних лет в скорченной позе на левом боку. По всем признакам, здесь представлен очень редкий погребальный обряд частичной кремации, засыпка трупа горящими углями.

Заулокый инвентарь сравнительно богат и разнообразен.

На запястье правой руки и на месте лучевой кости левой руки найдены обломки двух бронзовых жалобчатых браслетов (рис. 4-14, 15). Они аналогичны браслетам погребения № 4: острые концы их не замкнуты; изготовлены из распиленной и свёрнутой под углом проволоки, отчего на перегибе лопнули. Ширина их не более 4-5 мм. Интересен обломок конца одного из браслетов, по форме несколько

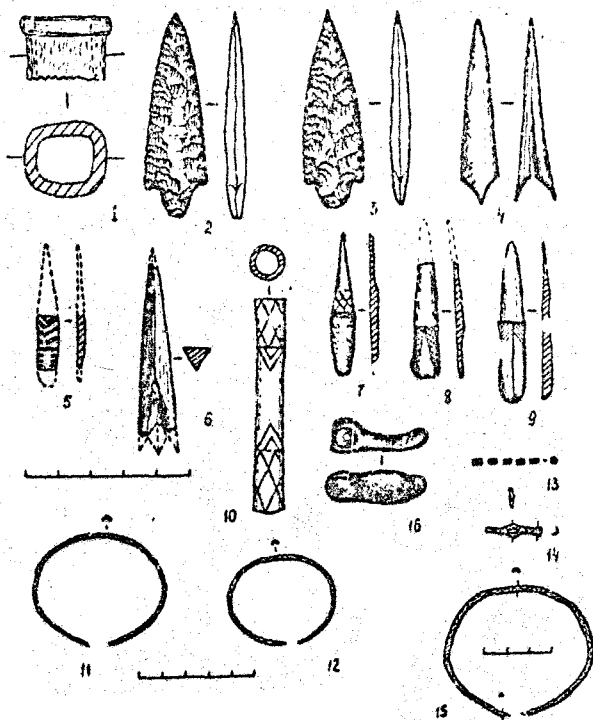

Рис. 4. Инвентарь из погребений кургана № 9 у с. Бородаевка и нефритовая подвеска (16) из погребения 7 кургана № 1 у с. Чардым Воскресенского района

напоминающий утиный клюв; вероятно, отверстие его было приспособлено под какое-то крепление.

В области шеи и частично под черепом, а также по одной у тазу и у колена найдены: 14I гемшировая (?) (рис. 4-13) и 15 разлозившихся костяных (?) бусинок, — последние законсервировать и взять не удалось. Тёмные бусинки имеют длину 5-7 мм при диаметре отверстий до 2 мм и сечении 3,0-3,5 мм. Под шеей и основанием черепа они лежали плотно в пять рядов наподобие "кирпичной кладки", — по-видимому, это был расшитый воротник одежды или головной убор.

В объёме гробу могилы против груди погребенной (?) стояли два украшенных горшка. Большой — "вазобразный" (рис. 3-13) очень высокого качества изготовления, снаружи заглажен грубоватой тряпочкой, внутри же — тщательно, обжиге хорошего. Примеси визуально не фиксируют ч. Судя по законченности (если она не следствие засыпки погребения углем), он мог ранее использоваться в быту в качестве посуды, т.е. его не лепили специально для целей поребального обряда. По шейке венчик выделен горизонтальной линией, выполненной намотанной на палочку нитью. По ребру и переходу в туловище идут 12 несколько асимметричных косых треугольников, выполненных в той же технике в виде 5 (в двух случаях 6) параллельных линий, причём, нижние оттопки всегда короче верхних. Меньший горшок (рис. 3-10) по плечикам украшен уголковыми ("флажковыми") орнаментом, выполненным однородным мелкозубатым штампом-чеканом: 6 верхних (кроме одного) "флажков", 6 открытых снизу заполнены крестообразными оттопками таких же штампов.

Погребение носит явные следы воздействия каких-то восточных влияний — петровско-андроновского типа, греческих аналогий ему пока не найдено и поэтому оно предварительно отнесено к покровской стадии формирования срубной культуры.

Погребение № 7 (рис. 1-2; 2-4). В тёплом от разложившегося угля заполнении могилы изредка встречались мелкие кальцинированные косточки, в том числе ребро ребёнка. Основание могилы прокалено, отчего можно предположить как кремацию на стороне, так и засыпку трупа горящими углями.

В средней части погребальной камеры у восточной её стенки стояли два баночных сосуда. У большего (рис. 3-17) по намеченным плечикам идёт орнамент в виде 12 крестообразных оттопков широкого чекана или же палочки с намотанной нитью (?), кое-где образующих подобие "флажков", при этом внутри уголков или под ними имеются крестообразные оттопки тех же чеканов. Меньший сосуд (рис. 3-9) неорнаментирован.

Погребение № 8 (рис. 1-2; 2-5). В золисто-углистом заполнении могилы встречались мелкие кальцинированные и разложившиеся косточки, в том числе молочные зубы и череп ребёнка. По ним реконструируется обряд погребения с засыпкой трупа горящими углями (более вероятно кремация на стороне).

Погребальный инвентарь представлен двумя сосудами (рис. 3-14,

16), стоявшими возле южной стенки могильной камеры. Верхняя часть сосудов срезана ножом бульдозера.

Погребение № 9 (рис. 1-2; 2-6). По центру могилы ближе к её северной стенке лежал очень плохой сохранныости скелет ребенка 3-х лет, осью "таз-череп" ориентированный на ЮВВ (угол 120°). По положению костей восстанавливается скорченное на левом боку захоронение "в позе спящего". Возле лица и против живота погребенного стояли два сосуда.

Большой из них (рис. 3-18) до плечиков и до нмй орнаментирован 13-ю группами небрежно и наименее нанесенных зарубок (по 3-4 в ряду) незубчатый чеканом, а ниже ребра - двумя параллельными зарубками того же чекана. Маленький сосуд (рис. 3-11) неорнаментирован.

Погребение № 10 (рис. 1-2; 2-7) основное в кургане. Заполнение могилы на глубину 0,3 м от древнего дна имело цвет "зольного крыла" от обилия золи и угля с включением мелких кальцинированных разложившихся косточек (от жертвенной пищи?) и комочков обожженной глины. На дне погребальной камеры головой к СВ (осью "таз-череп", угол 39°) лежал хорошей сохранныости скелет мощного мужчины: 35-55 лет ростом около 1,70 м. Череп раздроблен, на затылке следы охры, охра есть и на стопах ног. Погребенный лежал на левом боку, навалившись на грудь, руки перед лицом кистями "в замок", ноги согнуты под туловищем к туловищу. Возле правой руки лежали ребра крупного рогатого скота - остатки заупокойной пищи были найдены (тоже два ребра) и в северном углу могилы в 0,3 м от черепа.

Инвентарь погребения сравнительно богат и по своеобразию пока не имеет аналогов. Так, против лба погребенного лежала рукоятка камня (?) (рис. 4-1), выполненная из подрезанной под четырехгранник трубчатой кости. Верхний конец её для жёсткости оформлен в виде бортика, нижний же разрушился. "Четыре костяных "яблочка" (рис. 4-5, 7-9) найдены за спиной трупа, из них три возле левой лопатки и одно - худшей сохранныости - чуть выше таза. Все они украшены резным геометрическим узором. Костяные наконечники стрел (рис. 4-4, 6) удовлетворительной сохранныости лежали за спиной. Первый - втульчатый, общей длиной 5,6 см, в сечении близкий эллипсу, с двумя выступающими шипами, находившим возле "яблочек". Второй - втульчатый трёхгранный, длиной 5,1 см, с тремя выступающими шипами, был приделан к западной стенке могилы напротив таза. Костя-

ная лосая трубочка от охотничьего манка (?) (рис. 4-10) длиной 6,3 и сечением 0,9 см, орнаментированная сложным резным геометрическим узором, была приложена к стенке могилы вместе с костяным наконечником стрелы. Наконечники стрел из дымчатого кремня имеют короткий черенок и арочно-стрельчатые очертания. Они великолепной сохранности, тщательно отделаны косой ретушью, симметричны, длина их 5,9 и 6,1 см. Один (рис. 4-2) был воткнут острием в стенку могилы между пяткой левой ноги и тазом погребенного в 5-6 см от основания могилы; другой (рис. 4-3) — в дно погребальной камеры острием вверх и черешком вниз в 5 см от пятки левой ноги.

Большой из погребальных горшков (рис. 3-19) находился в СВ углу могилы, меньший (рис. 3-15) стоял у локтя правой руки. Первый очень хорошей выделки и явно был в употреблении до того, как его поставили в могилу. Типологически он близок к горшку из погребения № 6. По венчику его идет горизонтальная полоса из 54 косых оттисков двузубого чекана, иногда отпечатывался лишь его широкий угол. Вторая горизонтальная полоса из 54 косых оттисков, но уже незубчатого чекана, шла, подчеркивая ребро, по перегибу острого ребра вниз. В орнаментальной зоне, т.е. по шейке и плечикам между описанными линиями, насечками незубчатого чекана выполнено 13 "шалашей", заполненных более короткими насечками в такой последовательности оттисков: 5-5-5-5-6-6-6-6-5-7-6-7-6.

Второй сосуд по отогнутому венчику имеет горизонтальный ряд из 24 небрежно и наискосок нанесенных оттисков незубчатого чекана, а по краю — 25 подобных насечек тем же орудием. Край его в одном месте отбит ещё в древности, бок с одной стороны подкопчен.

Арочные кремневые наконечники стрел находят себе аналогии в сейминско-синташтинских комплексах³, вазобразные же формы горшков типичны для нижневолжских комплексов покровского этапа срубной культуры⁴. Орнаментация "шалашами" признается как воздействие андроновидных традиций⁵, хронологически укладывающихся в рамки конца XVI—начала XV вв. до н.э. Этим временем, скорее всего, и следует датировать данное погребение. Не противоречат этой дате и аналогии костяным трехгранным стрелкам⁶. Поскольку типологическая связь керамики основных погребений кургана № 6 и 10 не вызывает сомнений, то создание данного культового сооружения следует отнести к вышеуказанному времени, а впускные погребения — к нача-

лу XV в. до н.э. Этнокультурное единство их опять же не вызывает сомнения.

Подведём некоторые итоги. Курган № 9 даёт сравнительно чёткий комплекс погребений самого начала поздней бронзы Нижнего Поволжья, что в научном плане представляет исключительный интерес для решения целого ряда проблем истории племен эпохи бронзы нашего региона. В частности, малоизвестные детали погребального обряда: а) ритуальные кострища (они зафиксированы также в курганах I и 2 у с. Бородаевка); б) частичная кремация взрослых и детей в могилках; в) кремация детей на стороне и т.д., — всё указывает на какой-то восточный (петровский?) импульс в процессе сложения срубной культуры Саратовского Поволжья. Это — новое явление в представлениях об этнокультурных взаимодействиях в нашей местности на рубеже средней и поздней бронзы и потому необходимыми дальнейшие раскопки бородаевских курганов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Группа эта была известна П.Д.Рау. В 1929 году он "копал" раскопал один из курганов — (по нашей нумерации — № 20). В его центральной части было 4 погребения (Архив ИОИА, ф. 2, оп. I, дело № 149, лл.: 17-19, 83-91, 126-66., 232, 266, 271-275, 311, 320-247). Материалы раскопок П.Д.Рау были частично опубликованы (Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947. С. II-III). Но в отчете П.Д.Рау нет плана курганной группы и плана самого кургана.

² Определения пола и возраста из погребений № I, 3, 4, 9 и 10 сделаны А.В.Мезенко.

³ Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № I. С. 53-73; Зданович Г.Б., Зданович С.А. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3. С. 183-192; Зданович Г.Б. Бронзовый век дико-казахстанских степей. Свердловск, 1988; см. также отчеты указ. их исследователей в архиве ИА АН СССР с 1971 года.

⁴ Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев. 1985. С. 60-94.

⁵ Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев. 1985. С. 28-59.

⁶ Синицын И.В. Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1932-1939 гг. (Предварительное сообщение) // УЗ СГУ. 1937. Т. XVII (Выпуск исторический). С. 150. — ис. 4; Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева (Самарская губерния в древности) // Краеведческие записки. Куйбышев, 1975. вып. III. С. 55-57. Рис. 4.

ПОДЪЕМНЫЙ МАТЕРИАЛ ПОСЕЛЕНИЯ ЛОЖКИ

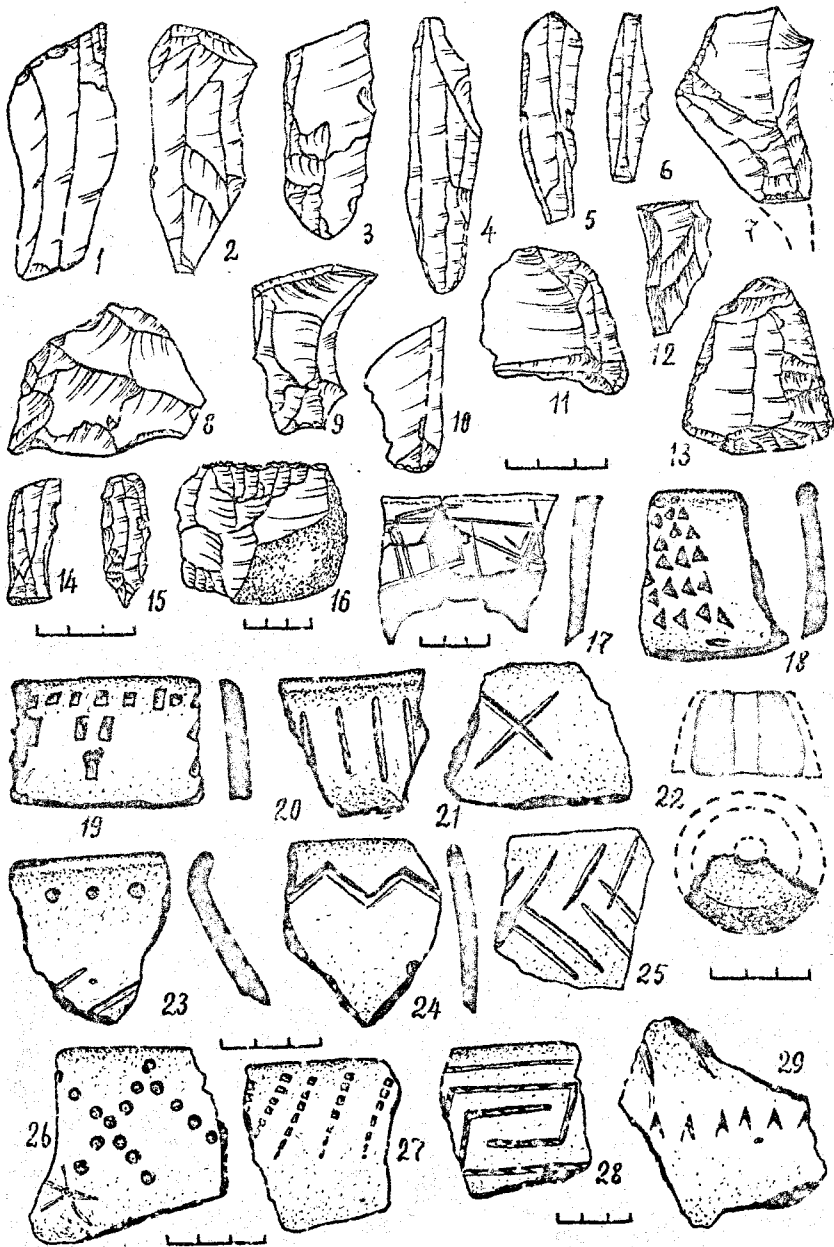
Приволжский отряд ЛОМА АН СССР и Волгоградского отделения ВООПИК в 1967 г. провел обследование разрушенного Целинником подохранилищем поселения близ железнодорожной станции Ложки в Калачевском районе Волгоградской области. Сбори проводились по всей береговой полосе от Дюновской сечи¹ до Рачковского моста через р. Дон. Подъемный материал поселения дал интересные образцы кремневых орудий, фрагменты разновременной керамики, мелкие металлические подделки.

Каменный инвентарь был собран преимущественно среди фрагментов керамики ямной культуры, хотя присутствие патины на поверхности отдельных кремневых орудий говорит о более раннем их происхождении. Он представлен: отщепами из кремня (рис. 1-8, 9, 11, крупной пластиной из песчаника (рис. 1-1), ножевидными пластинками из кремня (рис. 1-2, 3, 4, 5, 6) и их фрагментами (рис. 1-10, 12, 14; рис. 2-6), крупным острием с отбитым концом (рис. 1-7), массивным наплевидным концевым скребком с хорошо стретущиреванным рабочим краем (рис. 1-13), небольшим округлым скребком на отщепе из гальки (рис. 2-8), короткой кремневой пластинкой треугольного сечения (рис. 1-15). Встречено также ядрище с четкими негативами сколочных пластинок и отщепов (рис. 1-16).

Здесь же подобраны основание кремневого колыя с грубой ретушью по краю (длина основания 5,8 см, ширина 2,2; рис. 2-3) и основание кремневого дротика со слегка выделенным черешком. Его длина 3,8 см (рис. 2-5). Встречено несколько терочников и оселков, среди которых выделяется массивный терочник из песчаника с двумя рабочими краями (рис. 2-4).

Собрано несколько фрагментов керамики ямной культуры (III тыс. до н.э.). Черепки встречены на довольно ограниченном участке береговой полосы недалеко от заброшенного створного знака. Керамика

Рис. 1. Поселение Ложки: 1-16 - кремневые орудия; 17-21, 23-29 - фрагменты керамики срубной культуры; 22 - глиняное ядрище

ранее исследованного поселения ямной культуры Репин хутор (Синицкий И.В., 1959) в корне отличается от посуды этого же хронологического горизонта стоянки Ложки по составу глины, внешнему виду сосуда, орнаментальным мотивам². Этот хронологический пласт представлен фрагментированным круглодонным сосудом (рис. 2-7) с прямым венчиком и резким переходом в округлое тулово. Толстостенный, глина в изломе серая, с примесью толченой ракушки. Диаметр венчика 11 см, высота сосуда 10 см. Орнаментирован по венчику, ребру и небольшому участку тулова параллельными линиями "веревочки", между которыми нанесены кое-где косые риски. От параллельных линий тем же приемом исполнены линии, идущие от ребра к донщику, но не доходящие до него. Аналогичный сосуд встречен на соседней донской стоянке в грунтовом могильнике острова Шелиган в разрушенном ямном погребении. Близка к нему керамика из детского погребения № 1 кургана у хут. Генераловского Котельниковского района Волгоградской области, исследованного силами Приволжского округа в 1965 г.³

Кроме того найден фрагмент сосуда со слабо выраженным переходом от венчика в тулово. Глина в изломе темная с небольшим включением битой ракушки. Орнаментирован рядами точек, идущих по ребру в четыре ряда, и шевронов, спускающихся вниз по тулову. Вверх также отходят под углом параллельные ряды точек (рис. 2-13); обломок тулова, покрытый параллельными рядами отпечатков круглого штампа с выступом в центре. Тесто в изломе темное с небольшой примесью измельченной ракушки (рис. 2-12); фрагмент сосуда, покрытый плотными рядами выемок, заполненных "отступающей лопаточкой" (рис. 3-2); боковина тонкостенного горшка. Орнаментирована плотными рядами "отступающего уголка", ниже которых проходит зона с рядами параллельных рисок, нанесенных острием (рис. 2-II).

Встречено также несколько обломков керамики катакомбной культуры (начала II тыс. до н.э.). Они характерны для сосудов из погребений на Нижнем Дону. На фрагментах изображены углы, выполненные "веревочкой" (рис. 3-4, 5).

Собраны фрагменты посуды орудной культуры, которые покрывали большие участки береговой полосы и, в основном, относились к простой неорнаментированной керамике. Тесто в изломе темное, с включением песка, ракушек — шалота или толченой ракушки. Орнаментом покрыты в основном участки, прилегающие к венчику. Собранную коллекцию фрагментов по орнаменту и приемам его нанесения можно разбить на группы:

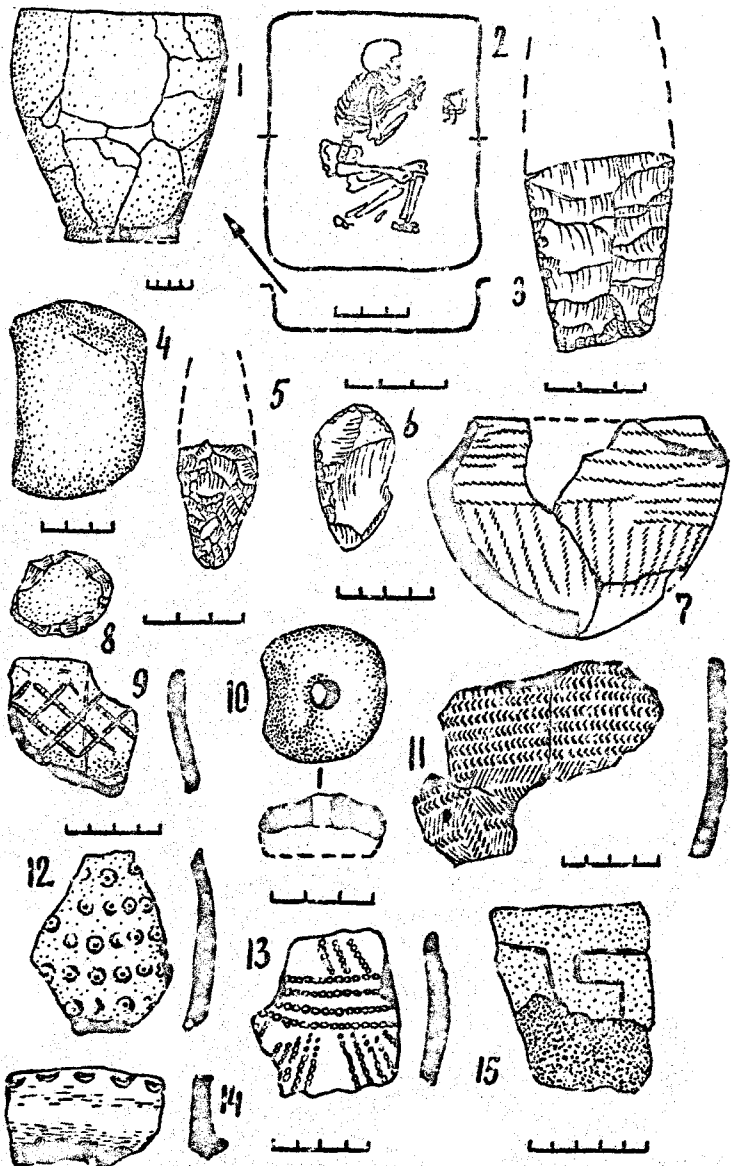

Рис. 2. Поселение Ложки: 1 - сосуд срубной культуры; 2 - по-
 ребрение срубной культуры; 3 - фрагмент кремневого наконеч-
 ника копья; 4 - терочник; 5 - фрагмент наконечника дротика;
 6-8 - скрепки; 7 - сосуд янской культуры; 9, 14, 15 - фрагмент
 керамики срубной культуры; 10 - пряслице; 11-13 - фрагмент
 керамики янской культуры

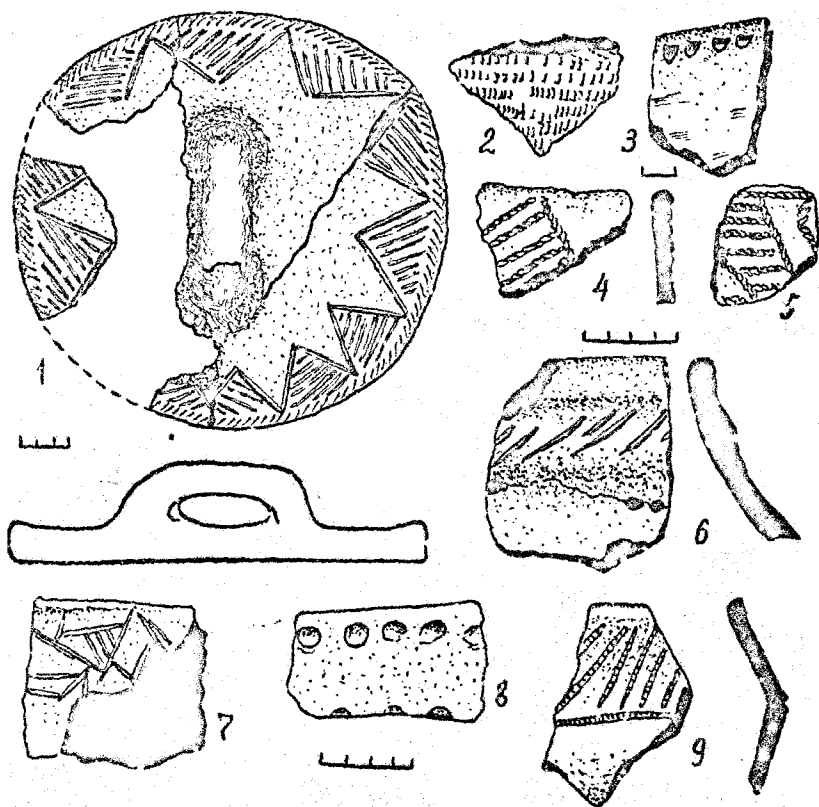

Рис. 3. Поселение Ложки: 1 - глиняная крышка; 2 - фрагмент сосуда ямной культуры; 3, 6, 9 - фрагменты сосудов срубной культуры; 4, 5 - фрагмент керамики катакомбной культуры

1. Орнамент представлен рядом точек, насечек, идущих или у самого края венчика или параллельно опускающихся от венчика вниз (рис. 1-20).

2. Иногда вдавлины выполнены концом палочки (рис. 1-21), уголком штампа (рис. 1-18, 29), кончиком пальца (рис. 2-14; 3-3, 8), концом квадратной палочки (рис. 1-19).

3. Орнамент представлен углами, проведенными концом орудия (рис. 1-17, 24; рис. 3-7), или с помощью круглой палочки нанесены углубления, составляющие геометрические фигуры (рис. 1-26).

4. Обломки венчика с линиями, нанесенными кружозубчатым штампом (рис. I-27; 3-9).

5. Углы на венчике исполнены двумя смыкающимися длинными черточками (рис. I-25), краями (рис. I-21) или взаимно перекрещивающимися линиями (рис. 2-9).

6. Меандр — изображение, редко встречающееся на керамике племен срубной культуры Нижнего Поволжья и Волгоградского Подонья. Тем не менее, на донских поселениях собраны фрагменты посуды, украшенные "меандром" ⁴. По нашему мнению, он связан с андроновской общностью. Находятся посуды с подобным орнаментом говорят о проникновении в далекие донские районы небольших групп андроновцев. Орнамент выполнен "веревочкой" (рис. I-28), или концом острия (рис. 2-15).

7. Черепки от толстостенных сосудов с налетным валиком, по которому прочерчены короткие риски (рис. 3-6). В погребениях из курганов Волгоградского Подонья и Волго-Донского междуречья не встречены сосуды с налетным валиком, но на поселениях обязательно присутствует небольшой процент обломков сосудов с налетным валиком ⁵. Исследователи считают, что керамика с подобным валиком связана с поздним этапом развития срубной культуры ⁶. Но в Волгоградской области этот тип керамики прослеживается почти на всем протяжении позднесрубного этапа, хотя и не получает большого развития и, вероятно, отмирает вместе с затуханием жизни на поселениях в связи с переходом части населения к кочевому образу жизни ⁷.

К позднему периоду срубной культуры относится находка большой глиняной круглой крышки. Ее диаметр 25,5, толщина 2,5 см. В середине глиняного диска имеется петлевидная ручка (рис. 3-1). По внешней поверхности идет орнаментальный фриз: по краю острием прочерчены косые короткие насечки, к которым примыкают углы, выполненные тем же приемом. Внутренняя площадь углов заполнена небрежно нанесенными черточками. Всего нанесено 12 углов. Обломки крышек срубной культуры встречены в донских районах и ранее ⁸.

На размытой косе найдено два фрагмента от пряслиц: одно плоское, диаметром 0,4 см (рис. 2-10), второе — высокое, коническое с диаметром 4,5 и 3,5 см и высотой 2,5 см (рис. I-22). Пряслица имеют близкие аналоги среди находок срубной культуры на поселениях Нижнего Поволжья ⁹.

Близки от старого створного знака на размытой береговой полосе было обнаружено четкое прямоугольное пятно, ориентированное

длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Длина его 1,1 м, ширина 0,9 м, глубина расчищенной могильной ямы от уровня поверхности 0,24 м. В яме было обнаружено погребение срубной культуры. Погребенный лежал на левом боку с небольшим завалом на живот, в скорченном положении. Кости рук, согнутые в локтях, были направлены к черепу, лежащему на левой стороне. Погребенный ориентирован головой на северо-восток (рис. 2-2). Перед лицевыми костями был поставлен баночный высокий сосуд. Диаметр венчика, загнутого внутрь, 17 см, высота сосуда 20,5 см. Диаметр доньшка с заплатами по краю 9,5 см (рис. 2-1). Погребения с подобной керамикой относятся к концу II тыс. до н.э. ¹⁰

Из подъемного материала, относящегося к эпохе железа, можно отметить только два небольших фрагмента бронзовых зеркал, двулопастной бронзовой наконечник стрелы VII в. до н.э. и небольшой бронзовый слиточек, вероятно, утерянный литейщиком, а также фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры.

Обзор материалов стоянки Ложки позволяет говорить о заселении этого участка Волгоградского Подонья племенами неолита и ямной культуры. Природные условия позволили местному населению заниматься, в основном, охотой, рыболовством и придомным скотоводством, которое позднее, в эпоху бронзы, к концу II тыс. до н.э. переросло в отгонное, кочевое. Земледелие, в виду отсутствия плодородных земель (поселения располагались на приречных песчаных дюнах) не получило здесь распространения. Поэтому срубники Волго-Донского междуречья сделали основной упор на разведение крупного и мелкого рогатого скота. Раздробленные кости этих животных в обилии встречены во время разведок на поселении вместе с керамикой или фрагментами керамики срубной общности.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Мамонтов В.И. Стоянка эпохи бронзы Донская // ИКС. Волгоград, 1973. Вып. I.

² Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем // ИСИА УССР. Киев, 1957. Вып. 7.

³ Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда в 1965 г. Фонды ВООИ.

⁴ Мамонтов В.И. Стоянка эпохи бронзы Донская ... С. II4. Рис. 3-7, 8; Это же. Материалы Пятиморской стоянки // СА. 1970. № 2. С. 140. Рис. 2-13.

- 5 Мамонтов В.И. Стоянка эпохи бронзы Донская ... С. II4. Рис. 3-9, 12; 4-8.
- 6 Спарнов К.Ф. Курганы у сёл Иловатка и Подлестдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60. С. 313; Он же. Быховские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 24С; Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИИ. М., 1947. Вып. XVII. С. 157.
- 7 Артамонов М.И. Кенмеритцы и скифы. Л., 1974. С. 14.
- 8 Мамонтов В.И. Стоянка эпохи бронзы Донская... С. II6. Рис. 4-10.
- 9 Шендаков Г.Н. О пряслицах орубной культуры // СА. 1970. № I. С. 238-241.
- 10 Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Дятчеза на Дону // КСИИМК. 1963. Вып. I. С. 143.

Е.К.Максимов, Н.М.Малов, М.Г.Ким

БЕЛОГОРСКИЕ КУРГАНЫ

Южные районы Саратовского Правобережья, примыкающие к Волгоградской области, в археологическом отношении изучены слабо. Только в 1927 году Н.Д.Рау были проведены раскопки двух курганов на р. Иловле у с. Каменка, содержавших по одному погребению позднесарматского времени, и кургана у с. Усть-Грязнуха с захоронениями эпохи бронзы¹. Ещё один курган эпохи бронзы близ с. Усть-Грязнуха был исследован Т.М.Минаевой в 1928 году². Археологические работы в этом регионе были возобновлены в 1968 году, когда И.В. Сеницын и В.А.Фисенко начали многолетние раскопки трапезной поселения на утесе Степана Разина южнее с. Белогорское Красносарматского района Саратовской области³. В 1970 году ими же была вскрыта одиночная курганный насыпь, а в 1972 году — ещё четыре кургана, находившиеся в 5 км к северо-западу от с. Белогорское на пахотном поле у дороги на с. Нижняя Банновка. Несмотря на интересные результаты, материалы раскопок своевременно не были обработаны.

На основе сохранившихся кратких и местами разноречивых полевых заметок и схематичных чертежей⁴, а также описаний и рисунков других участников экспедиции и утраченных вещей

комплексов удалось полностью и достоверно восстановить материалы раскопок Белогорских курганов, которые и приводятся ниже.

Курган № I (1970 г.) расположен слева от дороги. Диаметр насипи 21-22 м, высота 1,65 м. В западной половине насипи на глубине 0,40 м найдена большая часть крупной глиняной округлободой корчаги ручной лепки. Стенки корчаги от выпуклых боков постепенно сужаются ко дну. К сожалению, дно и придонная часть стенок не сохранились. Край венчика сосуда срезан горизонтально. Под ним вокруг нанесен ряд лункообразных наклонных ямок. Наружная поверхность корчаги светло-коричневая, местами черная и покрыта беспорядочными короткими расчесами. В глине прослеживается примесь каменной крошки. Высота сохранившейся части сосуда 24 см, диаметры: венчика - 34 см, в наибольшей части тулова - 38 см, толщина стенок - 1 см.

Под насипью обнаружено четыре погребения.

Погребение № I расположено в северо-западном секторе. Могильная яма имеет вид широкого прямоугольника. Длина её 1,50 м, ширина 1,10 м и глубина в грунте 0,70 м. Ориентирована яма углами по сторонам света. Сверху яма была перекрыта двумя слоями накатника - один ряд поперек и другой вдоль могилы. Остатки деревянных плах от перекрытия встречались в могильной засыпке.

На дне ямы лежал скелет взрослого человека, скорченно на левом боку, черепом на северо-восток (рис. I-1). Ноги согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища и кистями находятся у бедренных костей. Около погребенного, у локтей рук, стоял глиняный сосуд лешной, несколько кособокой с ярко выраженным ребром. По краю ребра проходят гребенчатые вдавления в виде отдельных полосок. Выше, по плечикам, нанесены пересекающиеся в беспорядке длинные и короткие вдавленные линии. Под самым венчиком торцом палочки сделаны вертикальные вдавления. Обшир сосуда слабый. Поверхность светло-коричневая с черными пятнами. Толщина стенок 7 мм, тесто в целоме черное, с примесью толченых черепков. Высота сосуда 11 см, диаметры: по венчику 14,7 см, наибольший по ребру 17,2 см, дна 9,6 см (рис. I-3).

Второй сосуд находился между черепом и восточным углом ямы. Сосуд имеет баночную форму со слегка выпуклыми боками. Край венчика слегка округлен. Обшир ровный, поверхность серая, ровно сглаженная. В тесте примесь толченых черепков. Высота сосуда 17,5 см,

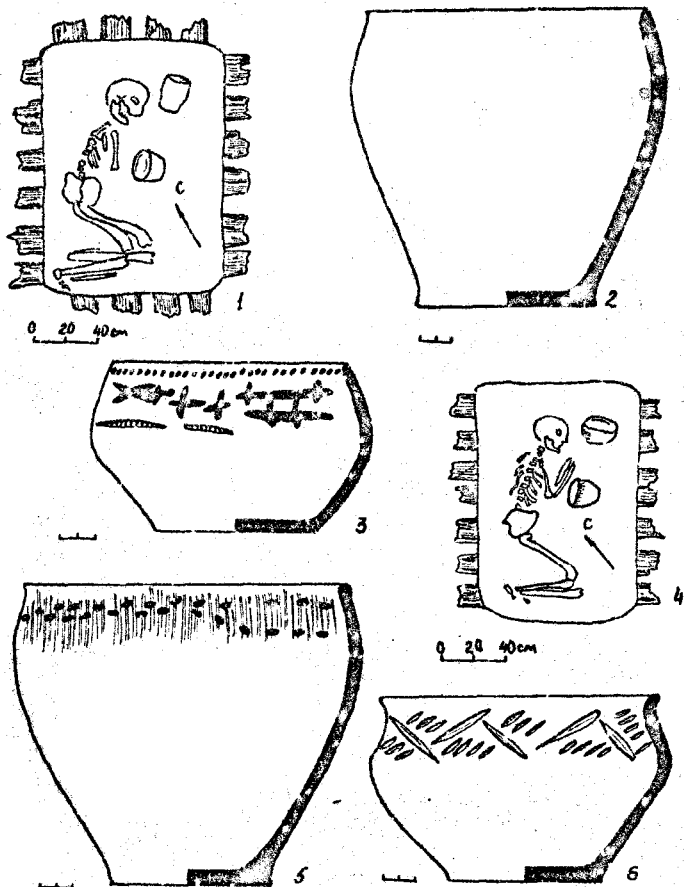

Рис. I. Планы погребений и керамика: 1, 2, 3 - к. I, п. I, 1970 г.; 4, 5, 6 - к. I, п. 2, 1970 г.

диаметры: по венчику 17 , наибольший тулова 19 , для 10,4 см; толщина стенок 7 мм (рис. 1-2).

Погребение № 2 находилось в северо-восточном секторе. Широкая прямоугольная могила была перекрыта поперек деревянными плахами, остатки которых встречены в засылке ямы. Могила ориентирована

углами по сторонам света и имеет в длину 1,40 м., в ширину 1,00 м и глубину в грунте 0,65 м.

На дне ямы скорченно на левом боку, черепом к северо-востоку покоился костяк взрослого человека (рис. 1-4). Ноги согнуты в коленях, руки — в локтях, кистями около лица. Около костей рук лежал на боку глиняный лепной сосуд баночной формы с слегка выпуклыми боками. Венчик срезан прямо, с небольшим напыльем наружу. Верхняя часть сосуда имеет слабые полосы от сглаживания, по которым нанесены плотно два ряда овальных вдавлений, образуя две параллельные горизонтальные линии из вдавлений. Очевидно, после нанесения орнамента обрез венчика и поверхность под ним внутри и снаружи были сглажены и часть вдавлений затерта. Обхват сосуда слабый. Черепок в изломе черный. Внешняя поверхность заглаженная, серо-коричневого цвета. Внутри сосуд сглажен еще более тщательно и имеет голубоватый цвет с черными пятнами. Высота сосуда 18 см, диаметры: по венчику 19,5 м., наибольший тулова 21,5 м., дна 9,4 см; толщина стенок 6 мм (рис. 1-5).

Второй (меньший) сосуд стоял перед лицом погребенного. Сосуд глиняный, лепной, близкий к остророберным. Венчик отогнут наружу. Под венчиком проходит полоса орнамента: крупные отгиснутые линии образуют зигзаг, в углах которого так же отгиснуты по три-четыре коротких линий с наклоном вправо. Обхват сосуда слабый, неравномерный. В тесте примесь толченых черепков. Наружная поверхность шероховатая, коричневого цвета с серыми пятнами. Высота сосуда 11 см, диаметры: по венчику 16,2 м., наибольший по тулову 18,2 м., дна 9 см; толщина стенок 5 мм (рис. 1-6).

Погребение 3 расположено южнее центра кургана. На древнем горизонте прослежена часть деревянного сооружения (рис. 2-1). Оно представлено рамой из плах, от которой не полностью сохранились южная и восточная. Поперек (восток-запад) на раме лежали плахи, от которых имелись небольшие концы на восточной плахе. Внутри были останки человеческого костяка: согнутые в коленях кости ног. Судя по ногам, погребенный лежал скорченно на левом боку, черепом на север. Перед коленями лежал на боку глиняный сосуд типа банки. По венчику, шейке и переходу в тулово идет выполненный редким гребенчатым штампом угловый орнамент, причем "плашки" сверху и снизу заполнены наклонными вправо линиями того же штампа.

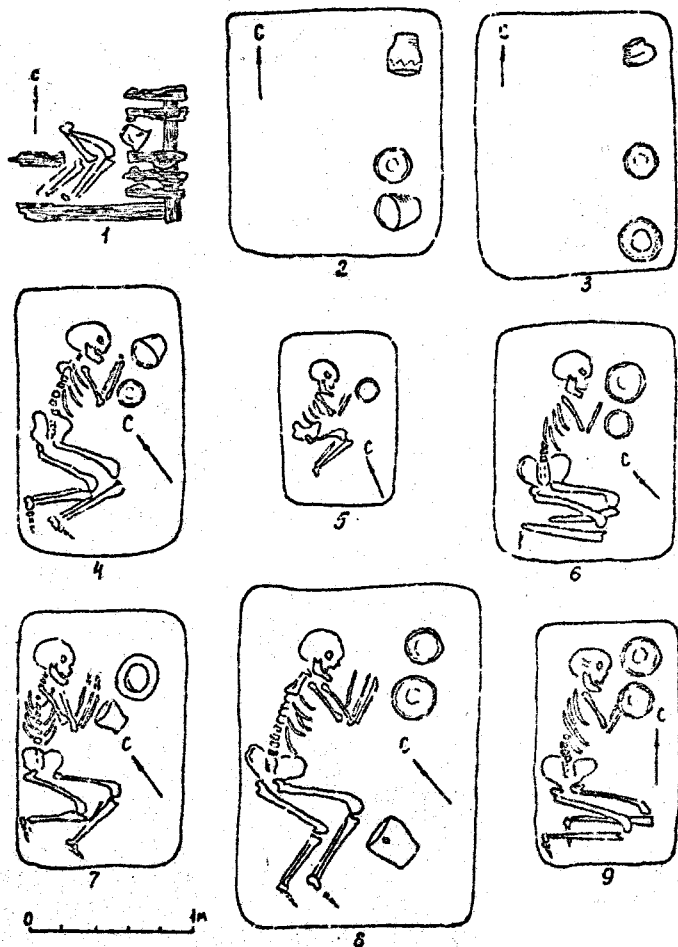

Рис. 2. Планы погребений: 1 - к. I, п. 3, 1970 г.; 2 - к. I, п. 1, 1972 г.; 3 - к. I, п. 2, 1972 г.; 4 - к. I, п. 3, 1972 г.; 5 - к. 3, п. 1; 6 - к. 2, п. 1; 7 - к. I, п. 4, 1972 г.; 8 - к. 2, п. 3; 9 - к. 3, п. 4

Перед нанесением орнамента поверхность под венчиком заглажена горизонтальными мазками. По обрезу венчика прослеживаются отпечатки отдельных зубчиков гребенки. Обшир сосуда слабый, поверхность и

излом черепка черные. Высота сосуда 13,5 см, диаметры: по венчику 18,5 , наибольший тулова 20,5 , дна около 14 см; толщина стенок 9 мм (рис. 3-1).

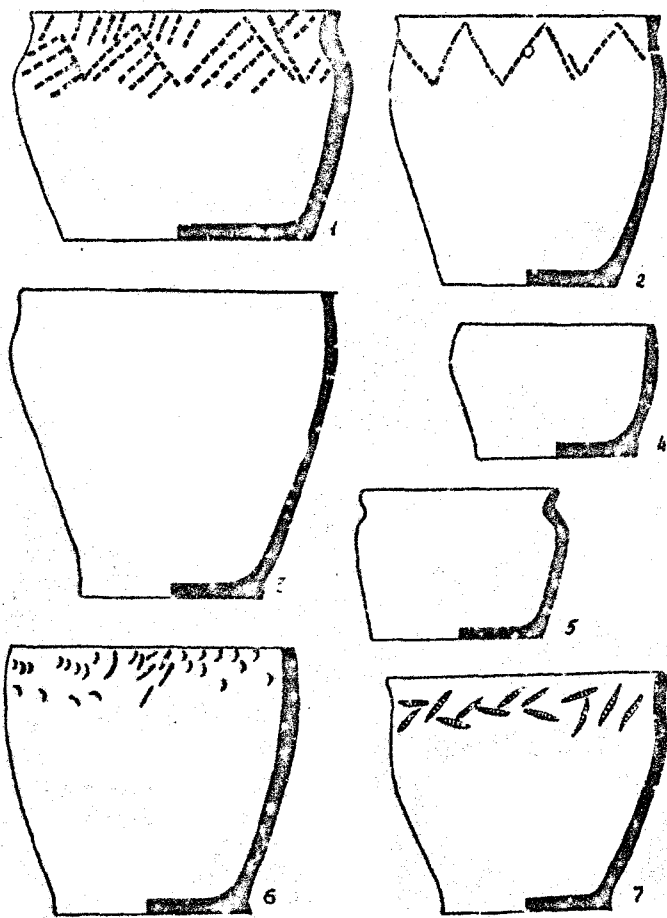

Рис. 3. Керамика из погребений: 1 - к. I, п. 3, 1970 г.; 2, 3, 6 - к. I, п. I, 1972 г.; 4, 5, 7 - к. I, п. 2, 1972 г.

Погребение № 4 впущено в центр кургана. Могильная яма прямоугольной формы, причём её западный конец округлен. Длина ямы 1,45 м, ширина 1 м и глубина в грунте 0,85 м. На дне лежал погребённый в грунте костяк человека юношеского возраста на спине с вытянутыми ногами, от которых сохранились берцовые кости обеих ног и часть бедренной кости правой ноги. От рук на месте находились останки плечевых костей. Ни таза, ни костей грудной клетки не было. Черепом костяк ориентирован на запад. Никаких вещей при погребении не было.

Первые три погребения относятся к срубной культуре, впускное погребение № 4, скорее всего, савроматского времени.

Курган № I (1972 г.), как и последующие, расположен справа от дороги на окраине леса на пахотном поле. Диаметр насыпи 23 м, высота 1,20 м. В насыпи обнаружены обломки сосуда срубной культуры; под насыпью — четыре погребения.

Погребение № I впускное и расположено в юго-восточном секторе кургана. Могила подквадратной формы длиной 1,45 м, шириной 1,30 м и глубиной в грунте 0,95 м. Длинными стенками ориентирована по линии север-юг с незначительными отклонениями к северо-востоку. На дне могилы, вдоль восточной стенки, находились три длинных сосуда (рис. 2-2).

В северной части стоял сосуд баночной формы с чуть пригнутыми боками. Край венчика срезан горизонтально. Под венчиком нанесена ломаная линия. После нанесения орнамента к обшгу сосуда с одной стороны в 2,2 см от края венчика вырезано отверстие диаметром 5-6 мм. Поверхность сосуда серая и светло-коричневая, местами с черными пятнами. В глине заметна примесь каменной крошки. Высота сосуда 16,5 см, диаметры: по венчику 16 м, наибольший тулова 17,4 м, дна 10,5 м; толщина стенок 6-7 см (рис. 3-2).

Сосуд, стоявший у средней части восточной стенки, баночной формы. Венчик срезан прямо. Верхняя часть сосуда снаружи с вертикальными штрихами от сглаживания, по которому нанесены беспорядочно расположенные ногтевые вдавления, не образующие полного пояса вокруг венчика. Обшг сосуда неравномерный. В изломе внешний слой глины серого, остальная часть черного цвета. Высота сосуда 15,5 см, диаметры: по венчику 17 м, дна 11 см; толщина стенок 4 мм (рис. 3-6).

Третий сосуд баночной формы с ровно сглаженной поверхностью. Край венчика слегка округлен. Обшг ровный. Поверхность сосуда

серого цвета. Глина с примесью толченых черепков. Высота сосуда 17,5 см. Диаметры: по венчику 17, наибольший тулова 19, дна 10,4 см; толщина стенок 7 мм (рис. 3-3).

В могиле человеческого скелета не оказалось. Погребение представляет собой типичный кенотаф.

Погребение № 2 впускное, расположенное в северо-восточном секторе, в 4 м от первого погребения. Могила широкой прямоугольной формы, ориентирована по линии север-юг с незначительным отклонением на северо-восток. Длина её 1,60 м, ширина 1,20 м, глубина в грунте 1,20 м. На дне, как и в погребении № 1, находилось три сосуда (рис. 2-3).

В юго-восточном углу стоял вверх дном сосуд баночной формы. Венчик слегка закруглен наружу. Под венчиком нанесена полоса орнамента, состоящая на треть из "елочки", а остальная часть из вертикальных, небрежных линий с легким наклоном вправо. Орнамент выполнен имитацией гребенки. Обжиг сосуда слабый, поверхность снаружи светло-коричневого цвета, внутри следы закопченности. Глина на изломе черная, с примесью толченых черепков. Высота сосуда 14 см, диаметры: по венчику 16,8, дна 10 см; толщина стенок 7 мм (рис. 3-7).

Два других сосуда были раздавлены землей. Один из них лепной, баночной формы, со следами горизонтальных полос от сглаживания. Обжиг слабый. Поверхность светло-коричневая. Средняя часть черепка в изломе черная. Высота сосуда 8 см, диаметры: по венчику 12,2 см, дна 9,5 см; толщина стенок 7 мм (рис. 3-4). Другой сосуд тоже баночной формы, но с выделенными плечиками. Поверхность снаружи черная. Обжиг очень слабый, глина черная с примесью толченых раковин. Высота сосуда 9 см, диаметры: по венчику 11,5 см, наибольший по плечикам 13, дна 10,3 см; толщина стенок 8 мм (рис. 3-5).

Скелета человека в могиле не оказалось. Погребение представляет собой кенотаф.

Погребение № 3 впускное, расположено в юго-западном секторе кургана на расстоянии 3,75 м от погребения № 1. Прямоугольной формы яма ориентирована углами по сторонам света с небольшим отклонением на северо-восток и юго-запад. Длина могилы 1,60 м, ширина 1 м, глубина в грунте 0,95 м. На дне ямы на левом боку скорченно лежал скелет взрослого человека. Руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом. Ориентирован погребенный черепом на северо-восток

(рис. 2-4). Около рук находились два глиняных сосуда. Первый сосуд маленький, лепной, округлободкий. Округлость стенок расположена в средней части сосуда. Край венчика срезан слегка наружу. Дно имеет небольшой закраек. В верхней части снаружи заметны вертикальные расчесы. Поверхность светло-коричневого и светло-серого цвета. В глине примесь каменной крошки. Высота сосуда 9 см, диаметры: по венчику 12, тулова 12,8, дна 8,2 см; толщина стенок 4 мм (рис. 4-3). Второй сосуд тоже лепной, горшковидный, со слегка округлыми боками. Венчик отогнут и срезан наружу. Под венчиком оттиснута зигзагообразная линия, которая не замкнута по окружности. Сверху и снизу зигзага проходит по ряду душкообразных вдавлений. Ниже, в придонной части тулова, видны следы вертикальных и наклонных полос от сглаживания, местами поверхность сосуда черная, а в большинстве светло-коричневая. В глине примесь каменной крошки. Высота сосуда 13,2 см, диаметры: по венчику 18, наибольший тулова 18,8, дна 10,6 см; толщина стенок 6 мм (рис. 4-1).

Погребение № 4 основное, расположено в центре кургана, в 3 м к западу от погребения № 2. Прямоугольная яма, ориентированная длинными стенками с северо-востока на юго-запад. Длина могильной ямы 1,50, ширина 1, глубина в грунте 0,75 м. На дне ямы скелет взрослого человека, лежащий на левом боку скорченно, черепом на северо-восток (рис. 2-7). Руки согнуты в локтях и кистями положены перед лицом. Около рук находились три сосуда: один большой, внутри которого стоял небольшой сосудик, и рядом третий сосуд, раздавленный землей. В музейной коллекции из этого погребения имеется лишь один сосуд баночной формы, но с одной стороны профиль сосуда чуть изогнут в сторону горшковидного. Один край сосуда выше другого. Венчик срезан слегка наружу. Дно плоское и его край сильно стерт от длительного употребления. Под венчиком гребенкой с очень тонкими зубьями оттиснуты косые кресты, касающиеся друг друга в нижней части. Снаружи сосуд черного цвета со светло-коричневыми пятнами. В глине видна примесь каменной крошки. Высота сосуда 12,8-13,2 см, диаметры: по венчику 15,2 дна 9,6 см; толщина стенок 8 мм (рис. 4-4).

Все погребения из кургана № 1 относятся к срубной культуре.

Курган № 2 (1972 г.) расположен между курганами № 3 и 4 и сильно распахан. Насыпь сооружена из чернозема и мелких камней,

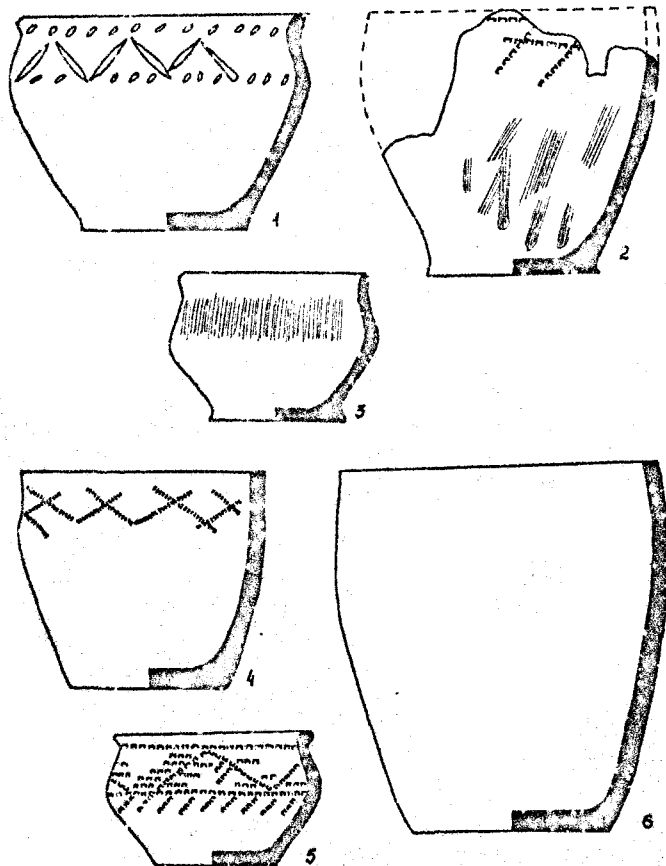

Рис. 4. Керамика из погребений: 1, 3 - к. 1, п. 3, 1972 г.;
2, 5 - к. 2, п. 1; 4 - к. 1, п. 4, 1972 г.; 6 - к. 2, п. 3

взятых здесь не из почвы. Диаметр насыпи 20 м, высота 1 м. В кургане обнаружено три погребения.

Погребение № 1 выкопанное, расположено в юго-восточной части кургана. Могилка прямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Длина её 1,40 м, ширина 1,10 м и глубина в грунте 0,95 м. На дне ямы лежал скрюченно на левом боку скелет взрослого чело-

века. Ноги сильно согнуты в коленях. Кисти согнутых в локтях рук покоятся перед лицом. Ориентирован погребенный головкой на северо-восток (рис. 2-6). У локтей стоял небольшой глиняный лепной сосуд остророберной формы. Ребро расположено в верхней трети сосуда. Край венчика срезан горизонтально, с небольшим напылом наружу. В верхней части сосуда проходит полоса шпигного орнамента, выполненного зубчатым штампом. Под венчиком и по ребру идут круговые линии. Причем нижняя дополнительно украшена слиявшими короткими в три зубчика наклонными линиями. Между круговыми линиями нанесен зигзаг, обрамленный горизонтальными короткими в три зубчика отскаками. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета с черными и красноватыми пятнами. В глине имеется примесь песка. Высота сосуда 8 см, диаметр: по венчику 12,7, по ребру 13,2, дна 7,6 см; толщина стенок 6-7 мм (рис. 4-5).

Рядом, у лица и кистей рук стоял второй сосуд, верхняя часть которого не сохранилась. Сосуд баночной формы с несколько округленными боками. Дно имеет заметный закраек. В верхней части тулова мелкими штампами оттиснут орнамент в виде двойных горизонтальных коротких и пересекающихся из парных наклонных линий. Наружная поверхность сосуда носит следы вертикального и наклонного сглаживания, возможно штампом. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, с черными пятнами. В придонной части следы черных сажевидных натеков. Глина в изломе черная, с примесью какой-то крошки. Высота сохранившейся части сосуда 16 см, диаметры: верхней части 18, дна 10,5 см; толщина стенок 7-8 мм (рис. 4-2).

Погребение № 2 впускное, на древнем горизонте под центральной частью насыпи. Скелет человека плохой сохранности, возможно, лежал на спине вытянуто, черепом на запад. Вшей не было.

Погребение № 3 находилось в центре кургана. Основная могила широкой прямоугольной формы длиной 2, шириной 1,45 и глубиной в грунте 1,10 м. Своими углами могила ориентирована по сторонам света. На дне ямы лежал скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, черепом на северо-восток (рис. 2-8). Ноги согнуты в коленях под прямым углом. Кисти согнутых в локтях рук находились перед лицом. Здесь же стоял глиняный лепной сосуд горшковидной формы. Верхняя часть сосуда снаружи имеет слабые следы вертикального сглаживания штампом, нижняя часть тулова сглажена небрежно. Под слегка отогнутым наружу венчиком-полоса орнамента, выполненная зубчатым штампом и состоящая из зигзагообраз-

ной линии, разные углы которой заполнены короткими линиями, от-
 тиснутыми в различных направлениях. Ниже этого пояса проходит
 горизонтальная линия из отдельных оттисков штампа. Под венчиком
 невыразительно прочерченная круговая тонкая линия. Поверхность
 сосуда коричневого цвета. Обжиг слабый, отчего черепок расслаи-
 вается. Глина в изломе черная с примесью толченных черепков. Высо-
 та сосуда 14 , по венчику диаметр 18,6 см, наибольший тупова
 20, дна 9,8 см; толщина стенок 7 мм (рис. 5-1). Рядом
 был еще один глиняный сосуд саночной формы с ровно и глад-
 ко сглаженной поверхностью светло-коричневого цвета с черными
 пятнами.

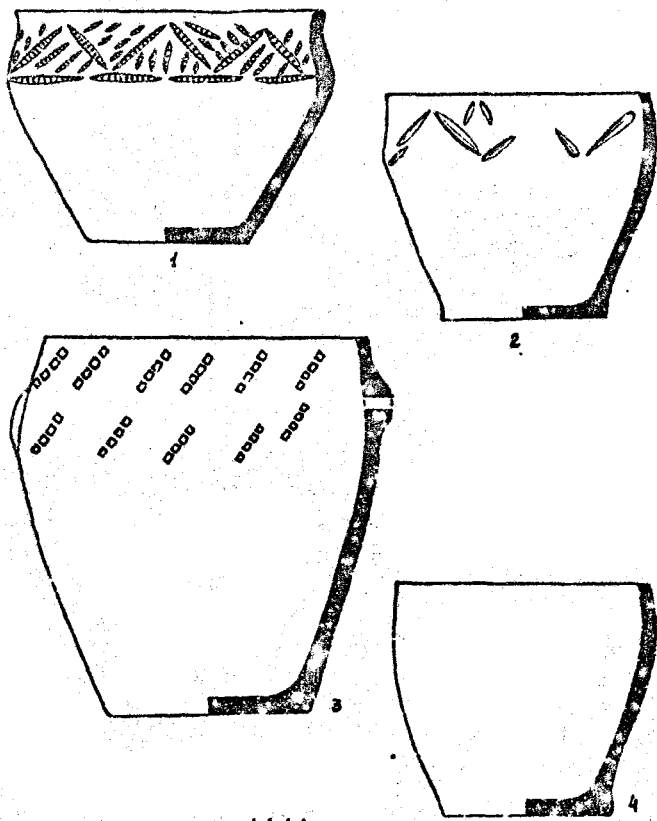

Рис. 5. Керамика из погребений: 1, 3 - к. 2, п. 3; 2 - к. 3,
 п. 1; 4 - к. 3, м. 2

Облик слабый. Глина в изломе черная, с примесью толченой керамики. Высота сосуда 22 см, диаметры: по венчику 19 см, дна 11,6 см; толщина стенок 12 мм (рис. 4-6).

В южном углу могилы, ниже колен, находился большой глиняный сосуд баночной формы, но несколько асимметричный. С одной стороны бок более выпуклый. Ниже прямо срезанного венчика с двух сторон сделано по лепешкообразному налету диаметром 4-5 см, в которых по сырой глине протиснуты отверстия диаметром 1 см. В верхней же части сосуда крупнозубчатый штамп нанесены в два ряда редкие наклонные вправо короткие оттиски. Поверхность сосуда светло-коричневая, местами с пятнами черного цвета. В тесте примесь каменной крошки. Высота сосуда 23,1 см, диаметры: по венчику 20,4, наибольший тулова 23,4, дна 12,6 см; толщина 8 мм (рис. 5-3).

Обе грунтовые могилы в кургане относятся к срубной культуре. Илуское погребение № 2 на древнем горизонте, видимо, саброматовского времени.

Курган № 3 (1972 г.) расположен севернее кургана № 2. Он самый большой в группе и насыпь его состоит из камня. Высота насыпи до 15 м, диаметр 22 м. В центре имеется воронкообразная грабительская яма. В ней обнаружены три грунтовые могилы.

Погребение № 1 впускное, расположено в северо-восточном секторе. Могилы прямоугольной формы, ориентирована на северо-восток. Длина 1,1 м, ширина 0,70 м, глубина в грунте до 0,85 м. На дне лежал плохо сохранившийся скелет ребенка 7-8 лет на левом боку в скорченном положении, черепом на север с отклонением к северо-востоку (рис. 2-5). Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Около кистей стоял глиняный сосуд баночной формы. Под венчиком нанесен орнамент из коротких глубоко вдавленных линий, образующих зигзаг. Так как внешняя корочка отслоилась, орнамент прослеживается фрагментарно. Облик сосуда слабый. Поверхность желтая, местами черная. В изломе обе поверхности черепка желтые, середина черная. В глине примесь толченой керамики. Высота сосуда 13,5 см, диаметры: горла 16 см, наибольший тулова 16,6 см, дна 10 см; толщина стенок 7 мм (рис. 5-2).

Погребение № 2 впускное, расположено в северной поле на расстоянии 2,35 м к западу от предыдущего погребения. Могилы так же прямоугольной формы, ориентированная по линии север-юг. Длина 0,8 м, ширина 0,45 м, глубина в грунте 0,70 м. Скелет подростка лежал на левом боку, скорченно, черепом на север, с незначитель-

шим отклонением к северо-востоку. Руки кистями перед лицом. Около черепа перед лицом два сосуда типично срубного типа. В музейной коллекции имеется один сосуд. Он лепной, асимметричный. Один бок округло-выпуклый, другой едва выпуклый в самой верхней части тулова. Край венчика срезан горизонтально. Плоское дно кое-где имеет незначительный закраек. Сосуд сформован небрежно и имеет рыхлое тесто с большой примесью каменной крошки. Поверхность от светлого до темно-коричневого цвета. В нижней части тулова снаружи видны черные сакевидные натски. Высота сосуда 14,3 см, диаметры: по венчику 15,8 , тулова около 16,8 , дна 10 см; толщина стенок 8 мм (рис. 5-4).

Погребение № 3 основное, расположено под центром насыпи. Над могилкой и в засыпи слои камня почти до дна. Грунтовая яма имела прямоугольную форму. Длинными сторонами ориентирована по линии север-юг. Длина ямы 1,80 , ширина 1,30 , глубина до 1,20 м. На дне ямы в разных местах находились отдельные кости скелета взрослого человека. Погребение полностью разрушено.

Все три погребения принадлежат к срубной культуре.

Курган № 4 расположен в 50 м к юго-востоку от кургана № 2. Диаметр 18 , высота 1 м. Под центром насыпи обнаружена прямоугольная могильная яма длиной 1,30 , шириной 1 , и глубиной 0,80 м. Длинными стенками яма ориентирована по линии север-юг. В засыпке могилы и на дне встречены отдельные кости человеческого скелета от разрушенного полностью погребения.

Основная масса погребений Белогорских курганов относится к срубной культуре. Две насыпи земляные, одна, кроме того, содержала еще мелкие камни, другая сооружена полностью из камня. Могильник имеет особую планировку. Четыре насыпи из пяти исследованных, расположены цепочкой вдоль кромки леса и только раскопанный в 1970 году находился в стороне от них. В отличие от срубных могильников степного Заволжья, чаще всего занимающих край надпойменной террасы, Белогорские курганы расположены на значительном удалении от берега Волги, на высоком каменистом месте. Размеры насыпей могильника почти равны друг другу. Курганы содержат по 3-4 погребения срубной культуры. Фрагменты керамики и полные сосуды встречаются иногда в насыпи.

Погребения обычно лежат в прямоугольных материковых ямах, в скорченном положении на левом боку, черепом чаще всего ориентированы на северо-восток, реже на север. Материковые ямы обычно за-

сыпаны землей, в одном случае камнями. Кроме Белогорокских курганов каменные заполнения могил встречено в срубном могильнике (к. 3, п. 3; к. 5, п. 1,2) близ с. Дмитриевка на р.Терешке.

В степных Заволжских районах аналогичный способ засыпки могильной ямы нам неизвестен.

Деревянные перекрытия имели только захоронения кургана № I (1970 г.), стоящего в стороне от основной группы. Кроме того, погребения № I и № 3 этого кургана выделяются отличительными обрядовыми особенностями. Погребение № 3 расположено не в материке, а на уровне древнего горизонта, да к тому же в деревянной раме. Как уже отмечал И.В.Синицын, подобные погребальные сооружения не получили широкого распространения в срубной культуре Нижнего Поволжья⁶.

Наиболее близкие наземные одновенечные срубы или рамы с бревенчатыми перекрытиями он исследовал в Ровненских⁷ и Пролейкских⁸ курганах. Здесь были захоронены взрослые мужчины. В Нижнем Поволжье, судя по этим единичным случаям, одиночные срубы сооружались только для какой-то немногочисленной группы исключительных лиц мужского пола. Обращает на себя внимание то, что в этих трех погребениях отсутствует какой-либо другой инвентарь, кроме керамики. При этом, в погребении и Ровненского кургана было поставлено четыре сосуда, на одном из которых прочерчен сваистический знак. В Пролейкском кургане покойной мужчина лежал в позе не типичной для обряда развитой срубной культуры: в скорченном положении на спине, головой на восток, правая рука при этом была согнута в локте и её кисть лежала на животе.

Кроме того, здесь зафиксированы следы красной охры. И.К.Качалова включила это погребение в число памятников бережновского горизонта, где у погребенных иногда одна или обе руки опущены к коленям¹⁰. Подобное положение рук зафиксировано в погребении № I этого же Белогорокского кургана. Погребения № I и 3 по некоторым элементам обряда (рама, положение рук) могут быть сопоставлены с захоронениями бережновского горизонта.

Могильная яма погребения № I перекрыта продольными и поперечными, (в два слоя) деревянным накатником, что также является редким случаем в погребальном обряде срубных племен Нижнего Поволжья. В качестве аналогии можно указать на подобное сочетание двухслойного наката в срубных курганах Среднего Поволжья (Тюдовое,

к. 5 и 8; Хрящевка, к. 4, 8) ¹¹. Но и в этом регионе, как правило, деревянные накатники обычно однорядные ¹².

Обособленное расположение кургана № I (1970 г.), а также наличие сходства некоторых элементов погребального обряда захоронений с памятниками бережновского горизонта, позволяют предположить, что он был сооружен в Белогорской группе одним из самых первых.

Кроме обряда труположения в этой группе в курганах № I, 2 обнаружено по одному символическому захоронению — кенотаф, в могильных ямах которых не встречено костей погребенных, что так же не столь частое явление в срубной культуре Поволжья. К.Ф. Смирнов первым обратил внимание на такие кенотафы Нижней Волги, отметил необходимость подобного обряда для племен срубной культуры, считая, что такие захоронения "производились для людей, занимавших почетное положение в родовом коллективе, и, вероятно, умерших или погибших далеко от родового поселка" ¹³. Он же указал на следующие в то время материалы: Быково I, к. I и к. 9, п. I; Покровск, юго-восточная группа, к. 8 ¹⁴.

Условные срубные погребения или кенотафы в Поволжье обнаружены в курганах близ с. Кайбали, с. Борна, с. Мазуровка, с. Неприк, совхоза Солнечный, с. Осиновка, с. Новопавловка, с. Натальино ¹⁵.

Устройство символических погребений не является особенностью погребального обряда только именно племен срубной культуры. Кенотафы широко встречаются среди погребений других территорий и различных археологических культур ¹⁶. Они известны среди памятников усатовской культуры (с. Ставчаны, к. 3, п. 1; с. Усатово, к. 1, п. 2, 3, 5; к. 2, п. 3, 5) ¹⁷. Античный кенотаф встречен в некрополе городища Беляус в Крыму (п. 15) ¹⁸. С.А. Плетнева отметила три кенотафа среди памятников салтово-маяцкой культуры ¹⁹.

Обычай сооружения в курганах символических захоронений на близкой территории встречается в предкавказской катакомбной культуре, где, по данным В.А. Фисенко, известно не менее 45 кенотафов ²⁰. Ближние параллели такому обряду он находит в погребениях младшей группы Триалетских курганов Грузии ²¹.

Могильный инвентарь срубных погребений Белогорских курганов очень однообразен и представлен только керамикой. Это обычно 2-3 сосуда в каждой погребении. В данной статье нет возможности подробно останавливаться на детальном рассмотрении обнаруженной посуды. Отметим, что в коллекции насчитывается около 20 сосудов,

большинство которых ориентировано в верхней своей части. В погребении № 3 кургана 2 на одном из трех сосудов сделаны два налона (рис. 5-3) с сквозными отверстиями в стенке. Подобные налоны имеются в баночном сосуде из могильника "Сяди" в Подонье, но там отверстия расположены иначе ²².

Несмотря на то, что некоторые белогорские срубные погребения по отдельным обрядовым признакам близки погребениям бережновского горизонта, тем не менее основная их часть, вероятно, относится к периоду развитой срубной культуры, поскольку в них отсутствуют такие ранние признаки, как остатки от растительной подстилки, нет меловой подсыпки, костей животных.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Сидицын И.В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Уп. С. 78-80; Рап Р. Moskergräber der wolgasteppe. Pskowak, 1928. S. 31-34.

² Минаева Т.М. Курган близ с. Нижняя Грязнуха // ПИДО. 1934. № 7-8. С. 163-166.

³ Сидицын И.В., Фисенко В.А. Раскопки на утесе Степана Разина // АО. 1960. № 1, 1970. С. 154-155.

⁴ Архив ИА АН СССР. Ф. 17, д. 14, л. 15-16, 22-24.

⁵ Ким М.Г. Отчет о раскопках курганов у с. Дмитриевка Большого района Саратовской обл. в 1978 году / Архив Большого краеведческого музея. Л. 8-9, рис. 41-43; Он же. Могильник срубной культуры у с. Дмитриевка // АО. 1979. № 1, 1980. С. 149-150.

⁶ Сидицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 10-11.

⁷ Там же. С. 57-59. Рис. 21.

⁸ Сидицын И.В. Археологические памятники у села Пролейка // Учен. зап. СГУ. 1956. Т. X Уп. С. 218-220.

⁹ Сидицын И.В. Древние памятники. С. 58. Рис. 22-3.

¹⁰ Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978. № 3. С. 73-74. Рис. 2-26, 27.

¹¹ Мерсерт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42. С. 60-89. Рис. 21-8.

¹² Там же. С. 139.

¹³ Смирнов К.Ф. Бывовские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 246.

¹⁴ Там же. С. 245-246.

¹⁵ Мерсерт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1953. № 31. С. 90; Васильев И.Б. Новые памятники срубной

культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы стечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975. С. 31; Пестрикова В.И. I Курганный могильник у совхоза "Солнечный" // Науч. тр. Куйбышевск. пед. ин-та, 1977. Т. 220. С. 76-79; Раскопки Л.Л.Галкина в 1976 г. Материалы не опубликованы; Багаутдинов Р.С., Скаболовко В.А. Новопавловская курганная группа // Науч. тр. Куйбышевск. пед. ин-та. 1978. Т. 231. С. 51; Раскопки Н.М.Малова в 1977-1979 гг. Материалы не опубликованы.

16 Постовская Н.М. О царских кенотабах древнего Египта // ВПИ. 1957. № 3; Субботин Л.В., Черняков И.Т. Фракийский кенотаб у с.Зализничное на левобережье Нижнего Придунавья // СА. 1973. № 2.

17 Збенович В.Г. Раскопки курганов у с. Стаячаны Черновицкой области // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг. Киев, 1967. С. 52-53; Семенова В.И. и Матодовская Е.Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. // СА. 1940. Т. У. С. 242-244, 248-249.

18 Дашевская О.Д. Раскопки городища и могильника Беллус // АО. 1972. № 1, 1973. С. 277.

19 Плетнева С.А. Работа левобережного Днепровского отряда // АО. 1970. № 1, 1971. С. 72.

20 Фисенко В.А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 81-82.

21 Там же. С. 82.

22 Дряжкин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973. С. 67-68. Рис. 18-2.

А.А. Чугуряева, Т.В. Терешкова

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

В статье приводятся результаты палинологических исследований, на основании которых характеризуется растительность эпохи бронзы и железа юго-востока Европейской части СССР. Материалом для настоящей работы послужили образцы, отобранные во время раскопок курганов археологическими экспедициями.

В 1952 году раскопки проводились Заволжским отрядом Волгоградской экспедиции ИА АН СССР в зоне Волгоградского водохранилища у с.Береклюево и Молчановка Николаевского района Волгоградской области. Курганы, согласно И.В.Синицкому¹, содержали равносоставленные погребения от эпохи бронзы до XV в. н.э. Результаты спорсно-

культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы стечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975. С. 31; Пестрикова В.И. I Курганный могильник у совхоза "Солнечный" // Науч. тр. Куйбышевск. пед. ин-та, 1977. Т. 220. С. 76-79; Раскопки Л.Л.Галкина в 1976 г. Материалы не опубликованы; Багаутдинов Р.С., Скабловенко В.А. Новопавловская курганный группа // Науч. тр. Куйбышевск. пед. ин-та. 1978. Т. 231. С. 51; Раскопки Н.М.Малова в 1977-1979 гг. Материалы не опубликованы.

16 Постовская Н.М. О царских кенотабах древнего Египта // ВПИ. 1957. № 3; Суботин Л.В., Черняков И.Т. Фракийский кенотаб у с.Зализничное на левобережье Нижнего Придунавья // СА. 1973. № 2.

17 Збенович В.Г. Раскопки курганов у с. Стаячань Черновицкой области // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг. Киев, 1967. С. 52-53; Семенова В.И. и Матодовская Е.Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. // СА. 1940. Т. У. С. 242-244, 248-249.

18 Дашевская О.Д. Раскопки городища и могильника Беллус // АО. 1972. № 1, 1973. С. 277.

19 Плетнева С.А. Работа левобережного Днепровского отряда // АО. 1970. № 1, 1971. С. 72.

20 Фисенко В.А. Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 81-82.

21 Там же. С. 82.

22 Дряжкин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973. С. 67-68. Рис. 18-2.

А.А. Чугуряева, Т.В. Терешкова

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

В статье приводятся результаты палинологических исследований, на основании которых характеризуется растительность эпохи бронзы и железа юго-востока Европейской части СССР. Материалом для настоящей работы послужили образцы, отобранные во время раскопок курганов археологическими экспедициями.

В 1952 году раскопки проводились Заволжским отрядом Волгоградской экспедиции ИА АН СССР в зоне Волгоградского водохранилища у с.Береклюево и Молчановка Николаевского района Волгоградской области. Курганы, согласно И.В.Синицкому¹, содержали равносоставленные погребения от эпохи бронзы до XV в. н.э. Результаты спорсно-

пыльцевого анализа приводятся лишь для образцов, датированных веком железа; для эпохи бронзы они опубликованы ².

В 1971 году экспедицией Саратовского университета под руководством проф. И. В. Сивилкина производилась раскопки на Утёе Степана Разина, расположенном на правом берегу Волги в 3 км к югу от с. Белогорское Красноармейского района Саратовской области, и в окрестностях указанного села. Образцы отобраны из погребений, датированных эпохой бронзы. Затем их обработали комбинированным методом лаборатории ВСЗПИ в сочетании с сепарационным методом В. П. Гричука. Результаты палинологических исследований приведены в прилагаемых таблицах. Споры и пыльца обнаружены в значительном количестве лишь в некоторых образцах, в других их оказалось мало или их не было совсем.

Эпоха бронзы (табл. 1). В исследованных образцах отмечена пыльца следующих растений: из древесных — сосны, ивы, ели, березы, ольхи, дуба, вяза; из кустарничков — эфедры; из травянистых — крестоцветных, бобовых, розоцветных, маревых, гвоздичных, гречишных, льняковых, полыни и других (помимо полыни) сложноцветных; споры папоротников, а также единично водоросли, иглы губок, остатки грибов. Состав спор и пыльцы, их количественные соотношения в образцах показывает преобладание пыльцы травянистых растений (маревых и полыней), что указывает на доминирование в то время травянистого типа растительности. Это были, преимущественно, марево-полынные и полынно-маревые группировки с участием злаков, т. е. в растительном покрове преобладали степи или полупустыни. Леса, по видимому, дубравы с папоротниками, березовые колки занимали небольшие площади. Сосновые леса были удалены от мест исследования, так как пыльца сосны хорошо сохраняется, переносится ветром на большие расстояния, а в исследованных образцах обнаружены единичные пыльцевые зёрна.

Растительность Красноармейского района в эпоху бронзы сходна с растительностью Заволжья ³, где в то время также доминировали степи или полупустыни, с островками лиственных и сосновых лесов.

Железный век (табл. 2). В проанализированных образцах обнаружена пыльца древесных пород — сосны (в значительном количестве), единично и не во всех образцах — ели, березы, ольхи, вяза; из кустарничков — эфедры; из травянистых растений — в большом количестве пыльца маревых, полыни, сложноцветных (помимо полыни), единично и не во всех образцах пыльца злаков, спорына, гвоздичных, кермека,

Результаты спорово-пыльцевого анализа из отложения тургана у с. Белогорское Красноармейского

Места взятия образцов		А. Пыльца древесных пород	Б. Пыльца кустарников	В. Пыльца травянистых растений	Г. Споры папоротников	Pinus	Salix	Betula	Alnus	Quercus	Ulmus	
УТЭС	Грунт	3,9		81,9	14,2	I				2		
		I		16	3	I						
	Взвешка	погребенные	I, I	I, I	52,3	45,3			I			
			10,2	11,3	75,5	3	7		I		3	
		обмазка сте.	I	I	10	I	I					
	I		17		I							
	Очаг			11								
КУРТАН	Грунт	3		29	3			I	I	I		
		5		16		I			4			
	Содержимое горшочек											
	Разрез (лит. в см)	160-95	4			4						
		95-130										

Примечание: числа с десятичным знаком - абсолютные

вьянковых; из водно-болотных растений - пыльца рогаза, рдеста, частухи, арсидных; единично отмечены споры сфагновых мхов, папоротников; кроме того, остатки грибов, иглы губок. На основании перечисленного состава спор и пыльцы, их количественного соотношения в отдельных образцах можно сделать заключение, что растительность Заволжья в эпоху железа была представлена, в основном, степями или полупустынями, марево-полянными и частично-маревыми группировками, с участием в них элаков, кермека, эфедры, споршпа (спутника человека). Леса же занимали небольшие площади. Леса были, по-видимому, березовые и сосновые. Широколиственные леса и

Таблица I

келий бронзового века раскопок утеса Степана Разина
района Саратовской области (Споры и пыльца, %)

Средства	Росaceae	Chenopodiaceae	Caryophyllaceae	Asteraceae	Fabaceae	Artemisia	Asteraceae	Euphorbiaceae	Sporifera	Diatomeae	Pteridophytes	Водные организмы
	I,6	79,4		I,6	I,6	14,2	I,6	II	+	-	+	-
		II				4	I		-	-	+	-
		3										
I	I	35				10		40	-	-	+	-
II		43,7			I,3	33,7	21,3	3	+	-	+	-
		8				I	I	I	+	+	+	+
	I	12				2	2		+	-	+	-
		7			I	3			+	-	-	-
		6	3			12	2	3	+	+	+	-
	2	II	I			I	I		+	-	-	-
									+	+	+	+
									+	-	-	-
									+	-	+	-

процентное содержание, без десятичного знака - числа

то время были, очевидно, редким явлением. Из широколиственных пород нами была обнаружена лишь пыльца вяза, возможно, условия для сохранения пыльцы были неблагоприятными. Наличие единичных пыльцевых зерен ели в некоторых образцах может указывать на произрастание её вблизи мест стоянок, если исключить возможность заноса пыльцы издалека или водой, или воздушными течениями.

Растительность Залесья в эпоху железа была, в основном, сходна с растительностью эпохи бронзы ⁴ и довольно близка к современной растительности.

Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из отложения
и с. Берекновка

КУРТАН	Погребение	Место взятия проб	Споры и пыльца, %	Абсолютное число пыльцевых зерен	A. Пыльца трехлетних пород	L. Пыльца кустарничков	B. Пыльца травянистых растений	T. Споры мхов и папоротников	A. stipus sp. vestris	Picea sp.	Picea	Betula	Alnus
I	I	Насыпь над погребением		472	II,2	2,0	86,4	0,4	39	13	I	2	
		25 см от поверхности		100	4,0	6,0	88,0	2,0	4				
		50-75 см от поверхности		107	25,5	6,5	65,5	2,5	18	I	3	5	
IO	III	Из челюсти лошади		115	4,8	2,4	92,8		4	I			
		Дневной слой		244	20,1	1,2	77,5	1,2	30	17	I	2	
		25		14	I	I	12		I				
		50		I		I							
		100		57	5	2	50		5				
		125											
84	I	150-200		2	I	I		I					
		50-125		I		I							
		Из кувшина		4	I	3				I			
84	II	Из кувшина		10		10							
9	I	Из перекрытия		54	48,8	1,8	44,0	5,4	13			13	

Таким образом, палинологические данные показывают, что растительность юго-востока Европейской части СССР (на примере Саратовской и Волгоградской областей) с эпохи бронзы до наших дней не претерпела существенных изменений. Эти изменения шли, главным образом, в сторону уменьшения площади лесных массивов, исчезновения хвойных

Таблица 2

ний железного века районов с. Нов. Молчановка (курганы I, IO, 9)
(курган 84) Волгоградской области

Ulmus	B. spheca	B. lupha	rotamoretan	Alistataceae	Araceae	gramineae	Polypodium epidulae	Chenopodiaceae	Caryophyllaceae	Statice	Polypodiaceae	Artemisia	Asteraceae	Гравиянные неопределенные	Polypodium	Polypodiaceae	Растительные образцы	Углерод и гли	число образцов
5				0,4	2,4	51,4	0,4	0,24	1,41,8	2,0	I	I	+	+	I				
6				1,1		41,0	1,1		55,7	1,1	I	I	+	+	I				
7				1,45	62,0	23,2			60,8	5,6	1,4	2	I	+	-	2			
I	3	0,90,9		3,6		58,3	15,0	4,5	15,0	1,8		2	I	+	-	I			
				1,0	8,0	17,2	7,0		1,0	61,3	1,53,0	2	I	+	-	I			
I						4	3		3	2									
I						1													
						32			17	1									
						I													
								I											
						3													
								I											
I						4	2		I	2									
I				7	14				3			I	2						

лесом, что, видимо, было связано более с деятельностью человека, чем с изменением климата.

ПРИМЕЧАНИЯ

I Смирнова И.В. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИА. 1954. Вып. 55.

2 Чигуряева А.А. Растительность Заволжья эпохи бронзы // МИА.
1960. № 78.

3 Чигуряева А.А. Указ. соч.

4 Чигуряева А.А. Указ. соч.

Г.Г.Петух

АЛЕКСАНДИНСКИЙ БЕСКУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ОДНОТИПНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Памятник изходился в I километре к югу от села Александино Питерского района Саратовской области, в пятистах метрах к югу от левого берега реки Малый Узень, в пятистах метрах к северу от колхозных кошар.

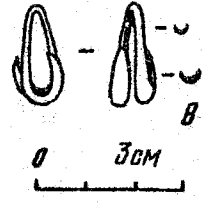
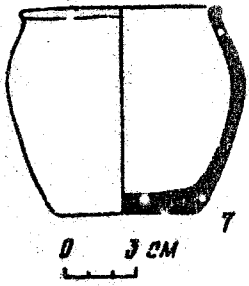
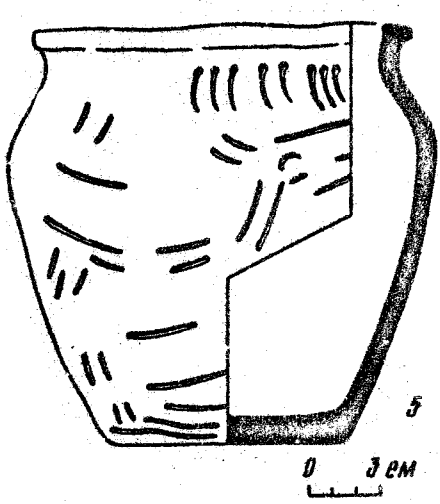
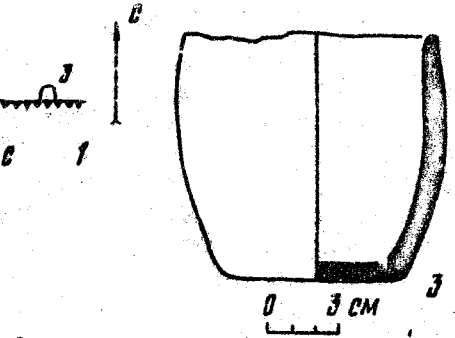
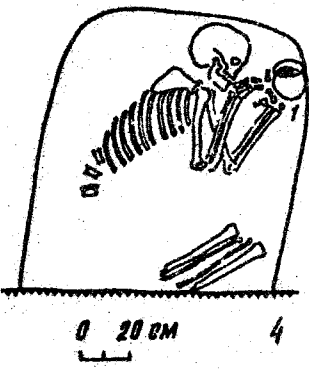
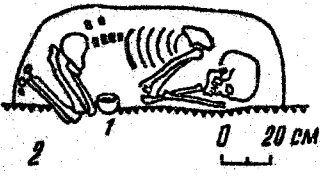
Большинство погребений могильника уничтожены растущим оврагом. По сообщению местных жителей, в овраге на протяжении многих лет находили кости, керамику и медные предметы. Все исследованные погребения в различной степени повреждены оврагом (рис. I).

Погребение № I (рис. I-2). Яма имела сильно скругленные углы, длина её I, I м. Длинной осью ориентирована по линии запад-восток. Глубина от современной поверхности 0,65 м. Детский скелет лежал скорченно на боку, головой на восток, кисти рук - под левой щекой. У колен, против живота, находился сосуд, несколько фрагментов другого были найдены ниже, на склоне оврага. Форму разбитого сосуда реконструировать не удалось.

Сохранившийся сосуд (рис. I-3) представляет собой толстостенную банку, высота его 9,3 см; диаметры дна - 7,5 , наиболее широкой части - II,3 , венчика - II см. Толщина стенок колеблется в пределах 7-II мм, визуально распределенные примеси отсутствовали.

Погребение № 2 (рис. I-4) находилось в девяти метрах от первого выше по оврагу. Яма подпрямоугольная, со скругленными углами, ширина её I,05 м, глубина от современной поверхности 0,92 м, дли-

Рис. I. Александинский бескурганый могильник: I - план могильника; 2 - погребение № I; 3 - сосуд из погребения № I; 4 - погребение № 2; 5 - сосуд из погребения № 2; 6 - погребение № 3; 7 - сосуд из погребения № 3; 8 - подвеска из погребения № 3

на не определена, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СЗ. В скелете отсутствовали кости таза, бедренные и плечевые обеих ног. Судя по сохранившимся частям скелета, погребенный был захоронен скорченно на левом боку, головой на северо-восток, кисти рук находились перед лицом. Между кистями рук и стянкой ямы лежал на боку сосуд. Сосуд (рис. 1-5) имеет высоту 17,3 см, диаметры: дна - 3,3 , наиболее широкой части - 17,5 , шейки - 14,7 см, венчика - 15,6 см. Поверхность сосуда темно-серая, до черного, обработана способом протаскивания зубчатого штампа, толщина стенок 9 , дна - 12 мм. С внутренней стороны на венчике имеется характерный желобок.

Погребение № 3 (рис. 1-6) расположено в трех метрах вверх по оврагу от погребения № 2. Судя по сохранившейся части, яма имеет овальную форму шириной 0,73 , глубиной 0,79 м от современной поверхности. Длинной осью яма ориентирована по линии ЮЗ-СЗ. Погребенный был скорчен на левом боку, головой на северо-восток. Руки находились перед лицом, кисти не сохранились. Перед лицом, у стенки ямы, стоял сосуд, между нижней челюстью и локтевыми суставами находилась медная, желобчатая, овальная в плане подвеска в полтора оборота (рис. 1-8), фрагменты другой такой же подвески находились под черепом. На шейных позвонках были найдены мелкие костяные бусы, рассыпавшиеся при изъятии.

Сосуд (рис. 1-7) имеет высоту 8,8 см; диаметры дна - 5,8 , наиболее широкой части - 10,2 , венчика - 8,4 см; толщина стенок - 4-6 , дна - 9 мм. Под венчиком два окранных противостоящих отверстия диаметром 2,5-3 мм.

Алексишинский могильник можно отнести к срубной культуре, осломленной, судя по инвентарю, абашевским влиянием. Данный памятник далеко не единственный бескурганый могильник в культурах срубного круга Восточной Европы. В степной и лесостепной зонах Подонья, Поволжья, Уральского региона и некоторых других подобных памятников известно уже довольно много. По имеющимся материалам, памятники этого рода можно условно разделить на два основных типа: могильники и отдельные погребения на поселениях и собственно бескурганные могильники.

К памятникам первого вида можно отнести на территории Подонья два погребения на срубном Мосоловском поселении в Воронежской области ¹, детское погребение на абашевском поселении у станции Отрожка (Воронежская область) ², срубное погребение на Тавровском поселении в зоне Воронежского водохранилища ³, захоронение, совер-

шенное скорченно на спине и охарактеризованное В.И.Мамонтом им, как срубное, на одном из островов Пятиморокой стоянки в Волгоградской области ⁴.

В Поволжье к памятникам этого типа можно отнести погребение на поселении Гуселда II под Саратовом ⁵, могильник на срубном поселении Танаевское городище ⁶, несколько погребений на поселении Утёс Степана Разина ⁷, погребение на поселении у села Иваньска Хвалынского уезда Саратовской губернии ⁸, погребение на I Сусланском поселении ⁹.

В Уральском регионе к памятникам этого типа можно отнести погребение эпохи бронзы, совершенное по обряду трупосожжения на стоянке каменного века "Дружный XIV" на реке Верхний Тогузак в Варненском районе Челябинской области ¹⁰, два детских погребения на поселении петровского типа Кулевчи III ¹¹, и детское погребение на поселении бронзового века "Дружный I" в Челябинской области ¹², остатки группового захоронения на андроновском поселении Коркино I в Южном Зауралье ¹³.

В Западной Сибири к таким памятникам принадлежит тройное захоронение на алакульском поселении Усаган II в Притобольском районе Курганской области ¹⁴.

К собственно бескурганым могильникам относятся следующие памятники: в Подонье — срубный могильник на острове Шелыган в Волгоградской области ¹⁵ и аналогичный памятник на правом берегу реки Курмойярский Аксай ¹⁶, в Поволжье — сохранившаяся часть могильника у Тулуниного леса в Волгоградской области ¹⁷, Алексеевский лесобережный ¹⁸, Алексеевский II ¹⁹, Алексеевский III ²⁰, Алексеевский IV ²¹, могильник в окрестностях города Балаково ²², II Новоиваньковский ²³, могильник у села Большое и Малое Пальдино, открытый М.С.Акимовой ²⁴, вероятный разрушенный могильник на дне "Человечья голова" на востоке Куйбышевской области ²⁵, на Верхней Волге это могильник "Фефёлов Бор" ²⁶, расположенный в пойме Оки и относимый Т.Б.Поповой к поздняковской культуре ²⁷.

Несколько выпадает из общих рамок единичное парное захоронение на восточном берегу озера Сарпа в Волгоградской области, относимое В.И.Мамонтовым к срубной культуре ²⁸. Однако этот памятник не вкладывается ни в могильники, ни погребения на поселениях.

В Уральском регионе к типу бескурганых могильников можно отнести Метел Томак в Башкирии ²⁹, могильник у Никитинского лесничества в Оренбургской области ³⁰, исследованный в 1975 году

второй могильник на реке Сингашта, в котором, по мнению Н.Б.Еноградова и В.Ф.Генинга, специальной насильи не было ³¹ и андроновский могильник у села Миасское в Челябинской области ³².

За Уралом, на территории Западной Сибири, это три памятника, исследованные Т.М.Потемкиной на Тоболе — могильник петровского типа Верхняя Алабуга ³³, а также Раскатиха ³⁴ и Камынное I ³⁵.

На территории Казахстана к погребальным памятникам бескурганного типа относится широко известный андроновский Алексеевский могильник ³⁶, а также могильники у села Покровка Атбасарского района Целиноградской области ³⁷, у посёлка Евгеньевка Тарановского района Кустанайской области ³⁸, у с. Соколовка на реке Ишты в Северо-Казахстанской области ³⁹, сложный погребальный комплекс в горной долине Кумты на западных склонах Каратау в Кызыл-Ординской области, ориентировочно относимый А.Акишевым к позднеалакульской культуре ⁴⁰. Уместно сослаться и на интереснейший памятник с еще более восточных территорий — Ростовкинский могильник под Омском ⁴¹.

Погребения и могильники на поселениях, равно как и собственно бескурганные могильники, известны во многих культурах бронзового века различных регионов. За исключением погребения у с. Ивановка, справедливо относимого Н.Я.Мерпертом к древнейшим ⁴², приведенные выше аналогии относятся к культурам сейминского круга, главным образом к трём основным культурным образованиям сейминского хронологического горизонта: срубной, абашевской и андроновской общностям. При этом в некоторых памятниках в различных сочетаниях переплетаются элементы двух, а иногда трех названных культур. Из их рамок не выпадают и III Алексеевский могильник на севере Саратовской области, материалы о котором опубликованы В.И.Пестриковой ⁴³. Анализ материалов памятника не позволяет согласиться с исследовательницей в отнесении его к фатьяновской культуре. Так, аналогии погребальному обряду могильника встречаются не только в памятниках фатьяновской культуры, как считает В.И.Пестрикова ⁴⁴, но и в массе памятников ряда культур эпохи средней и поздней бронзы, широко представленных на Дону, в Поволжье и на Урале, таких, как катакомбная, позднеполтавская, культура многоваликовой керамики, срубная, андроновская. Характерные для фатьяновской культуры погребальные сооружения и керамика на III Алексеевском могильнике полностью отсутствуют ⁴⁵, найденная вне комплекса пластинчатая подвеска в полтора оборота ⁴⁶ иная, чем в Волосовско-Даниловском и Никольцинском могильниках фатьяновской культуры ⁴⁷, на материалы

которых ссылается В.И. Пестрикова. Ссылка же на Д.А. Крайнова относительно того, что "спиральные кольца из округлой в сечении проволоки с расплюснутым листовидным концом или спиральным штиком считаются характерными предметами в комплексах погребений фатьяновской культуры" ⁴⁸, основана на недоразумении, Д.А. Крайнов об этом не писал. Спиральные кольца со спиральным штиком этот исследователь в своей монографии, посвященной фатьяновским древностям, вообще не упоминает; при этом спиральные кольца, в том числе с завитком или спиралью на конце, представлены в абашевских памятниках, например, в погребениях М1 и М3 кургана № 4 и погребении № 3 кургана № 1 у Алташей в Чувашии ⁴⁹. Достаточно известно и наличие перстней в виде спиралей со спиралевидными штиками в памятниках посткатакомбной общности культуры многоязыковой керамики, андроновской культуры и некоторых других. Общеизвестно и существование в абашевской культуре очковидных привесок. Нельзя согласиться и с тем, что найденное на Ш Алексеевском могильнике небольшое долото "близко по форме фатьяновским шильям" ⁵⁰. Полагаем, что для данного долота значительно более близкой аналогией, чем фатьяновское шилье, будет долото из абашевского погребения у с. Репкёвца на реке Потудани ⁵¹, найденное с керамикой, а так же с характерными для эпохи средней бронзы предметами. Таким образом, типологически это долото более тяготеет к майкопским древностям ⁵². Что касается группы металла М1, то таковая присутствует в металлическом инвентаре ряда культур Подонья, Поволжья и Урала, в абашевской же считается основной ⁵³. Таким образом, фактов, сколько-нибудь серьёзно свидетельствующих о фатьяновской принадлежности памятника нет. По его материалам можно лишь сделать допущение о возможных контактах оставившего его населения с фатьяновским, которые предполагает Е.Н. Черных у населения абашевской и некоторых других культур ⁵⁴.

В свете изложенного и с учетом нахождения на территории могильника абашевской и срубной керамики ⁵⁵, представляется наиболее вероятным отнести его к памятникам синкретического типа с наличием значительного числа абашевских элементов. Принимая во внимание позы и ориентировки некоторых погребённых, распространение в погребальных памятниках свиты катакомбных культур, можно допустить участие в создании памятника и иных, родственных абашевцам, групп с территории Подонья.

В настоящее время нетрудно сколько-нибудь уверенно обосновать факт существования в Поволжье и на прилегающих территориях

в эпоху поздней бронзы наряду с курганными бескурганными захоронен- ный и могильник. Однако обращает на себя внимание тот факт, что бескурганных могильников, относящихся к ямно-полтавкинскому периоду, в степи и лесостепи Поволжья и Уральского региона до сих пор не найдено, а все известные памятники этого типа относятся к пе- риоду поздней бронзы. Кроме того, в значительном числе этих памят- ников проявляются (обычно в инвентаре) элементы абашевской культу- ры, либо культурных групп, выделяемых в настоящее время в постка- такомбскую общность культуры многосампловковой керамики. К таким па- мятникам можно отнести Алексашкинский, Алексеевский левобереж- ный ⁵⁶, Алексеевский II ⁵⁷, Алексеевский III ⁵⁸, вероятный разрушен- ный могильник на даче "Человечья голова" ⁵⁹, Метев-Томак ⁶⁰, Чики- боровский ⁶¹, второй Синташтинский ⁶².

В силу изложенных выше наблюдений не исключено, что распростра- нение в позднем бронзовом веке в Поволжье и на прилегающих терри- ториях бескурганных могильников связано со становлением и распро- странением свиты культур сейминского хронологического горизонта и значительной ролью в этих процессах культур Подонья и, может быть, некоторых других территорий.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Пряхин А.Д., Екимов Ю.Г., Матвеев Ю.П., Старцева Т.С. Иссле- дования памятников поздней бронзы в лесостепном Подонье. АО-78. М., 1979. С. 82.

² Либеров П.Д., Пряхин А.Д., Сизик А.Т., Тихонов Б.Г. Археоло- гические исследования на Воронежском водохранилище. АО-69. М., 1970. С. 51.

³ Тихонов Б.Г. Воронежская восточная экспедиция. АО-69. М., 1970. С. 77.

⁴ Мамситов В.И. Археологические памятники на р. Ахтубе и Волго- Донском междуречье. АО-73. М., 1974. С. 164.

⁵ Силицын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гусел- ка II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. Сара- тов, 1972. Вып. I. С. 16-17.

⁶ Силицын И.В., Фисенко В.А. Указ. соч. С. 17; Силицын И.В. Дневник раскопок Танавского городища. Архив ИА АН СССР. Ф. 17, дело № 2.

⁷ Силицын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры ... С. 19.

⁸ Орехов В.Ф. Две раскопки на церковной земле села Ивацкое Хвалынского уезда Саратовской губернии // Тр. Саратовской архив- ной комиссии. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 41-44. Рис. 2.

- 9 Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. М., 1953. № 61. С. 113.
- 10 Дрябина Л.А., Жилина И.В., Ножкина Т.И., Чакирина А.М. Работы в Барненском районе Челябинской области. АО-78. М., 1979. С. 171.
- 11 Виноградов Н.Б., Зданович Г.Б. Первый памятник петровского типа на Южном Урале. АО-78. М., 1979. С. 162.
- 12 Днепров С.А., Коноркин В.М., Шорин А.Ф. Раскопки поселения "Дружный I" в Челябинской области. АО-78. М., 1979. С. 169.
- 13 Чамыкин Ю.П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье. АО-75. М., 1976. С. 206-207.
- 14 Потемкина Т.М. Работы Тобольского отряда. АО-78. М., 1979. С. 269.
- 15 Лукашов А.Б., Мамонтов В.И., Мыськов Е. Работы в Волгоградской области. АО-75. М., 1976. С. 104.
- 16 Лагоцкий К.С., Маловицкая Л.Я., Шлов В.П. Исследования Волго-Донской экспедиции. АО-70. М., 1971. С. 161.
- 17 Попова Т.Б. Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково // МИА. М., 1960. № 78. С. 280. Рис. 6, 2.
- 18 Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках Алексеевского левобережного могильника в Саратовской области // Архив ИА АН СССР. Р-1, 6139.
- 19 Алапов С.А., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках Алексеевского II грунтового могильника // Архив ИА АН СССР. Р-1, 6701, 6701 "А".
- 20 Пестрикова В.И. Фатяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 99.
- 21 Ватазина А.П. Отчет о раскопках IV Алексеевского поселения и могильника // Архив ИА АН СССР. Р-1, 6139. С. 103. Рис. 3-5.
- 22 Пестрикова В.И. Отчет о работах в Балаковском районе Саратовской области в 1977 году // Архив ИА АН СССР. Р-1, 6963, 6963 "А".
- 23 Шлов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 31.
- 24 Попова Т.Б. Памятники срубной культуры... С. 280.
- 25 Васильев И.Б. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1975. С. 9. Рис. 4.
- 26 Попова Т.Б. Работы на Канищевских днах под Рязанью. АО-74. М., 1975. С. 70-71.
- 27 Там же.
- 28 Мамонтов В.И. Археологические памятники на р. Ахтубе... С. 163-164.
- 29 Зорueva А.В. Могильник Метев Томак // КСИИМК. М., 1953. № 72. С. 28.
- 30 Васильев И.Б. Абашевские памятники лесостепного Заволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 53.

- 31 Гензинг В.Ф., Виноградов Н.Б. Новый могильник середины II тысячелетия до н.э. на р. Синташта. АО-75. М., 1976. С. 168.
- 32 Гензинг В.Ф., Гузенцова Т.М., Корякова И.Н., Морев Е.М., Чебакова Т.И. Исследования в Челябинской области. АО-69. М., 1970. С. 141.
- 33 Потемкина Т.М. Работы Тобольского отряда. С. 268-269.
- 34 Потемкина Т.М. Раскопки у озера Раскатиха на р. Тобол // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969. Вып. 4. С. 5-14.
- 35 Потемкина Т.М. С соотношения типов раннеалакульской керамики в Приоболье (по материалам поселения и могильника Камышино I) // КСИА № 169 (находится в печати).
- 36 Крипцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ИИМ. М., 1948. Вып. XVII. С. 62.
- 37 Зданович С.Я., Зданевич Г.Б., Малюткина Т.С., Хаслулина М.К. Работы в Калининградской области. АО-76. М., 1976. С. 520.
- 38 Бурнаева В.Д. Исследования Кустанайского музея. АО-75. М., 1976. С. 515.
- 39 Сайберг В.Ф., Плешаков А.А., Шалагин А.П. Работы в Северо-Казахстанской области. АО-78. М., 1979. С. 533-534.
- 40 Акишев А. Новые андроновские памятники в Каратау. АО-75. М., 1977. С. 505-506.
- 41 Матвеев В.И., Ложникова В.Г. Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966-1969 годах // Из истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 2. С. 18.
- 42 Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974. С. 18.
- 43 Пестрикова В.И. Фатынинский могильник ...
- 44 Пестрикова В.И. Указ. соч. С. 107.
- 45 Там же. С. 109.
- 46 Там же. Рис. 3-1.
- 47 Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. Рис. 53-1, 2, 3, 4, 5; 54-1, 2.
- 48 Пестрикова В.И. Указ. соч. С. 108.
- 49 Едзименко П.П., Третьяков И.Н. Абашевская культура в Поволжье // ИИА. М., 1961. В. 97. С. 43. Рис. 9-17, 18, 19; 12-12.
- 50 Пестрикова В.И. Указ. соч. С. 108.
- 51 Пряжин А.П. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С. 23. Рис. 21, 24.
- 52 Там же. С. 102.
- 53 Черных Е.Н. С металле абашевской культуры // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964. С. 103; См. же. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. С. 23.
- 54 Черных Е.Н. Древнейшая металлургия... С. 107.
- 55 Пестрикова В.И. Указ. соч.

- 56 Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках... Рис. 14-2; 17, 33, 37, 42, 60.
- 57 Агапов С.А., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках... Рис. 7-1; 7-2; 18; 21-29.
- 58 Пестрикова В.И. Фатьяновский могильник ...
- 59 Васильев И.Б. Абановские памятники Куйбышевского Заволжья.
- 60 Зорueva А.В. Могильник Метев-Томак.
- 61 Васильев И.Б. Абановские памятники лесостепного Заволжья.
- 62 Генинг В.Ф., Виноградов Н.Б. Указ. соч.

Е.П. Мисьяков

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГОГРАДСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

В 1975 и 1979 годах Заволжская экспедиция Волгоградского педагогического института проводила исследование курганов, расположенных в Быковском районе Волгоградской области, в 9-12 км к востоку и север-востоку от рабочего поселка Быково (рис. 1). Все курганы распахивались, поэтому многие из них к моменту раскопок едва выделялись на поверхности почвы. Из 16 исследованных курганов 11 были сооружены над погребениями срубной культуры, которым и посвящена данная работа.

Курган № 1 находился на расстоянии 150 м к югу от грунтовой дороги Быково - Красноселец, напротив отметки II км. Диаметр насыпи 7 м, высота 0,4 м. В центре кургана располагалась могильная яма прямоугольной формы, ориентированная по линии север - юг. Длина ямы 2,3 , ширина 1,6 , глубина 0,8 м от уровня погребальной почвы. В насыпи встречались мелкие угольки. На дне могильной ямы, в ее северной части, лежал на груди скелет взрослого человека. Головой на север, кисти рук располагались под грудью, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику. На дне ямы сохранился глеч от органической подстилки (рис. 2-1). Напротив колен погребенного стоял лепной горшок биконической формы, украшенный в верхней части орнаментом в виде треугольников, нанесенных концом круглой палочки. Поверхность горшка темно-серая с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота горшка 15 см (рис. 3-1).

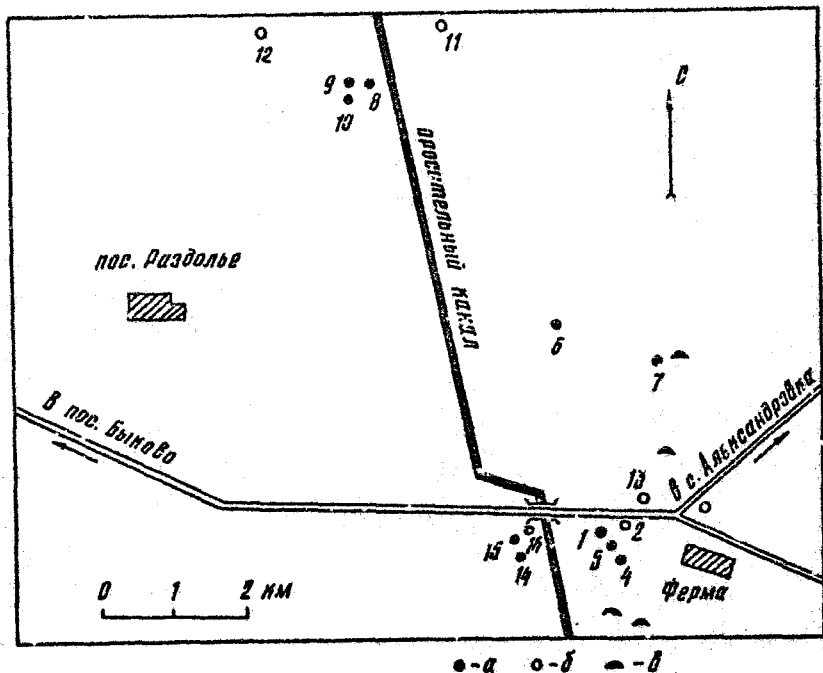

Рис. 1. Схема расположения курганов в районе р.п. Быково: а - курганы орубной культуры; б - курганы эпохи железа; в - неисследованные курганы

Курган № 2 находился на расстоянии 100 м к юго-востоку от кургана № 1. Диаметр насыпи 22 м, высота 0,4 м. Насыпь кургана пропахана до материка. В центре кургана располагалась могильная яма прямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 1,25 , ширина 0,85 , глубина 0,6 м от уровня материка. На дне могильной ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на северо-восток, кисти рук располагались перед лицом, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику. Под скелетом сохранился тлен от органической подстилки (рис. 2-2). У черепа и берцовых костей лежали пять альчилов барана. Перед погребенным стояли два лешных горшка. Один с выпуклыми боками и слегка отогнутым наружу венчиком, его поверхность светл-коричневая с серыми пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота.

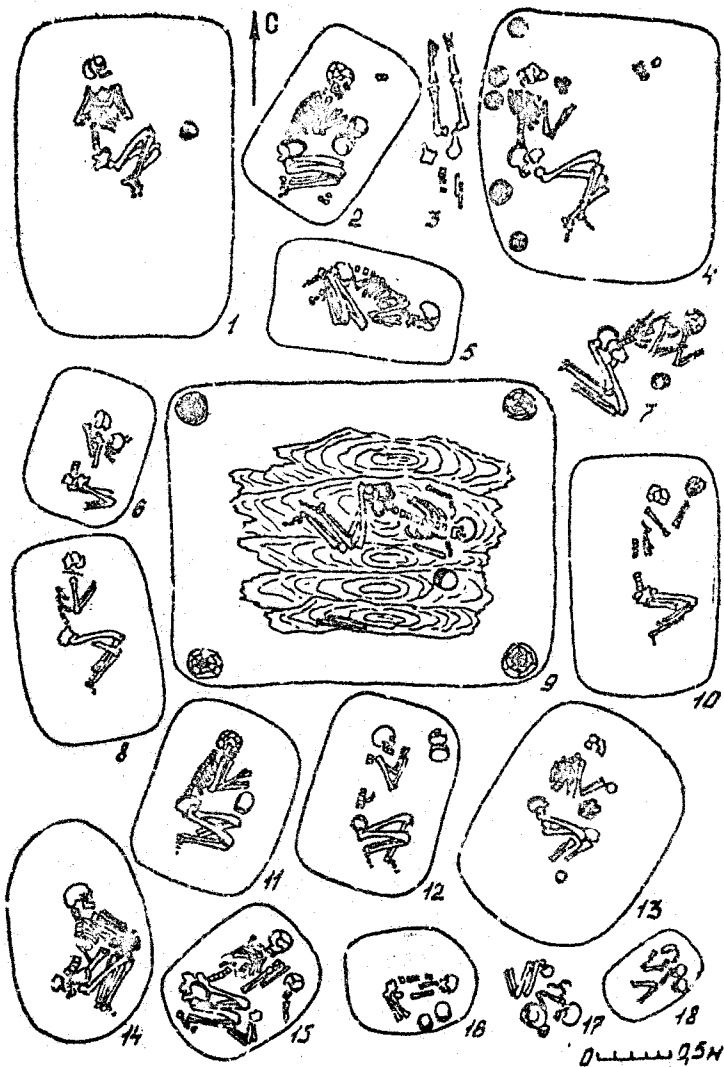

Рис. 2. Планы погребений: I - к. I, п. I; 2 - к. 4, п. I; 3 - к. 5, п. I; 4 - к. 5, п. 2; 5 - к. 6, п. I; 6 - к. 7, п. 4; 7 - к. 8, п. I; 8 - к. 9, п. 2; 9 - к. 7, п. 5; 10 - к. 9, п. I; 11 - к. 9, п. 3; 12 - к. 9, п. 4; 13 - к. 10, п. I; 14 - к. 14, п. I; 15 - к. 14, п. 3; 16 - к. 15, п. 2; 17 - к. 15, п. I; 18 - к. 14, п. 2

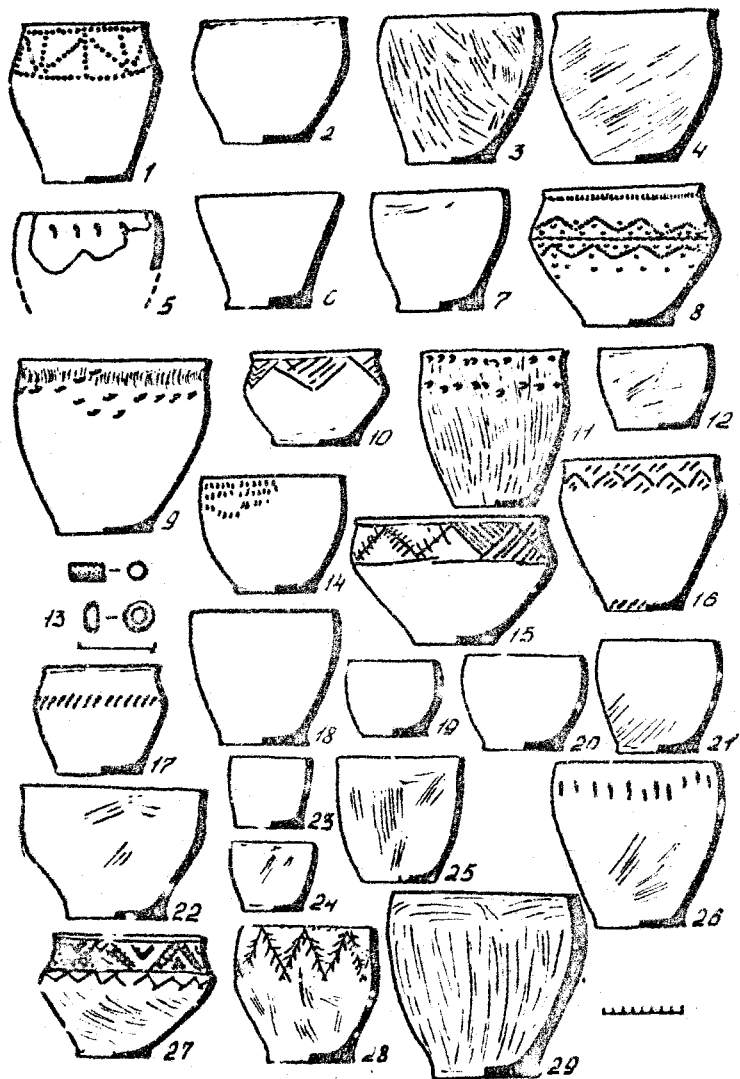

Рис. 3. Вещи из погребений: 1 - к. 7, п. I; 2, 3 - к. 4, п. I; 4 - к. 5, п. 2; 5 - к. 6, п. 2; 6 - к. 7, п. 2; 7 - к. 7, п. 3; 8, 13 - к. 7, п. 4; 9 - к. 7, п. 5; 10 - к. 8, п. I; 11 - к. 9, п. I; 12 - к. 9, п. 3; 14-15 - к. 9, п. 4; 16 - к. 10, п. I; 17 - к. 14, насилье; 18 - к. 14, п. I; 19, 20 - к. 14, п. 2; 21 - к. 16, насилье; 22, 23 - к. 15, п. I; 24, 25 - к. 15, п. 2; 26, 27 - к. 15, п. 3; 28 - к. 16, п. I; 29 - к. 16, п. 2.

Высота горшка II, 5 см (рис. 3-2). Второй горшок баночной формы с загнутым внутрь венчиком и небольшой закраиной по дну, его поверхность темно-серая с черными пятнами, покрыта бороздами заглаживания, глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка I4 см (рис. 3-3).

Курган № 5 находился на расстоянии 60 м к юго-востоку от кургана № I. Размеры насыпи по линии север-юг 8 , по линии запад-восток II , высота 0,4 м.

Погребение № I обнаружено на уровне древнего горизонта почвы, на расстоянии I, I м к западу от центрального репера. Погребение нарушено распахкой, на месте сохранились кости ног, таза и предплечья левой руки взрослого человека. Судя по их положению, погребенный лежал на груди, лицом вниз, вытянуто, головой на юг (рис. 2-3).

Погребение № 2 обнаружено в центре кургана. Могильная яма подквадратной формы с округлой западной стенкой ориентирована по линии север-юг. Длина ямы I,9 , ширина I,75 , глубина I,2 м от уровня погребенной почвы. Вдоль западной стенки ямы стояли пять деревянных столбов, опиравшихся на дно ямы и поддерживающих перекрытие из плах толщиной I5 см, которое опускалось вниз к углу, образованному восточной стенкой и дном. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на север, кисти рук располагались перед лицом, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику. Под скелетом сохранился тлен от органической подстилки (рис. 2-4). Перед лицом погребенного и в северо-восточном углу ямы лежали фрагменты лепного горшка с выгнутыми боками и отогнутым наружу венчиком. Поверхность горшка серая, с бороздами заглаживания, глина в изломе черная с примесью толченых раковин. Высота горшка I5 см (рис. 3-4).

Оба погребения, по-видимому, сооружены одновременно.

Курган № 6 находился на расстоянии 2,5 км к северо-северо-западу от кургана № I. Размеры насыпи по линии север-юг I5 , по линии запад-восток II , высота 0,3 м. Насыпь кургана пропахана до материка.

Погребение № I обнаружено на расстоянии I,2 м к северу от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии запад-восток с небольшим отклонением. Длина ямы I,4 , ширина 0,75 , глубина 0,15 м от уровня материка. На дне могильной ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой

на восток с небольшим отклонением к югу. Кисти рук располагались у подбородка, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику (рис. 2-5).

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 2 м к востоку от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии запад-восток. Длина ее 1,15 м, ширина 0,6 м, глубина 0,1 м от уровня материка. Погребение полностью разрушено, в насыпи и на дне могильной ямы встречены разрозненные кости взрослого человека. В юго-западном углу лежали фрагменты лепного горшка с загнутым внутрь венчиком, по которому проходит ряд пальцевых вдавлений. Поверхность горшка коричневая с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью шамста и серы (рис. 3-5).

Выяснить последовательность сооружения погребений в кургане не удалось.

Курган № 7 находился на расстоянии 2,3 км к северо-северо-востоку от кургана № 1. Диаметр насыпи 7 м, высота 1 м.

Погребение № 1 обнаружено на расстоянии 3 м к югу от центрального репера, на уровне погребенной почвы. Сохранился восточный угол разрушенного деревянного сруба, сооруженного на древнем горизонте и ориентированного по линии север-запад - юго-восток. У юго-восточной стенки найдено несколько фрагментов лепного горшка, не давших представления о его форме. Поверхность фрагментов коричневая, покрыта бороздами заглаживания, глина в изломе черная без видимых примесей.

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 1,75 м к востоку от центрального репера. Могильная яма овальной формы ориентирована по линии север-юг. Длина ямы 1,3 м, ширина 0,75 м, глубина 1 м от современной поверхности насыпи. На дне, в южной части ямы сохранились бедренная и берцовая кости левой ноги подростка. Судя по их положению, погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой на север. У колен погребенного стоял лепной горшок баночной формы с закраиной по дну. Поверхность горшка коричневая, глина в изломе черная с примесью шамста. Высота горшка 11 см (рис. 3-6).

Погребение № 3 обнаружено на расстоянии 4 м к востоку от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии север-восток - юго-запад. Длина ямы 1,2 м, ширина 0,65 м, глубина 1,3 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы, в её северной части, сохранились фрагменты черепа и плечевая кость правой руки подростка, судя по их положению, погре-

банный лежал на левом боку, головой на северо-восток. Перед лицом погребенного стоял лепной горшок бабочной формы с загнутым внутрь венчиком и закраиной по дну. Поверхность горшка коричневого цвета, глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 12 см (рис. 3-7).

Погребение № 4 обнаружено на расстоянии 2,7 м к востоку от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Длина ямы 1,25 м, ширина 1 м, глубина 1,3 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет подростка, на левом боку, головой на северо-восток, кисти рук располагались перед лицом, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику (рис. 2-6). В области черепа найдено несколько бусин: девять цилиндрических из коричневой пасты диаметром 0,2 см и три дисковидных из голубой пасты диаметром 0,4 см (рис. 3-13). Перед лицом погребенного стоял лепной горшок с перегибом в средней части тулова, отогнутым наружу венчиком и закраиной по дну. Поверхность горшка орнаментирована. Под венчиком проходит прямая линия, выполненная зубчатым штампом, ниже тем же штампом нанесены два зигзага, между которыми проходит линия слезанная оттиском веревочки, пространство между зигзагами и ниже заполнено отпечатками трубочки. Поверхность горшка черная с серыми пятнами, глина в изломе черная с примесью шашота. Внутри горшка сохранились остатки пищи в виде коричневого налета. Высота горшка 13,5 см (рис. 3-8).

Погребение № 5 обнаружено на расстоянии 3,1 м к юго-западу от центрального репера. Могильная яма была ориентирована по линии запад-восток. Длина ямы 3 м, ширина 2,4 м, глубина 1,1 м от уровня погребенной почвы. Сверху яма была перекрыта деревянными плахами толщиной 20 см, лежащими поперек ямы. Перекрытие поддерживали четыре деревянных столба диаметром 30 см, которые были установлены по углам ямы. На дне ямы, на деревянных плахах, посыпанных мелом, лежал скелет взрослого человека. Погребенный лежал на спине, головой на восток. Ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику, ст. рук сохранились только плечевые кости, которые лежали вдоль туловища. Напротив колен погребенного лежали два ребра коровы (рис. 2-9). Перед лицом стоял лепной горшок с отогнутым венчиком и закраиной по дну, на венчике заметны следы заглаживания. В верхней части горшок орнаментирован короткими насечками, нанесенными концом тупого предмета. Поверхность горшка темно-серая с

черными пятнами, глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 17 см (рис. 3-9).

Основным в кургане было погребение № 1, сооруженное на уровне древнего горизонта. Затем было сделано погребение № 5, материковый выкйд из которого перекрывал погребение № 1, и возведена курганная насыпь. Погребения № 2, 3 и 4 — впускные.

Курган № 8 находился на расстоянии 6,5 км к северо-западу от кургана № 1. Диаметр насыпи 35 м, высота 1 м. В двух метрах к юго-востоку от центрального репера, в слое погребенной почвы, лежал скелет взрослого человека. Форму и размеры могильной ямы проследить не удалось. Погребенный лежал на левом боку, головой на северо-восток, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом (рис. 2-7). Перед погребенным стоял лепной горшок с перегибом в средней части тулова, отогнутым венчиком и закраиной по дну. Под венчиком проходит прочерченный орнамент в виде треугольников, заполненных углами и параллельными насечками. Поверхность горшка светло-коричневая, глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 9 см (рис. 3-10).

Курган № 9 находился на расстоянии 73 м к западу от кургана № 8. Диаметр насыпи 18 м, высота 0,4 м. Насыпь кургана пропахана до материка.

Погребение № 1 обнаружено на расстоянии 1,2 м к востоку от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии север-юг. Длина ямы 1,8 м, ширина 1,1 м, глубина 1,2 м от современной поверхности насыпи. В насыпи и на дне ямы встречены остатки плах от перекрытия, лежащих вдоль могильной ямы. На дне лежал скелет взрослого человека на левом боку, головой на север, кисти рук перед лицом, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику (рис. 2-10). У кистей рук погребенного лежал лепной горшок баночной формы с отогнутым венчиком. Под венчиком проходит два ряда пальцевых вдавлений. Поверхность горшка темно-серая с черными пятнами, покрыта бороздами заглаживания. Глина в изломе черная с примесью шамота. Высота горшка 15 см (рис. 3-II).

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 2 м к западу от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии север-юг с небольшим отклонением. Длина ямы 1,5 м, ширина 1 м, глубина 1 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на север, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику, кисти рук располага-

лись перед лицом (рис. 2-8). В области шейных позвонков найдены бусы, аналогичные бусам из погребения № 4 кургана № 7: три цилиндрических из коричневой пасты, диаметром 0,2 см и двенадцать дискообразных из голубой пасты диаметром 0,3 см.

Погребение № 3 обнаружено на расстоянии 4,8 м к юго-западу от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 1,4, ширина 1, глубина 0,8 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на северо-восток, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом (рис. 2-11). Перед погребенным стоял лепной горшок баночной формы. Поверхность горшка темно-серая с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота (рис. 3-12).

Погребение № 4 обнаружено на расстоянии 7,4 м к юго-западу от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 1,5, ширина 1, глубина 1,2 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на северо-северо-восток, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом (рис. 2-12). Перед лицом погребенного лежали два лепных горшка. Один с небольшой закраиной по дну, орнаментированный с одной стороны короткими насечками, выполненным концом тупого предмета. Поверхность горшка черная с темно-коричневыми пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота горшка 11,5 см (рис. 3-14). Второй горшок остроресберной формы с отогнутым венчиком, орнаментированный в верхней части прочерченным орнаментом. Под венчиком и по ребру проходят две параллельные линии между которыми прочерчен зигзаг с короткими поперечными черточками. С одной стороны пространство между зигзагами и линиями заполнено косыми насечками. Поверхность горшка коричневого цвета с темными пятнами. Глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 12 см (рис. 3-15).

Выяснить последовательность сооружения погребений в кургане не удалось.

Курган № 10 находился на расстоянии 20 м к югу от кургана № 9. Диаметр насыпи 12, высота 0,5 м. Могильная яма овальной формы располагалась в 1 м к востоку от центрального репера и была ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 1,75, ширина 1,4, глубина 0,9 м от уровня погребенной почвы. В насыпи

была обнаружена деревянная плита, лежащая вдоль могильной ямы. По центральной оси, на дне ямы, находились два небольших углубления от столбиков, на которые опиралось перекрытие. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на северо-восток, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом (рис. 2-13). Перед погребенным лежали фрагменты лепного горшка с перегибом в верхней части тулова и отогнутым венчиком. Под венчиком проходит прочерченный орнамент в виде углов и коротких насечек, ряд насечек нанесен в придонной части. Поверхность горшка темно-серая с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота горшка 15 см (рис. 3-16).

Курган № 14 находился на расстоянии 1 км к западу-юго-западу от кургана № 1. Диаметр насыпи 14 м, высота 0,3 м. Насыпь кургана пропахана до уровня погребенной почвы. На расстоянии 1,5 м к югу от центрального репера, в слое погребенной почвы найден лепной горшок с выгнутыми боками и отогнутым венчиком, по тулову проходит ряд косых насечек. Поверхность горшка серая, глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 10 см (рис. 3-17).

Погребение № 1 обнаружено на расстоянии 1,1 м к западу от центрального репера. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии север-юг. Длина ямы 1,6 м, ширина 1 м, глубина 0,85 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на север, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом. В области грудной клетки лежали фрагменты детского черня (рис. 2-14). Перед погребенным лежали фрагменты лепного горшка баночной формы с небольшой закраиной по дну. Поверхность горшка черная, глина в изломе черная с примесью шамота, высота горшка 12 см (рис. 3-18).

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 2,1 м к юго-востоку от центрального репера. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 0,8 м, ширина 0,5 м, глубина 0,7 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет ребенка, потревоженный грызунами. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал на левом боку, головой на северо-восток (рис. 2-18). Перед погребенным стояли два лепных баночных горшка с залитыми внутрь венчиками и закраинами по дну. Поверхности горшков коричневые с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота одного горшка 9 см, другого - 8 см (рис. 3-19, 20).

Погребение № 3 обнаружено на расстоянии 1,3 м к северо-северо-востоку от центрального репера. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 1,25, ширина 0,85, глубина 0,8 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на груди, головой на северо-восток, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом. Перед погребенным лежал скелет ребенка, на левом боку, головой на северо-восток, ноги согнуты под тупым углом к позвоночнику, от рук сохранились только плечевые кости (рис. 2-15).

Выяснить последовательность сооружения погребений в кургане не удалось.

Курган № 15 находился на расстоянии 16 м к северо-западу от кургана № 14. Диаметр насыпи 20 м, высота 0,35 м. На расстоянии 2,5 м к юго-западу от центрального репера, в слое погребенной почвы найден лепной горшок баночной формы с загнутым венчиком и закраиной по дну. Поверхность горшка серая, покрыта бороздами заглаживания. Глина в изломе черная без видимых примесей, высота горшка 11 см (рис. 3-21).

Погребение № 1 обнаружено на расстоянии 1,25 м к западу от центрального репера в слое погребенной почвы. Форму и размеры могильной ямы проследить не удалось. Скелет ребенка лежал на левом боку, головой на юго-восток, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом (рис. 2-17). Перед погребенным стояли два лепных горшка, причем один из них -- на предплечьи левой руки погребенного. Он имел слегка отступный наружу венчик и дно с закраиной. Поверхность горшка темно-коричневая, глина в изломе черная с примесью шлама. Высота горшка 11,5 см (рис. 3-23). Второй горшок баночной формы с закраиной по дну, его поверхность красновато-коричневая, глина в изломе черная с примесью крупного песка. Высота горшка 6 см (рис. 3-23).

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 0,8 м к северо-западу от центрального репера. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии запад-восток. Длина ямы 1, ширина 0,75, глубина 1 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы на левом боку лежал плохо сохранившийся скелет ребенка головой на восток, ноги согнуты под прямым углом к позвоночнику, от рук сохранились только плечевые кости, лежащие вдоль туловища (рис. 2-16). Перед погребенным стояли два лепных горшка баночной

формы. Поверхности их темно-коричневые со следами заглаживания, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота одного горшка 11 см, другого - 6 см (рис. 3-24, 25).

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 0,4 м к востоку от центрального репера. Могильная яма прямоугольной формы, ориентирована по линии запад-восток с небольшими отклонениями. Длина ямы 1,8, ширина 1,4, глубина 1,3 м от уровня погребенной почвы. В насыпи встречены остатки плаха от перекрытия. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на восток, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом. Перед погребенным стояли два лепных горшка. Один баночной формы с загнутым внутрь венчиком и закраиной по дну. Под венчиком проходит ряд коротких насечек. Поверхность горшка светло-серая, глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 16 см (рис. 3-26). Второй горшок остроугольной формы с закраиной по дну, украшен в верхней части прочерченным орнаментом в виде двух параллельных линий, между которыми нанесены двойные углы с короткими поперечными насечками по сторонам, по ребру проходит прерывавшийся зигзаг. Поверхность горшка темно-коричневая со следами заглаживания, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота горшка 12 см (рис. 3-27).

Основным в кургане было погребение № 3, с ним связан материковый выскд, зафиксированный на уровне погребенной почвы. Погребения № 1 и № 2 впускные.

Курган № 16 находится на расстоянии 22 м к северо-востоку от кургана № 15. Диаметр насыпи 24, высота 0,25 м. Насыпь кургана пропахана до материка.

Погребение № 1 обнаружено на расстоянии 2,8 м от центрального репера. Могильная яма овальной формы, ориентирована по линии северо-восток - юго-запад. Длина ямы 1,4, ширина 0,9, глубина 1,7 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы лежал скелет взрослого человека, на левом боку, головой на северо-восток, ноги согнуты под острым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом. Перед погребенным стоял лепной горшок баночной формы с закраиной по дну, украшенный в верхней части прочерченным орнаментом в виде углов с короткими насечками по сторонам. Поверхность горшка темно-серая с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью шамота. Высота горшка 13 см (рис. 3-28).

Погребение № 2 обнаружено на расстоянии 0,7 м к западу от центрального папера. Могильная яма овальной формы, организована по линии север-юг. Длина ямы 1,6 м, ширина 1,2 м, глубина 0,3 м от современной поверхности насыпи. На дне ямы, ближе к западной стенке, лежали кальцинированные кости и уголек. Здесь же стоял лентный горшок баночной формы с закралкой по дну. Поверхность горшка коричневая с черными пятнами, искривлена глубокими бороздами заглаживания. Глина в изломе черная без видимых примесей. Высота горшка 18 см (рис. 3-29).

Выяснить последовательность сооружений погребений в курганах не удалось.

Этим очерчиваются материалы срубной культуры, полученные при раскопках. Анализ погребального обряда, форм сосудов и их ornamentации позволяет отнести большинство исследованных захоронений к третьей четверти II тыс. до н.э. Погребение № 5 кургана № 7 отличается от остальных большими размерами могильной ямы, наличием иловой посуды и мощного деревянного перекрытия, восточной ориентировкой погребального. Все эти признаки характерны для бережневского горизонта срубных погребений Нижнего Поволжья¹. На раннюю дату сооружения этого погребения указывает и архаично орнаментированный горшок из впускного истребления № 4. В процессе раскопок удалось установить, что погребения № 4 и 5 были совершены после погребения № 1, которое представляло собой сруб, сооруженный на уровне погребенной почвы. Эти наблюдения позволяют говорить о разном образе погребального обряда на самом раннем этапе существования срубной культуры, в частности о существовании обряда возведения погребальных сооружений на поверхности почвы. К сожалению, это интересное погребение почти полностью разрушено, поэтому сейчас невозможно сказать ничего определенного о деталях погребального обряда.

Особый интерес представляет погребение № 1 кургана № 5. Положение погребенного лицом вниз, на уровне древнего горизонта, у края могильной ямы основного погребения очень своеобразно. В то же время это не единственный случай обнаружения такого захоронения на территории Нижнего Поволжья. Очень близкое по обряду погребение было обнаружено в кургане № 32 II Барыньевского могильника, которое отличается от бажовского северной ориентировкой погребенного². В настоящее время трудно дать какое-либо объяснение это-

му обряду, можно лишь констатировать его существование в Нижне-волжских памятниках срубной культуры.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Качалова Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978. № 3. С. 72, 73.

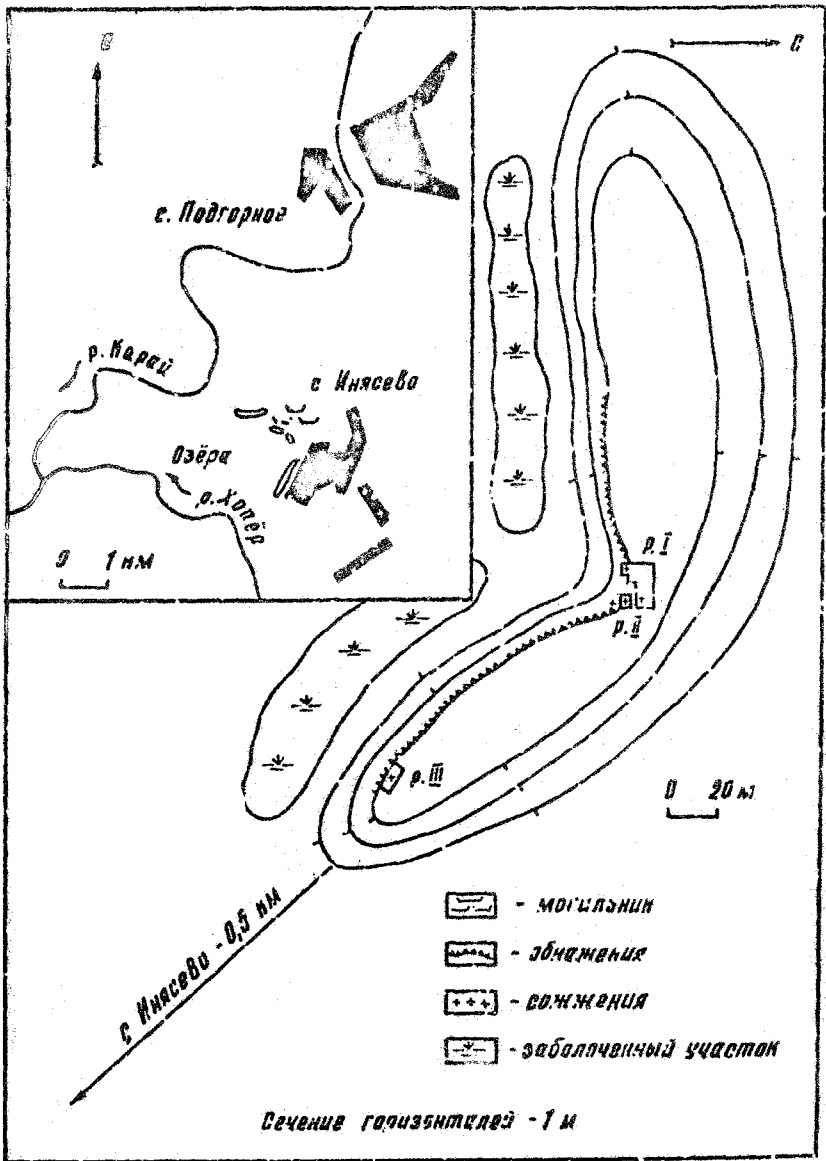
² Сеницын Н.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. М., 1960. 78. С. 62.

А.А.Хреков

ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК С СОЖЖЕНИЯМИ НА ЗАПАДЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

До последнего времени вопрос о существовании праславянских древностей в междуречье Дна и Волги, в пределах Саратовской, Воронежской и Тамбовской областей специально не рассматривался¹. В связи с этим, исключительный интерес представляет собой грунтовой могильник с сожжениями, открытый в 1966 г. в 0,5 км на северо-запад от с. Инясево Романовского района Саратовской области (рис. 1, а). Настоящая статья посвящена публикации и первоначальному осмыслению материалов погребений, исследованных Балашовским краеведческим музеем, педагогическим институтом и станцией энка туристов в 1963-1968 гг.

Могильник расположен в пирской пойме правого берега р. Хопер, на дне, которая дугообразно изогнута и ориентирована по линии юго-восток - северо-запад (рис. 1, б). Длина дна около 400 м. Своей западной стороной она выходит к пойменному лесу. С другой стороны дна ограничена многочисленными старицами, частично поросшими летом. Поверхность слабо задернована и покрывает только отдельные участки. Высота склонов до 5-6 м. Центр памятника интенсивно разрушается в результате проводившихся здесь хозяйственных работ. Установлено, что площадь дна неоднократно заселялась. Подземный материал представлен кремневыми и кварцевыми орудиями, среди которых выделяются микролитические изделия мезолитического облика, фрагменты разновременной керамики (неолита, энеолита, бронзы и круговой средневековой); изделиями из железа,

серебра и глины. Кроме того, на развальной поверхности были встречены отдельные кальцинированные косточки и их скопления, приняты нами за остатки погребений с сожженными. В центре дна было зафиксировано 5-6 таких скоплений, выделяющихся компактной скученностью. Их диаметр не превышал 1,5 м. Следы костей находились разнообразно: предметы из бронзы, стекла, фрагменты грубой лещинной керамики (рис. 2, 4-5); разрозненные фрагменты какого-то изделия, возможно, котла (рис. 2, 6-8); миниатюрную округлую пряжку с подтяжным язычком и остатками щитка (рис. 2-14); овальное кольцо (рис. 2-9); четырехугольный в сечении гвоздик (рис. 2-11) и трубчатые пронизки (рис. 2, 12-13). Предметы из стекла представлены мелкими оплавленными бусинами зеленоватого и серого цвета (рис. 2-10), а также крупной темно-серой бусиной, поверхность которой украшена волнистым орнаментом, заполненным белой пастой (рис. 2-15).

В ходе работ 1986-1988 гг. в центральной и юго-восточной части дна тремя раскопами и шурфом исследовано 400 м² (раз. I, б). На вскрытой площади обнаружено пять хорошо сохранившихся погребений. Все они находились в слое темной супеси; глубина залегания варьирует от 50 до 90 см и массами выходит на поверхность. В юго-восточной части памятника темная супесь перекрывалась современной прослойкой слежавшегося навоза и перевернутым серым песком, толщина которого не превышала 40-50 см. Вся свита исконится на желтоватом материковом песке; отсутствие перепонов культурного слоя обеспечило хорошую сохранность погребальных комплексов. Точные границы могильника пока не определены и в настоящее время известно, что он занимал центральную и юго-восточную часть дна. Строгой закономерности в расположении погребений не отмечено. Все выявленные погребения ямные (безурновны). Сожжения умерших происходило на стороне. Для захоронения остатков кремации, предварительно очищенных от золы, устраивались неглубокие округлые или удлиненные (овальные) ямки. Помимо кальцинированных косточек, в погребальные ямки помещались остатки костра, найдены следы трезны в виде фрагментов посуды, зерен злаков, пряслица и предметов личного убора. Некоторые предметы, в том числе и отдельные косточки, находились на краю ямок или даже в значительном удалении от них. Видимо, устройство могилы предполагало еще и входную яму-пешадку, контуры которой в слое супеси проследить

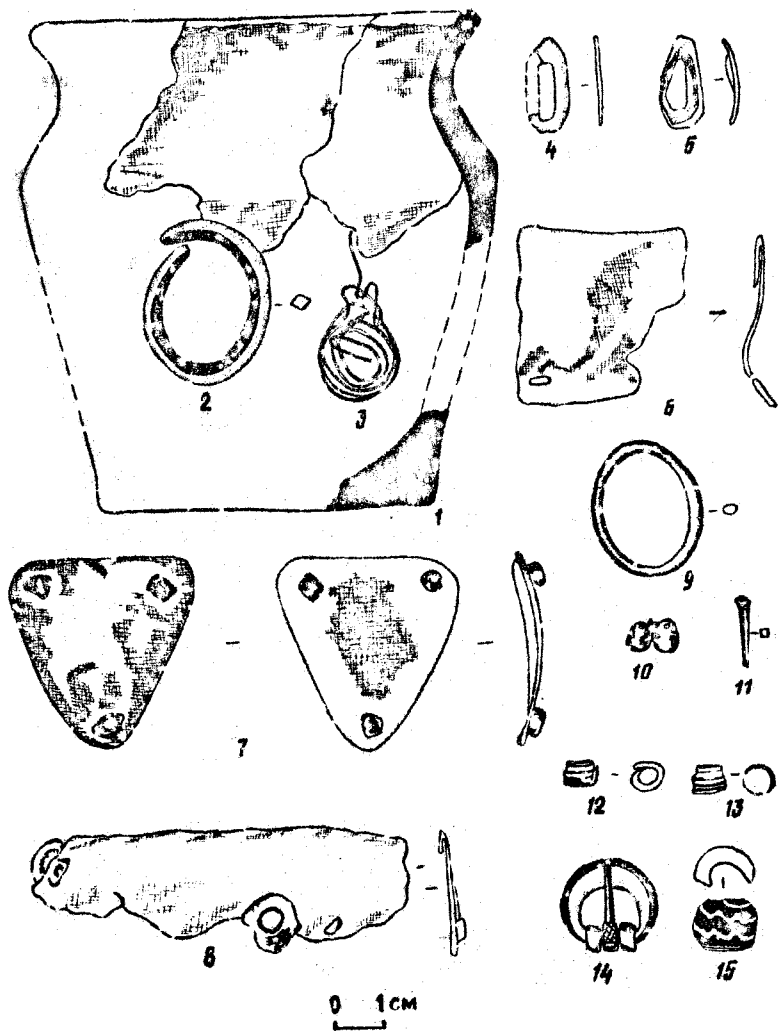

Рис. 2. Ингусово: Предметы из погребения № 2 (1-3) и соороз на поверхности (4-15)

не удалось. Исследования погребения представляют необычный интерес и поэтому на их характеристике остановимся более подробно.

Погребение № 1 (шурф 1986 г.) обнаружено в 8 см от современной поверхности, в слое темной супеси (рис. 3-1). Овальная ямка, вытянутая с северо-запада на юго-восток, размером 60x40 см, глубиной до 10, была заложена углистым песком и мелкими кальцинированными костями человека. Удалось выделить фрагменты черепа, ребра, позвонков и фаланги пальцев. Концентрация костей в центральной части погребения заметно увеличивается. В 10-15 см на юго-восток от погребения находились бронзовые трапециевидные подвески (рис. 3-1, 4), поверхность которых украшена штампованным орнаментом. В верхней части подвески имеют петельчатое ушко, соединенное переходным кольцом с витым толстопроволочным стержнем. Три подвески сохранились более или менее удовлетворительно. Четвертая представлена разрозненными фрагментами. Здесь же обнаружена круглодвоячатая бронзовая пряжка на овальном щитке (рис. 3-6) и витой бронзовый стержень с переходным кольцом (рис. 3-5). Все вещи побывали в огне. Следует отметить, что при разметке шурфа обнаружена бронзовая обойма (рис. 3-7), видимо относящаяся к рассмотренному погребению.

Погребение № 2 (раскол I, кв. 5) обнаружено в 22 см от современной поверхности, в слое темной супеси (рис. 3-2). Округлая ямка размером 50x42 см, глубиной до 12 см была заложена углистым песком и мелкими кальцинированными костями человека. Концентрация костей ко дну ямки заметно увеличивается. Среди костей находилась бронзовая спиральная подвеска (рис. 2-3) и звено сцепленных между собой железных колечек. Рядом с погребением, у северной кромки, обнаружен неполный развал сосуда (рис. 2-1) и бронзовая подвеска-кольцо с заходящими концами (рис. 2-2). Сосуд имел отогнутый венчик, приостренные плечики и плоское дно. Диаметр сосуда поверху - 9, дна - 7, высота около 10-12 см. Тесто плотное, с примесью шамота, поверхность бугристая, черного цвета.

Погребение № 3 (раскол I, кв. 61) открылось на поверхности скоплением мелких кальцинированных косточек, угольков и фрагментов грубой лепной керамики. Размеры скопления 19x10 см, глубина 5-7 см (рис. 4-3). Вероятно, это была ямка (границы ее не читались в слое темной супеси), куда поместили остатки тризны. Под ним, на глубине 22 см от поверхности оказалось основное погребение. Подпрямоугольной формы, вытянутая с северо-запада на юго-вос-

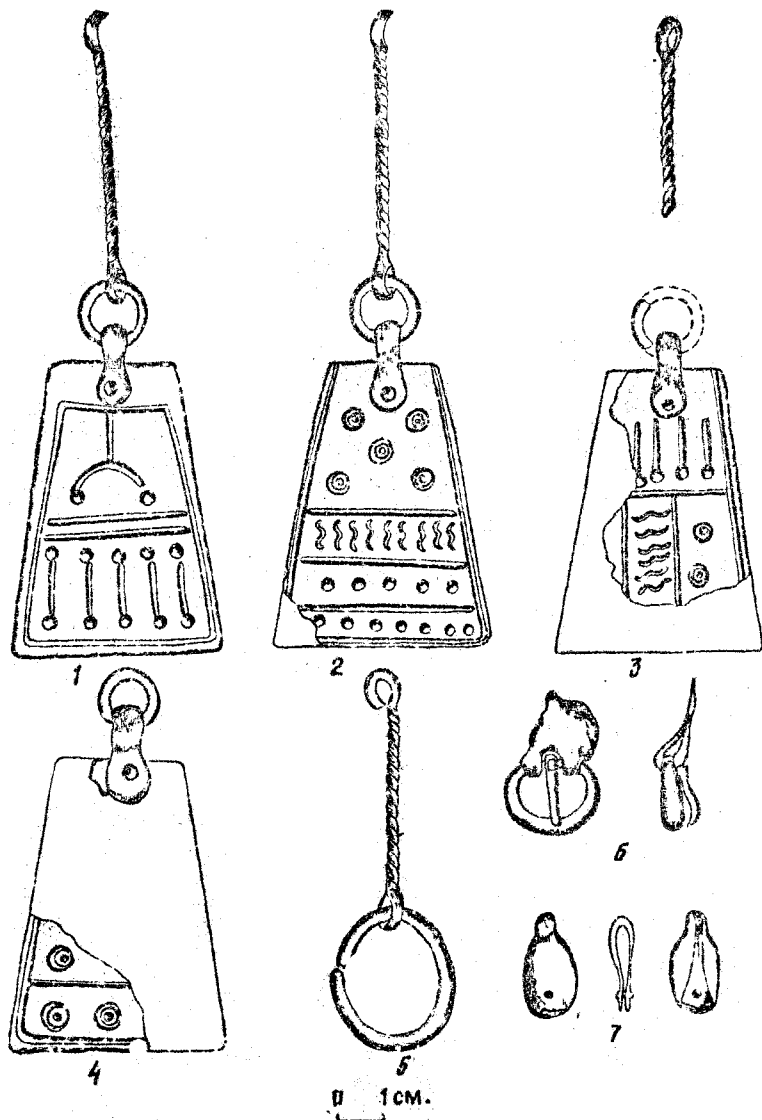

Рис. 3. Имяево: Предметы из погребения № I (I-7)

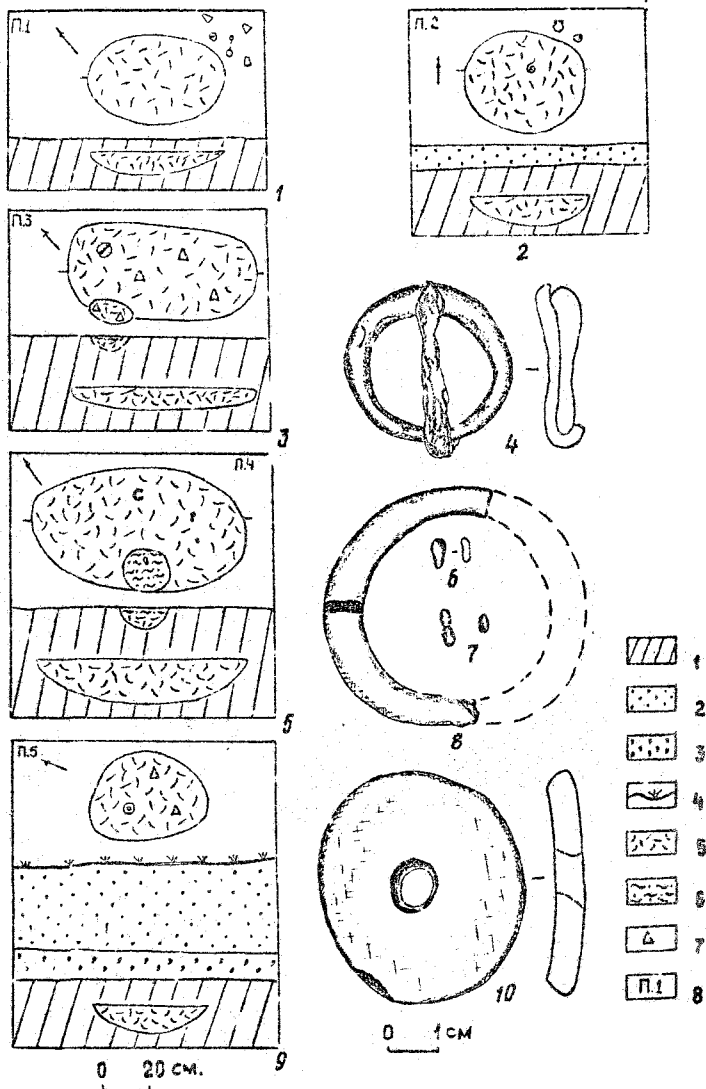

Рис. 4. Ингозеро: 1-3, 5, 9 - планы и разрезы погребений;
 4, 6-8, 10 - инвентарь погребений
 Условные знаки: 1 - темная супесь; 2 - серая супесь;
 3 - навоз; 4 - гумус; 5 - кальцинированные кости;
 6 - зола; 7 - кораллика; 8 - номер погребения

ток ямка, размером 77-36,5 см, глубиной до 10 см была заполнена углистым песком и плотной массой мелких кальцинированных костей человека (рис. 4-3). В северо-западной части погребения встречены фрагменты черепа, в центральной - остатки ребер, позвонков и бедренных костей. Кроме того, среди остатков сожжения находились отдельные фрагменты лощеной керамики и железная пряжка, покрытая окалиной (рис. 4-4). Пряжка имеет близкую к овалу форму и раскопанный на концах подвижной язычок. Рядом с погребением отмечены отдельные косточки и фрагменты керамики. Один фрагмент имел ярко выраженное ребро.

Погребение № 4 (раскоп II, кв. 8) открылось на поверхности округлым золисто-угольным пятном, размером 20x18 см и глубиной 10 см (рис. 4-5). Это была небольшая ямка, заполненная золой, угольками и редкими кальцинированными косточками, среди которых находилось обугленное семя пшеницы (рис. 4-6). Возможно, это следы тризны, сопровождающие основное погребение. Под остатками тризны, в слое темной супеси, на глубине 20 см от поверхности оказалось погребение. Овальной формы ямка, вытянутая с северо-запада на юго-восток, размером 90x55 см, глубиной до 20 см, была заполнена углистым песком и плотной массой мелких кальцинированных костей человека (рис. 4-5). Среди костей находились редкие угольки и два бронзовых ослеска (рис. 4-7). На дне ямки обнаружен фрагмент бронзовой овальной пряжки, концы которой оплавлены (рис. 4-8).

Погребение № 5 (раскоп III, кв. II) обнаружено в 60 см от поверхности, в слое темной супеси. Овальная ямка, вытянутая по линии север-северо-запад - юг-юго-восток, размером 50x38 см, глубиной до 12 см, была заполнена углистым песком, мелкими кальцинированными костями человека, редкими угольками и отдельными фрагментами лощеной керамики. На дне ямки находилось плоское, с центральным отверстием прислице, изготовленное из стенки сосуда. Его размеры 5x4 см, толщина 0,65 см. Судя по цвету и поверхности прислице побывало в огне (рис. 4-10).

Как уже отмечалось, материалы могильника у с. Иняево своеобразны. В Саратовской и сопредельных областях еще не выделено археологической культуры, к которой можно было бы отнести этот памятник. Большинство параллелей могильнику, его погребальному обряду, сопровождающему инвентарю уводят в более западные и северо-западные районы, в область так называемых "полей погребения", восточная граница которых выходит в Курское Посежье² и бассейн Се-

верского Донца ³. Это, в первую очередь, памятники киевской культуры III-V вв. н.э. Специфической особенностью киевских погребений, отличающих их от сожжений других культур, является захоронение остатков кремации в неглубоких ямах округлой или овальной формы. В погребальные ямы, помимо кальцинированных косточек, помещались остатки погребального костра и следы тризны в виде фрагментов посуды, костей животных, а в редких случаях — предмет личного убора и пояса ⁴. Те же самые элементы мы наблюдаем в погребальных комплексах у с. Инисево. Нельзя не отметить некоторого сходства погребального обряда с памятниками пеньковской и колочинской культур V-VIII вв. н.э. ⁵ Скорее всего, это объясняется генетическим родством последних с киевской культурой ⁶, памятники которой определяются как древности прямых предков раннесредневековых славян ⁷. Близость к киевской культуре подтверждается также и хронологической позицией некоторых изделий, обнаруженных на могильнике. В первую очередь речь пойдет о бронзовых круглорамчатых пряжках с округлым щитком (рис. 2-14; 4, 6) и трапециевидных подвесках (рис. 3, 1-4). Обе категории изделий находились в одном комплексе (погребение № 1), что очень важно для датировки могильника. Бронзовые круглорамчатые пряжки имеют большое количество аналогий в памятниках III-V вв. н.э., в том числе и киевской культуры ⁹. Как считают исследователи поясной гарнитуры, появление этого типа пряжек падает на конец III в., а наибольшее распространение — на IV в. н.э. ¹⁰. Сложнее обстоит дело с бронзовыми пластинчатыми трапециевидными подвесками, имеющими более широкий хронологический диапазон. Они встречены в материалах зарубинецкой ¹¹, пеньковской ¹², колочинской ¹³, мошинской ¹⁴ и других культур раннего средневековья. Среди близких аналогий погребальному комплексу из Инисево назовем известные трапециевидные подвески типа Мошинского клада, хронология которого дискуссионна и тесно переплетается с решением проблемы ювелирных изделий круга так называемых варварских предметов с выемчатой эмалью. Не вдаваясь в подробности отметим, что существуют две концепции на происхождение и датировку предметов с выемчатой эмалью. Сторонники прибалтийского происхождения выемчатых эмалей (А.Х. Мора, П.Н. Третьяков, Г.Ф. Седов и др.) датируют их в целом IV-VI вв. н.э. ¹⁵ Другие видят источники выемчатых эмалей в Среднем Поднепровье, в древностях киевской культуры III-V вв. н.э. (В.Н. Дашиненко, Е.Д. Гороховский) ¹⁶. По мнению Е.Д. Гороховского, III-V вв. н.э. датируется и Мошинский

клад ¹⁷. Подобная ситуация вызвана тем, что подавляющее большинство рассматриваемых находок обнаружено вне комплексов и материалов могильника у с. Инясево будут способствовать решению этой проблемы. Следовательно, вероятная дата погребения № I Инясевского могильника, принимая во внимание хронологию бронзовой круглограммчатой пряжки, будет укладываться в рамки III-IV вв. н.э. Основание для датировки могильника даёт и железная пряжка из погребения № 3 (рис. 4-4). Подобная пряжка с раскобанным на конце язычком была обнаружена в могильнике колочинской культуры у с. Смячь и датирована IV-VI вв. н.э. ¹⁸ Мы не будем рассматривать весь комплекс предметов, обнаруженных в погребениях и на поверхности могильника, — они лишь дополняют сказанное. Говоря о керамике Инясевского могильника, можно отметить, что она невыразительна и представлена мелкими обломками лепных сосудов с шероховатой и, реже, подложенной поверхностью. Исключением является остророберный сосудик (рис. 2-1) с буристой поверхностью черного цвета из погребения № 2, напоминающий некоторые формы посуды киевской ¹⁹ и мощинской культур. В самом предварительном плане, мы датировем могильник у с. Инясево второй четвертью — серединой I тысячелетия н.э. и связываем его с населением, близким по своим традициям культуре киевского типа. Промышление такого населения в Прихорьере документировано и другими материалами, в том числе и предметами с выемчатой эмалью ²¹. Предположительная гипотеза нуждается в проверке, тем более что рассматриваемые древности открыты в самые последние годы и пока остаются малоизученными.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Сецов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. II.

² Симонович Э.А. Черныховская культура и памятники киевского и колочинского типа // СА. 1983. № 2. С. 101.

³ Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. Материалы I тысячелетия н.э. на поселении Шосейное // СА. 1987. № 4. С. 185.

⁴ Археология Украинской ССР. Киев, 1986. С. 104.

⁵ Там же ... С. 166, 171.

⁶ Горюнов Е.А., Казанский М.М. Спорные вопросы пеньковской культуры // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 16.

⁷ Археология Украинской ... С. 113.

- 8 Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV--IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е1-2. С. 15; Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 98.
- 9 Археология Украинской... С. 110. Рис. 22, 12, 15.
- 10 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 54.
- 11 Кораукина Г.Ф. Предметы убора с внемчатными эмальями V-первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. 1978. Вып. Е1-43. С. 46.
- 12 Седов В.В. Восточные славяне ... С. 70. Табл. IV, 3.
- 13 Археология Украинской ... С. 170. Рис. 39-6.
- 14 Седов В.В. Восточные славяне ... С. 81. Табл. XV.
- 15 Там же. С. 45.
- 16 Гороховский Е.Д. Хронология украшений с внемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1986. С. 128.
- 17 Там же... С. 135.
- 18 Горюнов Е.А. Некоторые древности I тыс. н.э. на Черниговщине // Райнесредневековые восточнославянские древности. А., 1974. С. 121.
- 19 Кравченко Н.М., Гороховский Е.Д. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // СА. 1979. № 2. С. 59. Рис. 3, 57.
- 20 Седов В.В. Восточные славяне ... С. 79. Табл. XIII, 8.
- 21 Кораукина Г.Ф. Предметы убора... С. 19.

А.С.Скрипкин

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУЕТКИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САРМАТОВ

В 1971 году отрядом Волго-Донской экспедиции производились раскопки курганов в Волгоградской области, в зоне строительства Городищенской оросительной системы. Примерно в 40 км северо-западные Волгограда, у поселка Котдубань, в курганной группе III в насыпи кургана № 2 под перевернутым вверх дном глиняным горшком (рис. 1-2) были обнаружены две меловые статуетки различной величины¹. Одна из них, длина которой 7,5 см, отличалась четкими формами. Она была вырезана из уплотненного куска мела с выделенной талией, плечами и головой. Продольным углублением обозначены ноги. На нижнем

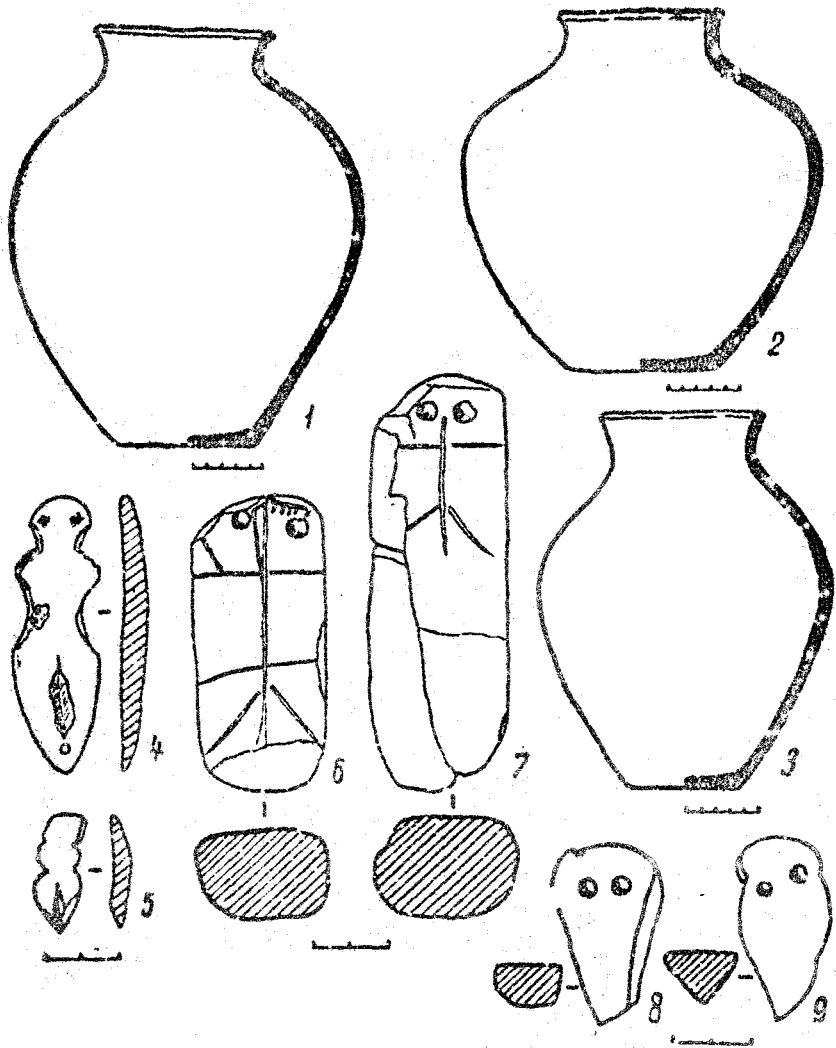

Рис. 1. Находки в насыпях курганов: 1, 6, 7 - хут. Вертячий; 2, 4, 5 - пос. Котлубань; 3, 8, 9 - д. Ясная Могила

конце статуэтки имелось коническое углубление. Места, где должны располагаться глаза, а также проемы, окрашены красной краской (рис. I-4). Меньшая статуэтка, длиной 3 см, выполнена более условно, у нее обозначены те же детали, но более грубо (рис. I-5). В кургане № 2 основным было погребение ямной культуры, впускные — срубной и одно — позднесарматской культуры.

Аналогичная находка была сделана экспедицией Волгоградского пединститута в 1976 г. в Биковском районе Волгоградской области во время раскопок курганный группы у лимана Могута. Здесь, в насыпи кургана № 10, в котором основным было погребение ямной культуры, а впускные погребения — срубной культуры и одно погребение VIII-VII вв. до н.э., также был найден перевернутый вверх дном горшок (рис. I-3), под которым находились три куса мела².

Два из них, более крупных размеров, длиной по 4,7 см имели в ширской своей части по два круглых углубления (рис. I-8,9). В одном весьма схематично угадываются контуры человеческой фигуры: голова, туловище и ноги (рис. I-9). Вырезанные круглые углубления, вероятно, в том и другом случае имитировали глаза. В таком случае мы имеем два сильно стилизованных антропоморфных изображения, что подтверждается и одинаковым характером их с котлубанскими статуэтками.

В 1978 году у хутора Вертячьего Калачевского района Волгоградской области В.И.Мамонтовым в насыпи кургана № 5 был найден развал горшка (горшок восстановлен, рис. I-1) и здесь же две статуэтки, изготовленные из брусков мела, на одной стороне которых были сделаны по две круглые ямки, изображающие глаза. Прорезными линиями условно обозначены части туловища. Длина одной статуэтки 11 см, второй 7,8 см (рис. I-6,7). Основным в кургане № 5 было погребение срубной культуры и одно впускное, сарматское³.

Все эти находки относятся к сарматской культуре⁴, о чем свидетельствуют горшки, под которыми были обнаружены статуэтки, имеющие близкие прототипы в сарматских памятниках⁵. Точно же отнести горшки к определенному периоду сарматской культуры трудно потому, что формы их нейтральны, они не несут более или менее ярких хронологических признаков. Такие горшки встречаются на протяжении всей сарматской культуры, хотя из сосудов, приведенных в качестве аналогий, большинство найдено в прохоревских погребениях.

Связь статуэток в курганных насыпях с погребальным культом несомненна. В котлубанском кургане рядом с горшком лежали кости ног,

позвонки и ребра барана. Они представляли собой напутственную пищу, что является характерной чертой сарматских погребений. Вероятно, к этому же кругу принадлежит находка, сделанная А.А.Узяновым в кургане № 24 I Балабинского могильника, где под лепным горшком, с орнаментированными вдавленными венчиком, находились обточенный кусок известняка и терочник из ручки амфоры. Рядом с горшком лежали кости мелкого рогатого скота: передние и задние ноги, череп, а также фрагменты таза лошади⁶. Горшки, видимо, во всех случаях заменяли собой могильные сооружения. Во все периоды сарматской культуры применялись различные конструкции погребальных сооружений, но, пожалуй, их объединяет одно — стремление предохранить погребенного от опрысканности с землей (различные перекрытия, подсып с загородками, катакомбы и пр.). Горшки, накрывавшие статуэтки, видимо, должны были играть ту же роль.

Об определенной значимости антропоморфных статуэток в погребальной обрядности сарматов свидетельствует целый ряд находок их в погребениях. Одной из наиболее ранних является меловая статуэтка высотой 9,5 см, обнаруженная В.А.Городцовым в сарматском детском погребении № 4 из кургана № I у села Переездная в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Статуэтка лежала в левой руке погребенного. В.А.Городцов описывает ее как женскую, изображенную в сидячей позе, якобы с сосудом в руках (рис. 2-1)⁷. Он указал на ритуальное назначение этой статуэтки, подчеркивая то обстоятельство, что она была изготовлена из мела, а мел, как ему было известно, часто встречается в погребениях этого времени. Погребение у Переездной В.А.Городцов датировал II-III вв. н.э.⁸ Однако, судя по ориентировке погребенного (КЮВ), а также вещам из других, как полагал В.А.Городцов, одновременных погребений, его следует датировать более ранним временем, вероятно, последними двумя веками до н.э. — I в. н.э.

В 1958 году В.П.Шиллов в Волгоградском Заволжье у села Заплавное в раннесарматском женском погребении обнаружил антропоморфную статуэтку из мела высотой 10,8 см (рис. 2-4). Она лежала с наружной стороны правой голени погребенной, головкой к стопе⁹. М.Г.Мошкова датировала это погребение I-II вв. до н.э.¹⁰

К.Ф.Смирновым в женском погребении № 3 среднесарматского времени из кургана № 5 Биколовского могильника также была найдена весьма схематичная меловая антропоморфная статуэтка с детализацией ног и головы, высотой 8 см. Она лежала у левой плечевой кости по-

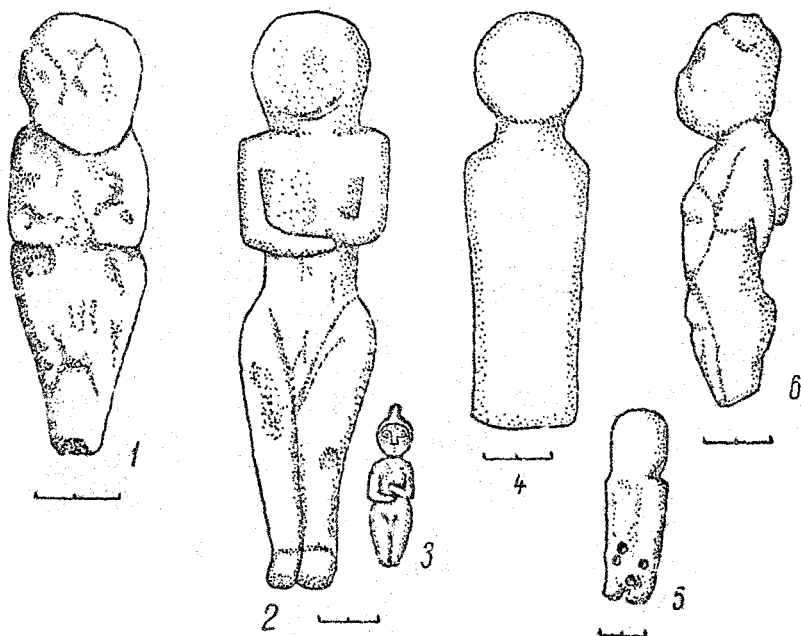

Рис. 2. Антропоморфные статуэтки из сарматских погребений: 1 - Переведная (по В.А.Городицкому); 2, 3 - I Балабинский мог. (по Ю.А.Смирнову, А.А.Узянову); 4 - Звезданье (по М.Г.Можиковой); 5 - Быковский мог. (по К.Ф.Смирнову); 6 - Близнацы (по М.Г.Можиковой)

гребенной (рис. 2-5) II. Им же в 1957 году была обнаружена другая, меловая статуэтка в детском погребении № 3 из кургана № 2 в группе Близнацы на Илеке (рис. 2-6). Статуэтка лежала около ноги погребенного. Это погребение датируется III в. до н.э. ¹²

В 1976 году Ю.А.Смирновым и А.А.Узяновым под Сальском в I Балабинском могильнике в сарматском женском погребении II-I вв. до н.э. были найдены две женские статуэтки. Одна, изготовленная из мела, лежала у правой голени, вторая, из кости, находилась у правого плеча (рис. 2-2,3) ¹³.

В Воронежской области около города Александровска С.И. Греченко и И.А.Мислариев в одном из курганов в раннесарматском погребении была обнаружена меловая статуэтка, стилистически близ-

кая статуэткам, найденным в насыпях курганов у джидана Могута и хутора Вертячий. Она очень схематична и у нее круглыми углубленными обозначены глаза ¹⁴. Это еще раз подтверждает сарматскую принадлежность статуэток, найденных в насыпях курганов.

Из приведенных случаев обнаруженных статуэток следует, что все погребения, в которых они найдены, датируются преимущественно раннесарматским или же среднесарматским временем. Там, где можно определить пол — это были женские погребения, остальные детские. То же следует сказать и о статуэтках, в тех случаях, когда специально подчеркивался пол, — все они были женскими. Погребения, в которых находились статуэтки, отличались относительным богатством могильного инвентаря. Обращает на себя внимание находка пары статуэток, одной большой и другой меньших размеров, в I Балабонском могильнике. Эта ситуация напоминает находки парных статуэток в насыпях курганов под горшками. Причем в Котлубанском кургане и у хутора Вертячего были найдены статуэтки разных размеров. Вероятно, во всех этих случаях большая статуэтка изображает взрослую женщину, а вторая, маленькая — ребенка. Следует отметить, что для всех статуэток, обнаруженных как в насыпях курганов, так и в погребениях, характерно отсутствие близкого сходства между ними. Всех их отличает индивидуальная манера трактовки изображения.

О связи антропоморфных изображений с погребальным культом у многих древних народов свидетельствует целый ряд примеров. Обычай класть в погребения статуэтки известен с эпохи неолита в Южном Туркменистане и в странах Ближнего Востока ¹⁵, на Кавказе в памятниках северокавказской культуры ¹⁶ и др. В эпоху раннего железного века находки антропоморфных статуэток известны в Средней Азии в ферганских могильниках Карабулах, Тура-Таш, Ворух. Общей чертой всех ферганских статуэток, как отмечает Г.А.Бригина, является их схематичность и нестандартность в изображении и стилистической трактовке. Несхожесть их, она считает, объясняется тем, что эти изображения, видимо, являются атрибутами узколокальных культов ¹⁷.

В Ворухском могильнике были найдены две антропоморфные статуэтки из алебаstra, обе они сопровождали погребения молодых женщин ¹⁸. Среднеазиатский эпос и этнография позволяют отождествить антропоморфные статуэтки в погребениях со спутниками погребенного или его заместителя ¹⁹. В этом отношении интересен кенотаф из мо-

могильника Тура-Таш, где под курганом № 19 в подобной яме вместо человеческого костяка находилась миниатюрная алебастровая статуэтка. Это погребение К.Д.Баруздин датировал началом н.э. ²⁰

О правомочности привлечения среднеазиатских (ферганских) аналогий для выяснения назначения статуэток, обнаруженных в сарматских погребениях, свидетельствует тот факт, что в сложении культуры, так называемых подобно-катакомбных погребений среднеазиатских районов, приняли участие и отдельные группы сарматских племен. Это мнение, высказанное в свое время О.В.Обельченко ²¹, не исключается и другими исследователями ²². В нахождении среднеазиатских и сарматских статуэток много общего, они обнаружены в женских погребениях, для них не характерна стандартиность изображения. Причем в том и другом районах статуэтки сопровождали, как правило, погребения молодых женщин. Все это говорит об их идентичном назначении. Учитывая, что сарматские погребения, в которых обнаружены антропоморфные статуэтки, датируются более ранним временем, нежели среднеазиатские подобно-катакомбные погребения, можно высказать предположение, что эта специфическая черта погребального обряда была приношена в Среднюю Азию сарматами.

Некоторые подтверждения выше сказанному можно найти в опубликованных материалах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, происходивших с западных окраин Хорезмского оазиса. Так, в курганном могильнике Тумек-кичиджик с подобно-катакомбными погребениями в кургане № 39 найдены две сломанные алебастровые статуэтки. Одна из них женская, пол вострой определить трудно. Находились они в погребении молодой женщины ²³. Автор датирует в целом могильник Тумек-кичиджик I в. до н.э. - II в. н.э. и отмечает в нем много общих черт с сарматскими памятниками Нижнего Поволжья и Приуралья. Эта близость прослеживается и на антропологическом материале ²⁴. Такую же схожесть в погребальном обряде, вещах и антропологическом материале с сарматским дает курганный могильник Туз-тыр ²⁵.

Семантика антропоморфных сарматских статуэток трудно выяснима. К.Ф.Смирнов, говоря о быковской статуэтке, считал ее отражением наличия антропоморфного, вероятно, женского обожества у сарматов ²⁶. Из Авесты известно, что у древних иранцев широко было распространено почитание духов дома, семьи - иваньи, которые изображались в виде идолов ²⁷. Фравашы в Авесте выступают как духи умерших предков, которые обычно отождествлялись с существами женского пола ²⁸.

В целом, наличие антропоморфных статуэток в сарматских погребениях отражает какие-то религиозные представления сарматов анимистического характера. В находках статуэток под горшками в насыпях курганов у поселка Котлубань, лимана Могута и хутора Вортячего можно видеть символические погребения, связанные с теми же представлениями.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Скрипкин А.С. Отчет об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Городищенской оросительной системы // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4482.

2 Скрипкин А.С. Отчет о раскопках курганов в Быковском и Николаевском районах Волгоградской области в 1976 г. // Архив ИА АН СССР.

3 Материалы раскопок не опубликованы. Искренне благодарен В.И. Мамонтову за предоставление в мое распоряжение публикуемой находки.

4 Сразу после раскопок мною высказано предположение о возможной принадлежности котлубанских статуэток к ямной культуре, так как горшок, под которым они найдены, был раздавлен на мелкие части, а сами статуэтки выглядели весьма архаично (Скрипкин А.С. Работы в зоне Городищенской оросительной системы // АО. 1971. М., 1972. С. 213). После того как горшок был восстановлен в реставрационной лаборатории Института археологии АН СССР стало очевидным, что он не относится к ямной культуре.

5 Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // МИА. 1959. № 80. Рис. 23-13; Он же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА. 1960. № 78. Рис. 27-7; 29-10; Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д 1-10. Табл. 7, 17, 22, 30.

6 Узянов А.А. Отчет о работах Бугаевского отряда Донской экспедиции ИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Т. 1. Л. 198-199.

7 Горский В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Тр. XII АС. М., 1907. Т. 1. С. 252-253. Рис. 59.

8 Горский В.А. Результаты археологических исследований... С. 257-269; Он же. Бахмутская "миниматерная каменная баба" (ответ проф. Н.И. Васеловскому) // ИАК. СПб., 1910. Вып. 37. С. 96.

9 Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1850. Л. 26.

10 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. С. 46.

11 Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 186.

12 Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. С. 52.

13 Смирнов Ю.А., Узянов А.А. Нижнесальские курганы // АО. М., 1976. С. 121-122.

- 14 Об этой находке мне любезно сообщили К.Ф. Смирнов.
- 15 Массон В.И., Сариянди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973. С. 84.
- 16 Нечитайло А.Л. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА. 1978. № 2. С. 178.
- 17 Брыкина Г.А. Некоторые вопросы верования древних ферганцев (в связи с находками в курганах и в усадьбе Найрагач): Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологич. работ исследования 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 152-154.
- 18 Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955. С. 29. Рис. 9; Литвинский Б.А. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. // Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад, 1961. Вып. VI. С. 69. Рис. 6.
- 19 Брыкина Г.А. Некоторые вопросы верования древних ферганцев... С. 153.
- 20 Баруздин Ю.Д. Памятники кочевников рубежа и первых веков нашей эры // Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962. С. 47-48.
- 21 Обельченко О.В. Кур-Мазарский и Ляндакский могильники - памятники древней культуры Бухарского оазиса: Автореф. дис. ... Ташкент, 1964.
- 22 Мешкова М.Г. Сарматы и Средняя Азия: Тезисы докладов сессии посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 107; Скрипкин А.С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: автореф. канд. дис. ... М., 1973. С. 18; Он же. К вопросу о происхождении позднесарматской культуры. Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. С. 29-30; Станицкий Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 96-109.
- 23 Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичдикки. Кочевники на границах Хорезма // ИАЭ. М., 1979. С. 135, 144. Табл. IV, XС, XI.
- 24 Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения... С. 147.
- 25 Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр. С. III-133.
- 26 Смирнов К.Ф. Быковские курганы. С. 262.
- 27 Брыкина Г.А. Некоторые вопросы верования древних ферганцев... С. 154.
- 28 Максимальский А.О. Авеста. Баку, 1960; Раполорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

НОВОЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
В ЛЕССОСТЕПНОМ САРАТОВСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ

На сегодняшний день относительно хорошо изучены сарматские подкурганные захоронения степной зоны Нижнего Поволжья, тогда как памятники лесостепи пока остаются для нас "белым пятном". В лесостепном Правобережье Волги едва ли наберется более полусотни сарматских памятников, что, на наш взгляд, говорит не о слабой заселенности территории, а о её недостаточной изученности.

В доревизионное время первыми документированными исследованиями здесь можно считать раскопки И.А. Волковым курганный группы из 176 насыпей у с. Большая Дмитриевка Аткарского уезда Саратовской губернии, открывшего за два года (1887-1888) 8 курганов с ярким разновременным материалом. Единственное сарматское погребение кургана № 96 выделялось западной ориентировкой скелета и большим количеством импортных вещей: бронзовые котелок-ведро, ковш, литое кольцо с изображением верблюда и ряд других вещей¹. Е.К. Максимов отнес данное захоронение к позднесарматскому времени, В.П. Шилов датировал его более узко - концом I-началом II вв. н.э.²

В 1895 году профессором А.А. Спидным был раскопан ряд позднесарматских погребений у с. Машевка из р. Аркадак³. В конце 20-начале 30-х годов раскопки в Саратовском Правобережье проводили П.Д. Рау, Н.К. Архютен, И.В. Синицын, открывшие и раскопавшие ряд сарматских памятников у сёл Каменка и Ершовка, у г. Аткарска⁴. В 1966 году Е.К. Максимовым исследован курган сарматского времени у с. Таптулино в Ртищевском районе⁵. В последнее время открыто около 20 погребений этого времени, но они пока не введены в научный оборот.

Заключительный период (III-IV вв. н.э.) позднесарматской культуры - время массовых перемещений сармато-аланских племен из восточных и западных регионов и сосредоточение их в Нижнем Поволжье. На сегодняшний день погребения этого периода найдены в Заволжских степях, где широко представлен инвентарь, имеющий обширные аналогии в Средней Азии.⁶

Однако на фоне этого материала выделяется группа погребений в Правобережном погранично лесостепном, дорогой и стандартный инвентарь которых изготовлен в восточных и западных романо-византийских центрах.

рах. В результате готского вторжения в Северное Причерноморье (2. половина III в. н.э.) часть сармато-аланских племен ушла в Заполярье, другая начала поиски новых регионов, отличающихся политической стабильностью, одним из которых было пограничье лесостепи.

Клан позднесарматской культуры пока плохо изучен из-за сложной социально-политической обстановки того времени, а также недостаточного количества источников. Поэтому важное значение имеет большадмитриевский курган с массой импортных вещей, позволяющих не только установить хронологические рамки захоронения, но и проследить основные торговые пути и связи сармато-аланских племен лесостепных районов накануне гуннского вторжения.

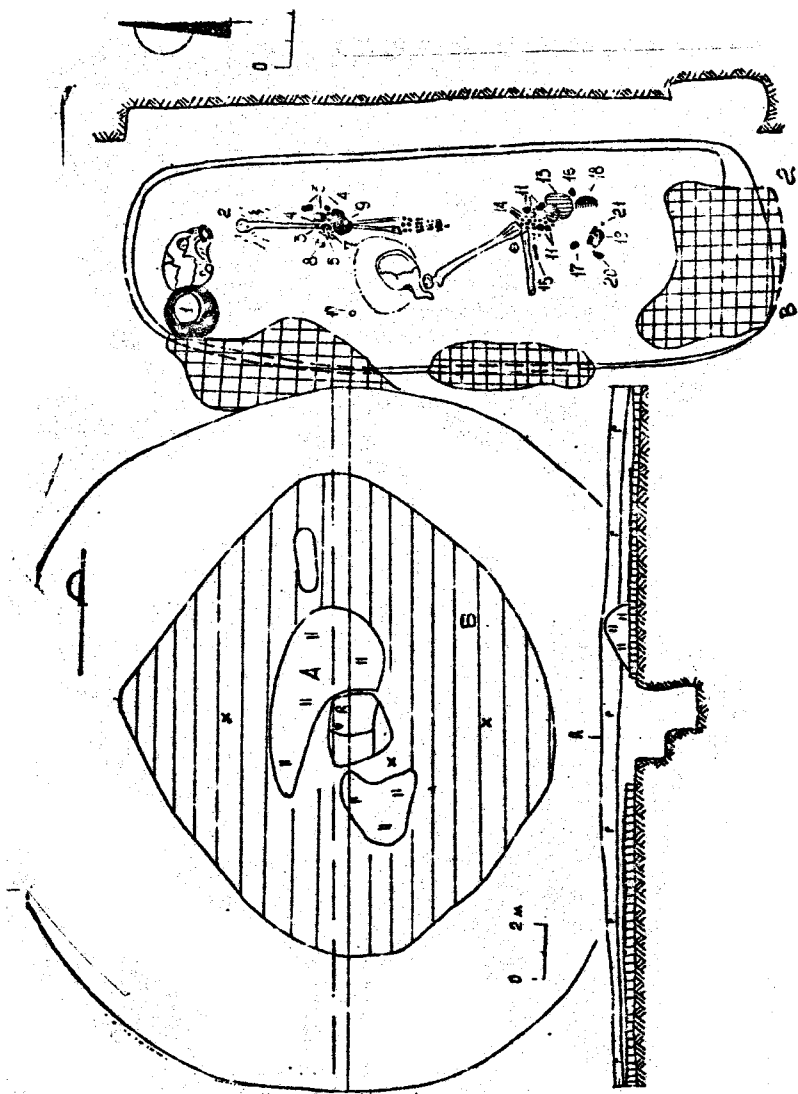
В 1988 году экспедицией Саратовского государственного университета после столетнего перерыва были продолжены археологические исследования близ с. Большая Дмитриевка (ныне Лысогорский район Саратовской области). Группа курганов (сохранилось 24 насыпи) расположена на водоразделе, в 2 км к юго-западу от с. Двоёрка и в 2,3 км к северо-западу от с. Большая Дмитриевка.

Интересующее нас сарматское погребение обнаружено в кургане № 13, насыпь которого имела диаметр 26 м, при высоте 0,39-0,63 м. Всего в кургане было найдено два захоронения. Основное, вероятно, эпохи бронзы, располагалось в центре кургана и было полностью ограблено в древности (рис. 1-1).

Погребение № 2 (рис. 1-2) обнаружено в 5,5 м к северу от центра насыпи, на глубине 1,42 м. Говорить о конструкции могилы трудно, так как она углублена в материковую глину всего на 14 см. Яма (2,85 x 0,85 м) ориентирована длинной осью по линии север-юг. На дне обнаружены остатки костей взрослого человека (женщина?) с искусственной деформацией черепа. *In situ* залегала левая половина скелета. Остальных костей в яме не обнаружено. Судя по всему, умершая была ориентирована головой на север. Кости ноги согнуты в коленном суставе, рука вытянута вдоль туловища.

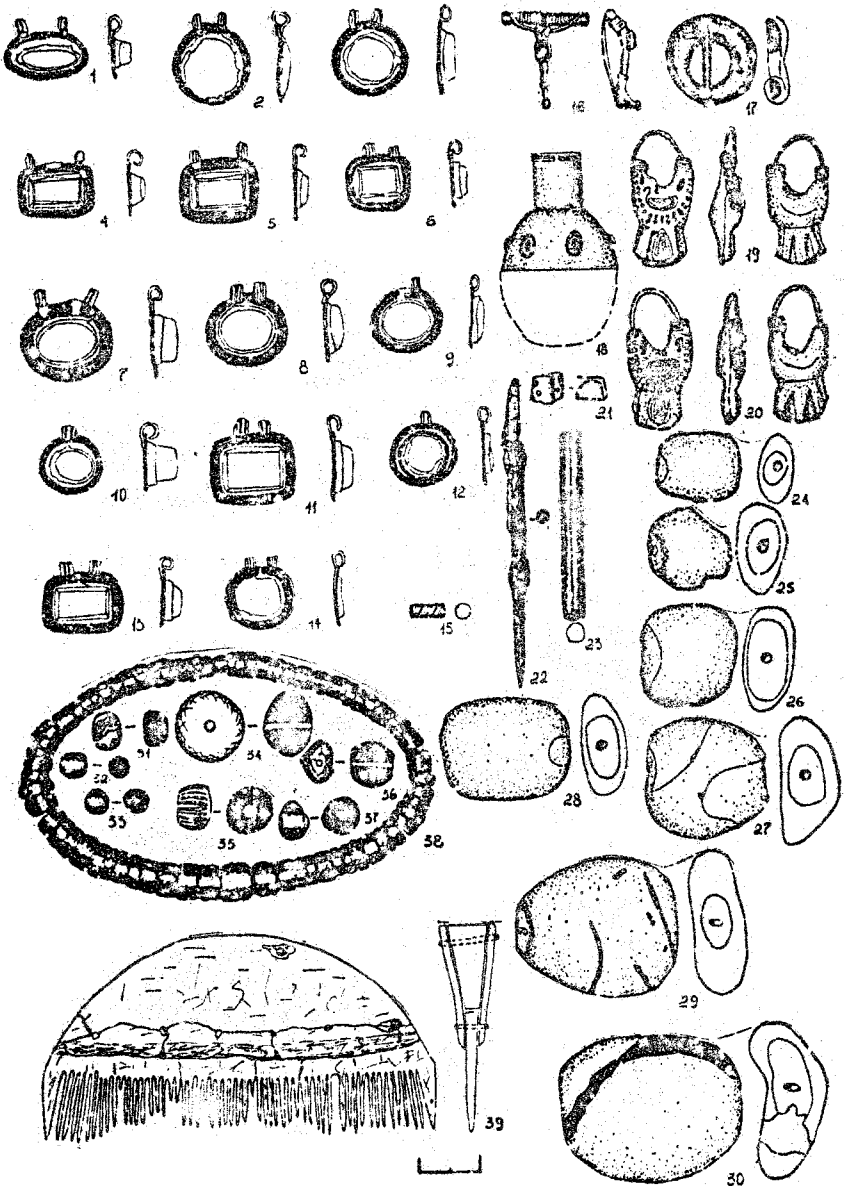
Инвентарь погребения условно разделён на две группы: первая сфокусирована в районе л. локтевого сустава, вторая - около колена.

Первая группа. 1. Семь крупных, красного яштыра, подвесок овальной и прямоугольной форм. Размеры колеблются от 62 мм до 48 мм (рис. 2-24-30).

2. Восемь бусин из горного хрусталя. Семь бусин округлой формы (рис. 2-34), одна пятигрannая (рис. 2-36). Диаметр округлых бусин колеблется в пределах 24-12 мм.
3. Две плоские, округлой формы янтарные бусины (рис. 2-38). Диаметр бусин 13-15 мм, отверстия 2 мм.
4. Три округлые костяные бусины (рис. 2-32, 33). Диаметр изделий 7-8 мм, отверстий - 2 мм.
5. Ребристая бусина египетского фаянса, цвета морской волны (рис. 2-35). Высота изделия 11 мм, диаметр 16 мм, отверстия - 7 мм. По большому отверстию и нечёткой выраженности рёбер бусины можно предположить, что это подделка под египетский фаянс.
6. Стекланная бусина синего стекла (рис. 2-37). Диаметр бусины 13 мм, отверстия - 4 мм.
7. Синеглазчатая (7 глазков) белого стекла бусина. Форма округлая (рис. 2-31). Диаметр изделия 12 мм, отверстия - 3 мм.
8. Серебряная зубочистка (ногтечистка?), изготовленная из скрученного прутка, круглого в сечении. Рабочий конец заострен, противоположный - скручен в петлю (рис. 3-3). Длина 60 мм, толщина - 2 мм.
9. Серебряная ухонёртка (хопоушка?), изготовленная из скрученного прутка круглого в сечении. Рабочий конец имеет вид ложечки, противоположный скручен в петлю (рис. 3-2). Длина 65 мм, толщина 2 мм.
10. Бронзовая сильнопрофилированная фибула без крючка для тельника, с непальным на её спинку золотым гнездом и вставленной в него четырнадцатигранной сердоликовой бусиной ⁷ (рис. 2-16). Длина фибулы 33 мм. На ножке изделия имеются следы кожаного ремня.
11. Стекланная, округлой формы пряжка зелёного цвета с подвижным бронзовым язычком (рис. 2-17). Язычок в сечении круглый, толщиной 2 мм. Диаметр пряжки 30 мм.

Рис. 1. I - План и профиль кургана № 13 у с. Большая Дмитриевка (А - выходы из погребения № 1; Б - камышовая подстилка; К - кости животных в насыпи кургана); 1.2 - сарматское погребение из кургана № 13 (1 - бронзовый котелок-ведро; 2 - остатки золотых нитей; 3 - янтарные подвески; 4 - бусы из горного хрусталя; 5 - стеклян-ные, костяные, янтарные бусы; 6 - серебряные зубочистка и ухонёртка; 7 - фибула; 8 - пряжка; 9 - коробочка; 10 - серебряное колечко; 11 - золотые медальоны и пронизки; 12 - пято золотого тлена; 13 - пятна румян и балла; 14 - янтарные бусы; 15 - шило; 16 - пряслице; 17 - пряслице; 18 - гребень; 19 - фиала; 20 - зеркало; 21 - обожжочка; 8 - сурчужный перекон)

12. Кожаная, обложенная серебряными пластинами и заклепанная бронзовыми штифтами коробочка округлой формы (рис. 3-6). Снизу изделия в золотых гнездах имеется две вставки бирзы. Диаметр 70 мм, высота 55 мм. Форма серебряного листа прямоугольная, толщина 5 мм.

13. Внутри коробочки обнаружена пара золотых серёг и органический тлен серого цвета. Золотые серёжки в форме лунницы с серебряной дужкой, с капаянным орнаментом. В нижней части украшения имеется трапециевидный уступчик. Серёжки состоят из двух спаянных половинок тонкого листа, между которыми залита плотная масса серого цвета (мастика?). Лицевая сторона украшена вставками из полудрагоценных камней красного (сердолик) и синего (лазурит?) цветов. Обратная сторона гладкая. Три вставки помещены в лунницу и одна в центре уступчика. Камни трапециевидной, треугольной и овальной форм. Гнёзда для вставок обвиты тонкой золотой проволокой. Из неё же выполнен орнамент в виде "восьмёрск", идущий по краю лунницы (рис. 2-19, 20). Высота серёг 45 мм.

Вторая группа. 14. 14 золотых медальонов со вставками из красных полудрагоценных камней (сердолик, сардер), инкрустированных тонкой золотой проволокой в несколько рядов, в виде "блочки" (рис. 2-1-14). В одном медальоне вставка утеряна ещё в древности (рис. 2-14), в другом заменена стеклом (?) (рис. 2-12). Медальоны различаются по форме: 8 - округлые, 5 - прямоугольные и 1 - эллипсовидный. На II медальонах сверху припаяно по два ушка из золотой пластины, на 3 - по одному. Размеры изделий колеблются от 30 мм до 22 мм.

15. 12 трубчатых золотых цилиндрических пронизок из тонкого рифлёного листа в один оборот (рис. 2-15). Диаметр изделия 5 мм, высота II мм, толщина листа 1 мм. Вероятно, пронизки входили в состав ожерелья, которые заполняли промежуток между медальонами.

Рис. 2. Изделия Северо-Причерноморского ремесленного центра:

I-14 - медальоны; 15 - пронизка; 16 - фибула; 17 - пряжка; 18 - флякончик; 19, 20 - серёжки; 21 - ободка; 22 - шило; 23 - игольник?; 24-30 - подвески; 31-38 - бусы; 39 -ребёнок (I-14 - золото, сердолик; 17 - стекло, бронза; 18 - серебро, золото, амьстист; 19, 20 - золото, сердолик, лазурит?; 21 - бронза; 22 - калезо, дерево; 23 - серебро; 24-30, 38 - янтарь; 31, 35, 37 - стекло; 32, 33 - кость; 34, 36 - горный хрусталь; 39 - кость, калезо)

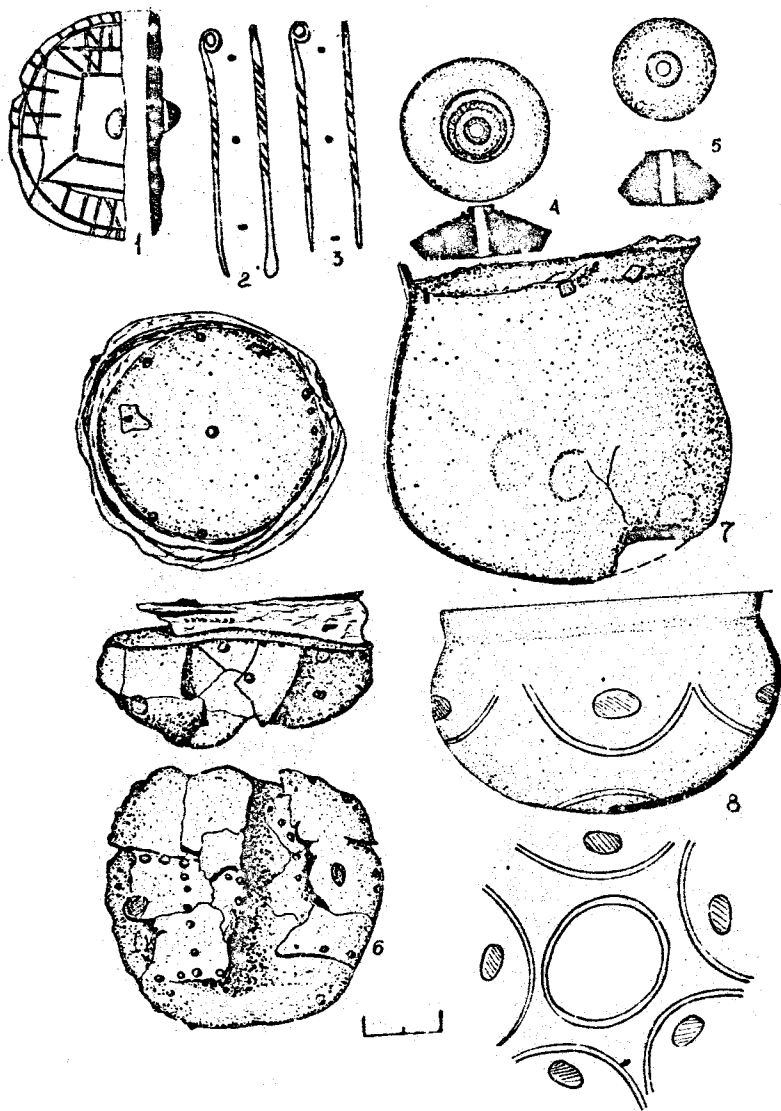

Рис. 3. Изделия Среднеазиатского и западного ремесленных центров:
 1 - зеркало; 2 - ушесертка; 3 - зубочистка; 4, 5 - сандалия; 6 -
 коробочка; 7 - котелок-ведро; 8 - фиала (1-3 - серебро; 4, 5 - гли-
 на; 6 - серебро, золото, бронза, кожа, бирюза; 7 - бронза, дерево;
 8 - стекло)

16. 69 круглых янтарных бусин обнаружены попеременно с медальонами и пронизками (рис. 2-38). Из них 2 - трапециевидные, 4 - цилиндрические крупные, 11 - аналогичных, но мелких, 10 - дисковидные, 2 - плоские с округлыми краями, 1 - со скошенным краем. Остальные плоские, различаются только размерами.

17. Костяная округлая бусина. По форме и размерам близкая бусам из первой группы.

18. Свальный, многосветного стекла бусина. В белое стекло введены зелёные и синие нити.

19. Пятно ярко-розовых румян округлой формы (50x50 мм). Находилось с предметами второй группы.

20. Пятно белил округлой формы (100x100 мм). Находилось там же.

21. Железное шило с остатками дерева на черешке (рис. 2-22). Длина 103 мм, толщина 50 мм. Сечение шила и рукоятки округлое.

22. Два сфероконических глиняных пряслица. Одно из них в изломе черного цвета, тесто рыхлое с примесью органики и мелкозернистого песка. Диаметр 27 мм, высота 14 мм (рис. 3-5). Другое пряслице в изломе красного цвета, тесто плотное, хорошо отмучено, с примесью мелкозернистого песка. На поверхности его виден орнамент в виде концентрических кругов. Диаметр 39 мм, высота 13 мм (рис. 3-4).

23. Костяной гребень, изготовленный из нескольких пластин, скрепленных между собой железными штифтами. Форма спинки полуовальная (рис. 2-39). Длина 130 мм, высота в наивысшей точке 65 мм.

24. Половинка серебряного зеркала с центральной петелькой со следами полировки на лицевой стороне. На оборотной стороне имеется рельефный орнамент: центральная петелька-шишечка заключена в различные по величине квадраты, вписанные в окружность, идущей вдоль края зеркала. От углов и от сторон малого квадрата отходят прямые линии (лучи), частично прерывающие второй квадрат (рис. 3-1). Диаметр зеркала 58 мм, толщина 4 мм.

25. Стеклоянная полусферическая фиала. Из сосуда имеется орнамент в виде шифрованных пятен и прочерченных линий (рис. 3-8). Стекло тонкое, белого цвета. Венчик слегка отогнут. Высота фиалы 56 мм, диаметр устья - 85 мм, тулова - 91 мм. Толщина стенки 2 мм.

26. Бронзовая обойма прямоугольной формы в полтора оборота. На поверхности её видны два отверстия диаметром 1 мм (рис. 2-21). Размеры изделия 10 x 6 мм.

Находки вне групп инвентаря. 27. Бронзовый копаный котелок-

ведро грушевидной формы, с плохо сохранившейся железной ручкой, обнаружен с западной стороны черепа. На ручке видны следы дерева. Дно округлое. На поверхности сосуда — следы вмятин (рис. 3-7). Высота котелка 170 мм, диаметр устья и придонной части соответственно 160 и 180 мм.

28. У плеча найдено несколько золотых нитей, вероятно, остатки от одежды погребенной.

29. Верхняя часть серебряного флакончика обнаружена в заполненном погребении. На поверхности изделия имеются 6 вставок: 3 — из красных полудрагоценных камней (аметист), помещенные в золотые гнезда, обрамленные по краям орнаментом в виде "плетенки". Три другие утрачены (рис. 2-19). Высота флакончика 40 мм.

30. Цилиндрическая трубочка (игольник?) из тонкой серебряной пластины в один оборот, найдена в насыпи кургана (рис. 2-23). Длина 63 мм, диаметр 6 мм.

31. Серебряное колечко найдено в районе таза. Диаметр 7 мм, сечение проволоки треугольное.

Анализ инвентаря позволяет нам условно разделить его на три части, соответствующие трем центрам производства: Северо-Причерноморский (фибула, бусы, серьги, медальоны, флакончик, гребень, пряжка) ⁸; Средне-Азиатский (копушка, зубочистка, зеркало, пряслице, коробочка); Западный (стеклянная фиала и бронзовый котелок-ведро).

По А.К. Амброгу, фибула относится к отделу сильно профилированных причерноморских типов (группа II, серия 2, вариант II-2), широко распространенных на всей территории Восточной Европы в позднесарматское время ⁹. Типологически она близка фибулам боспорских памятников, отличаясь от них отсутствием крышка для тативы, и от северо-кавказских — большими размерами и длиной спинки, являясь промежуточным звеном в эволюции сильнопрофилированных фибул ¹⁰. Аналогичные изделия известны в погребениях Котова, Новая Норка, Алхастэ, которые А.С. Скрипкин датирует в рамках II — второй половины III вв. н.э. ¹¹

Серьги аналогичных форм некоторые исследователи связывают с формами лунниц скифского времени ¹². Серьги со вставками появляются в Поднеарматских памятниках во II-III вв. (Усатово, Котово) ¹³ и продолжают бытовать в туннскую эпоху (Псковск, к. 36, Беляус) ¹⁴. Большедмитриевские серьги отличаются от лунниц позднеарматского времени наличием внизу уступчика. На пайке различных украшений

(гроздь, подвески) снизу лунница известна в это время на территории в Средней Азии и в Северном Причерноморье¹⁵. Вероятно, появление уступчика можно рассматривать как упрощение техники изготовления лунниц с гроздьями или же как попытку рассредоточить перегруженность вставок и орнамента. Однако при этом не отрицается возможность изготовления различных типов серёг. Интересна в этом плане серёга из Покровского могильника, где уступчик только намечается, что в какой-то мере напоминает лунницу, но с сильно подрезанными в нижней части сторонами.

Близкая аналогия большедмитриевским медальонам встречена в погребении у с. Котово. Подобные украшения, являющиеся разновидностью полихромного стиля, хорошо известны в Северном Причерноморье в I-III вв.¹⁶

Серебряные и золотые флаконы для хранения ароматических веществ, получают свое распространение с I в. н.э. в погребальных памятниках Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья¹⁷. Некоторые экземпляры относятся до более позднего времени (Ново-Михайловский могильник)¹⁸. По технике изготовления и приемам украшения большедмитриевский флакончик может быть отнесен к III группе I-III вв., в которую входят наиболее близкие ему флаконы из погребений у ст. Усть-Лябиной и с. Котово¹⁹.

Аналоги трёхчастному одностороннему гребню (IB₂ по классификации Г.Ф.Никитиной²⁰) известны в городах Северного Причерноморья: в некрополях Пантикапея (II-IV вв.), Ольвки (III-IV вв.), в культурных слоях Танаиса (IV в.)²¹; из могильников черняховской культуры (III-IV вв.)²².

Круглая форма пряжек распространена в позднесарматский период на огромной территории. Пряжки изготовлялись в основном из железа и бронзы, из других же материалов встречаются как исключение (Барановка, Котово)²³.

Зеркала с центральной петелькой в степях Кавказа-Восточной Европы появились впервые в конце II в. н.э. (Старца, к. 55)²⁴. За период с IV-VI вв. этот тип быстро распространяется на огромной территории вплоть до границ Центральной Европы²⁵. Со временем район существования этих зеркал ограничивается Крымом, а потом Северным Кавказом, где они доживают до позднего средневековья. А.М.Харанов с некоторой долей условности определил дату для половецких зеркал с центральной петлей в рамках II-IV вв.²⁶ Более

узко их датирует А.С.Скрипкин — II-вторая половина III вв., отмечая исчезновение зеркал уже к концу III в. н.э. ²⁷

Косметические наборы (копсушки, зубочистки, пинцеты) известны в комплексах III-IV вв. Нижнего Дона и Дагестана, в боспорских комплексах римского времени ²⁸. Немало их найдено и в Западной Европе в тунисских, эварских, готских и мерovingских комплексах ²⁹.

Обсудим принадлежность зеркал, зубочистки и ухвертки к среднеазиатскому кругу памятников.

В восточных регионах косметические наборы имеют длительную историю. Так, ухвертки и зубочистки известны в Марлике (конец II — начало I тыс. до н.э.), в северо-индустенских памятниках конца I тыс. до н.э., в Китае танского времени ³⁰. В Средней Азии они широко представлены в комплексах первых веков н.э. (Кенксьль, Чунг-Тешинск, Берккаринос, Тулхона) ³¹.

Неорнаментированные формы зеркал, ставшие популярными в Поволжье в первые вв. н.э., в восточных регионах имеют древнюю традицию.

Появление орнамента на поволжских экземплярах произошло во II в. н.э. Восточные зеркала, по мнению А.М.Хасанова, отличаются от Волго-Уральских наличием рельефного валика, идущего вдоль края ³². В свою очередь, данный конструктивный элемент появляется на гладких неорнаментированных восточных зеркалах под влиянием сарматских племен, у которых такие изделия с бортиком (VII тип) известны с глубокой древности.

А.С.Скрипкин отмечает, что со II в. до н.э. часть поволжских сармат отошла в восточные регионы, неся новации в материальную среднеазиатскую культуру. Поэтому не исключена возможность, что именно здесь под влиянием поволжских зеркал VII типа могли появиться форма и орнамент, характерные для экземпляров Поволжья. На поволжских зеркалах геометрические сюжеты (квадрат, окружность, арки-дуги, радиальные линии), выполненные в виде рельефного орнамента, представляют собой переработку китайских орнаментальных мотивов. Следует заметить, что китайское влияние на орнаментацию местных зеркал с центральной петелькой проявилось в секретных формах ³³, тогда как в Поволжье они отсутствуют. В Средней Азии также существовала местная традиция украшения зеркал несимметричными фигурами ³⁴.

Б.А.Литвинский высказывал мнение, что появление орнаментированных экземпляров в среднеазиатском регионе должно произойти в

I в. н.э. и отсюда распространяться в Поволжье и на Северный Кавказ ³⁵.

В этом движении в Волго-Уральские степи участвовали, кроме аланских племен, и потомки половецких сармат. Поэтому вполне объяснима концентрация зеркал с орнаментом, характерным только для Поволжья, что позволило А.М.Хазанову выделить их в локальную группу ³⁶.

Нельзя не отметить, что многие зеркала, в том числе и большедмитриевское, выполнены на высоком техническом уровне. Это было только под силу городским ремесленным центрам. Города Северного Причерноморья осваивают их изготовление только с III в. и с учетом своих орнаментальных мотивов ³⁷. В Поволжско-Уральском регионе известны только одна литейная форма данного типа зеркал ³⁸, а находки их в приуральских сарматских памятниках единичны ³⁹. Поэтому можно предположить, что зеркала с центральной петелькой, орнамент которых сформировался не без учёта эстетических вкусов половецких сарматов, поступали в Поволжье из среднеазиатских ремесленных центров. Малочисленность зеркал, аналогичных половецким, в Средней Азии пока отодвигает решение этой проблемы.

Серебряная туалетная коробочка со вставками бирюза близка туалетному сосуду из кургана Хохлач ⁴⁰. Вероятно, в эту же группу можно было бы отнести и рагатовос издолше с золотой крышкой из Соколовой Могилы, хотя сам исследователь считает его флаконом ⁴¹. В среднеазиатских ремесленных центрах для укрепления изделий использовалась в основном бирюза, тогда как в северопричерноморских мастерских в решении проблем цветовой гаммы полихромного стиля использовался материал ярко-красных, жёлтых и оранжевых цветов.

Пряслища, аналогичные большедмитриевским, широко известны в памятниках Средней Азии (IV тип, вариант А по Б.А.Литвинскому), широкое распространение которых начинается с III-IV вв. ⁴². Это низкие сфероконические пряслища, почти дисковидные, со следами чёрного и красного ангоба. В сармато-аланской среде II-IV вв. бытовали пряслища биконических форм. Сфероконическое пряслище в Поволжье открыто однажды в позднесарматском погребении у с. Котско ⁴³.

Полыноузорчатая форма по форме, цвету, профилированию и прочерченному орнаменту очень близка сосудам из некрополя — Карчи. Н.И.Зорина и Н.Э.Кукина помед за Бремсдорфом, считают их производными Иранских мастерских ⁴⁴. Находки таких форм известны в Центральной и Северной Европе ⁴⁵. На территории нашей страны

фрагменты таких фиал встречаются в культурных слоях Танаиса, Ольвии, Пантикалея, городища Алма-Керме⁴⁶. Для танакоских фиал будет приемлема дата - первая половина III в., для западноевропейских - I-начало IV в.⁴⁷

Изготовление стеклянных изделий выдувным способом по западным образцам было освоено ремесленными центрами Северного Причерноморья в I в. н.э. (Танаис, Алма-Керме). Но продукция этих двух центров редко встречается в Северном Причерноморье. Это объясняется кратковременностью функционирования мастерских или же работой только на внутренний рынок⁴⁸. Характерная особенность стекла, сваренного здесь, - разноцветность, тогда как большедмитриевская фиала изготовлена из высококачественного бесцветного стекла, что позволяет нам отнести это изделие к кругу рейнских мастерских.

Точной аналогии бронзовому котелку-ведру нам не известно. По форме тулова и способу крепления к венчику железной ручки и отсутствию на нем рванта он близок ряду бронзовых котелков Украины (I в. до н.э. - I в. н.э.)⁴⁹, Поволжья (III-IV вв.)⁵⁰. Котелки-ведра римского типа широко распространены в степях Восточной Европы в I-II вв.⁵¹

По наибольшей встречаемости в поволжских памятниках зеркал с центральной пателькой и сильнопрофилированных фибул II типа нижняя дата погребения определена второй половиной III в. н.э. Верхняя дата может быть отнесена к концу III - началу IV вв. (по соотношению с костяным гробом). Как было сказано выше, эти гробы широко представлены в памятниках черняховской культуры, датируемых III-IV вв. В Танаисе они появляются только в конце IV в., что, по мнению Б.Д. Шелова, считается новым явлением в торговой деятельности города⁵².

Но установление торговой связи между нижнедонским населением и черняховским культурным массивом началось вскоре после готского вторжения⁵³. В это же время нач. лается новый поток импортных вещей в Поволжье, минуя Танаис⁵⁴. Возможно, с костяным гробом в Саратовское лесостепье проникает и стеклянная фиала, так как стеклянные изделия продолжают поступать на Боспор и после событий 40-х гг. III в.⁵⁵

Немаловажным фактором определения даты служит временной диапазон эксплуатации стеклянных изделий. Если предположить, что фиала попала в сарматскую среду до середины III в., а также учитывая верх-

ные хронологические рамки погребения, то её эксплуатация составит несколько десятилетий. Отсутствие до последнего времени целых стеклянных сосудов ставит под сомнение длительную сохранность их в среде кочевого общества.

Следовательно, появление в Поволжье сильнопрофилированных фибул II типа можно рассматривать как следствие торгово-экономической пероориентации местных племен на центры Северного Кавказа, что также объясняется политической обстановкой середины III в. на Боспоре. Находки же гробня и фиалы говорят о восстановлении старых торговых отношений между поволжскими и северокавказскими регионами. Распространение стекла с конца IV в. и отсутствие гробней в это время подтверждает высказанное выше.

Богатый и разнообразный инвентарь позволяет нам отнести это захоронение к высшим слоям сармато-аланского общества. Большая часть предметов, кроме эстетического предназначения, использовалась для совершения обрядово-магических действий. О выполнении погребенной гробней функций говорит наличие флакончика, зеркала, красок, гробня, прислиц, большого количества амулетов-оберегов (хрустальные, сердоликовые, ребристая, глазчатая, янтарные бусы и подвески). Стеклянная фиала, шило, возможно, зубочистка и копоушка использовались в медицинских целях.

Большедмитриевское захоронение, с определенной долей условности, можно поставить в один ряд с погребениями Котово и Новая Норка, выделяющиеся из памятников своего времени стандартным набором вещей исключительно импортного производства: серьги-лунницы, флакончик, зеркало, прислица, фибула, медальоны, амулеты-обереги, немаetalлические пряжки. Это отражение жестко регламентированной жизни гробней касты, её атрибутов, необходимых при жизни и незаменимых после смерти. Памятниками первых вв. н.э., интерпретированные как гробней (Хохляч, Бисочино, Соколова Могила и т.д.), с единым погребальным обрядом (квадратные ямы, обилие разнообразного и дорогого инвентаря) известны на большой территории, за исключением лесостепного Правобережья. Но пока не найдено (кроме этого региона) памятников типа Котово, Новая Норка, Большая Дмитриевка. Безусловно, это объясняется временным и этническим факторами, а возможно, многоступенчатостью гробней касты кочевого общества.

Заключительный период (III-IV вв.) позднесарматской культуры — время массовых перемещений сармато-аланских племен из восточных

и западных регионов и сосредоточение их в Нижнем Поволжье.

А.С.Скрипкин локализовал основную массу комплексов III-IV вв., в которых представлен инвентарь, имеющий обширные аналогии в Средней Азии, к востоку от Волги³⁶. Открытие памятников с северной ориентировкой и деформацией черепа в лесостепном Правобережье, по предварительным данным, появившимися здесь в III в. н.э., говорит о том, что вплоть до середины III в. этот регион оставался "патриархальным", со среднесарматским укладом погребального обряда (жизненная ориентировка, большое количество лепной керамики, генетически связанной с предшествующим этапом). Новации выразились, в основном, в материальной культуре: появились зеркала с боковым ушком, мечи без навершия и перекрестия, сероглиняные миски. После событий середины III в. н.э. в Северном Причерноморье мощная волна сармато-аланских племен двинулась не только в Заволжские степи, но и в лесостепной регион. Насколько многочисленной была эта группа говорить пока рано из-за малочисленности погребений (I4), количество открытий которых увеличилось в последнее время.

Погребения, подобные открытым в сёлах Новая Норка, Котово, Большая Дмитриевка, расположены в Правобережье Волги, что объясняется не только водной преградой, но и приемлемыми природно-климатическими условиями, сочетающими широту степных участков с мягким климатом лесных зон, благоприятных для ведения скотоводства.

Близость к торговым центрам также немаловажный фактор в выборе этого района. Именно через лесостепной район проходила торговая связь между культурами лесной зоны, с одной стороны, с Северным Кавказом и городами Веспора, — с другой.

Одна из главных причин, на наш взгляд, концентрации богатых погребений в лесостепи и в её пограничьи, это относительная стабильность политической ситуации в III-IV вв. н.э., сложившейся в результате независимости района мурдовскими племенами и малочисленности населения предшествующего периода сарматской культуры, что нельзя сказать о Заволжье, с его постоянными наплывами восточных племен (алан, отчасти гунов) и межплеменными конфликтами.

Открытие в последнее время в лесостепном Поволжье аналогичных памятников и отсутствие их в Заволжье позволяет выдвинуть гипотезу об "элитарности" лесостепного Правобережья Волги, подтверждение которой возможно только при дальнейшем накоплении материала.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Болков И.А. Больше-Дмитриевские курганы // Тр. СВАК. 1938. Т. I. Вып. 3.
- 2 Максимов Е.К. Сарматское погребение на кургане у с. Большая Дмитриевка Саратовской области // СА. 1957. № 4. С. 157; Шлов В.П. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка // СА. 1974. № 4. С. 252.
- 3 Стилищ А.А. Обзорные некоторые областей и губерний России в археологическом отношении. Саратовская губерния // ЗИРАО. 1936. Т. УШ. Вып. I и 2.
- 4 Архютев Н.К. Аткаровский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. // ИИМК. 1936. Т. VII; Стилищ И.В. Сарматская культура Нижнего Поволжья // СА. 1946. Т. УШ; Стилищ И.В. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья // ИИМК. 1932.
- 5 Максимов Е.К. Утиневские курганы // КСИА. 1974. № 140.
- 6 Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II-IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. № 2. С. 81-82.
- 7 Здесь и далее определение камней выполнено в минералогической лаборатории СГУ доцентом М.И. Задуминой.
- 8 Инвентарь сгруппирован в таблицы в соответствии с предполагаемыми центрами производства.
- 9 Амброз А.К. Фибулы европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. ДI-30. С. 42.
- 10 Безуглов С.И., Кошлов В.П. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Тону // СА. 1989. № 3. С. 173.
- 11 Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 109-110.
- 12 Маневич А.П. Сержы из ст. Крымской // АСТС. 1961. Вып. 2. С. 154-162.
- 13 Стилищ И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ. 1947. Вып. 17. С. 54. Рис. 28; Беркин И.П. О трёх походах позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСТС. 1962. Вып. 2. С. 142-143. Рис. 1, 3, 4.
- 14 Стилищ И.В. Поздне-сарматские погребения Нижнего Поволжья // ИИМК. 1936. Стрельный отиск. С. 81. Рис. 10; Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // древности Восточной Европы. М., 1969. С. 56. Рис. 3-1.
- 15 Давыдовский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973. Вып. 3. С. 33-34; Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Д. 3-9. С. 22-23.
- 16 Беркин И.П. Указ. соч. С. 142-143.
- 17 Скалон К.И. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСТС. 1961. Вып. 2. С. 139-140.
- 18 Стилищ А.А. Могильник VI-VII вв. в Черноморской области // ИАК. 1967. 25. С. 189-190. Рис. 5, 10.

- 19 Скалон К.М. Указ. соч. С. 138-140.
- 20 Никитина Г.Ф. Гробни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147.
- 21 Петере Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1936. С. 176. Табл. 13, 3; Фасьяковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. 1903. С. 72. Рис. 73; Малов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М., 1972. С. 322-323.
- 22 Могильники черняховской культуры. М., 1979.
- 23 Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. 1974. № 140. С. 57-63; Берхин И.П. Указ. соч. С. 142.
- 24 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 46.
- 25 Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 65.
- 26 Там же. С. 67, 70.
- 27 Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье... С. 48.
- 28 Безуглов Э.И., Копытов В.П. Указ. соч. С. 173. Рис. 2, II, 12; Руняч А.И. Захоронение воины эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 261. Рис. 5-5,6; Засветкая И.П. Боспорские ордены гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158.
- 29 Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1979. С. 137.
- 30 Там же. С. 137-138.
- 31 Кожембардыев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 70. Рис. 7, 22; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. Табл. VII, 127; Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 137.
- 32 Хазанов А.М. Указ. соч. С. 66.
- 33 Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 93.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Хазанов А.М. Указ. соч. С. 68.
- 37 Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 20-23.
- 38 Сыдикова М.Х. Сарматские памятники Башкирии // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962. МИА. № 115. С. 273.
- 39 Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 200.
- 40 Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1830. Вып. 3. С. 137. Рис. 156, 157.
- 41 Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Кипром Буге. Киев, 1986. С. 82. Рис. 36, 87.

- 42 Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 40.
- 43 Беркин И.И. Указ. соч. С. 141.
- 44 Сорокина Н.П. Стеклоплавильные сосуды из Танаиса // МИА. 1965. № 127. С. 214; Кундина Н.З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // Тр. ГЭ. 1984. Вып. XLV. С. 159.
- 45 Сорокина Н.П. Указ. соч. С. 214.
- 46 Там же. С. 213. Рис. 6; Александрова Е.М., Арсеньева Т.М. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 2. С. 180. Рис. 3; Тисольская Т.М. Про производство стекла в пизноантичном Крыму // Археология. Київ, 1964. Т. XVI. Рис. 9, 30-32.
- 47 Сорокина Н.П. Указ. соч. С. 215.
- 48 Сорокина Н.П. Указ. соч. С. 210.
- 49 Костенко В.И. Сарматы в междуречьи Орели и Самари // Курганские древности степного Поднепровья II-I тыс. до н.э. Изд-во ДГУ. 1979. Вып. 3. С. 137, Табл. 7-2; Шаповалов Т.А., Байлебура Ю.П. Раскопки у пос. Новослуганское Донецкой области // АИУ. 1967. Киев, 1968. П. С. 130.
- 50 Цудкин Е.В. Бронзовый котел с древнегреческой надписью // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1974. Вып. 2. С.138-142.
- 51 Maev V.A. Chaudrons martelés traditions italique dans les ateliers des provinces // Actes du 6e colloque international sur les bronzes antiques. Berlin, 1982, p.1.
- 52 Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 110-111.
- 53 Безулилов С.И., Копылов В.П. Указ. соч. С. 175.
- 54 Шелов Д.Б. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975. С. 213.
- 55 Шелов Д.Б. Указ. соч. С. 315.
- 56 Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия ... С. 81.

М.Р.Полесских

РАЖИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник открыт во время хозяйственных работ и исследован археологической экспедицией Пензенского областного краеведческого музея и Пензенского государственного педагогического института им. В.Г.Гелинского в 1956-1957 гг.

Памятник находится на левом берегу среднего течения реки Мокши близ устья её притока - р. Атмис, сразу за северо-восточной скотницей д. Ражики Нижнеделовского района (рис. 1).

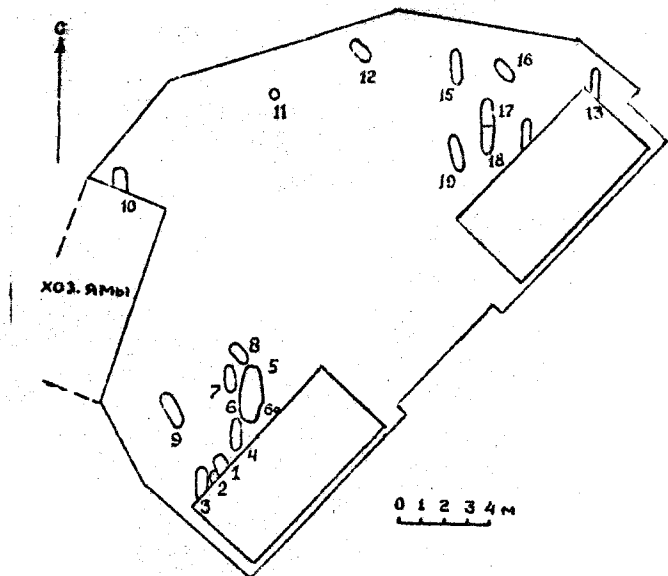

Рис. 1. План Разкинского могильника

Почва здесь представляет собой толщу черной структурной в нижней части земли, подстилаемой на глубине 0,8–1,0 м красной глинны. Все погребения оказались в этой толще чернозема на глубине 0,45–0,9 м. Только в двух мужских погребениях, находившихся в нижнем горизонте чёрного слоя, удалось проследить форму и размеры могильных ям. Так, у погребения № 19 на глубине 0,7–0,75 м отчетливо обрисовалось могильное пятно, вытянутое с небольшим отклонением по линии север-юг. Размеры пятна 2,6 x 0,6–0,65 м. Концы ямы имеют подпрямоугольную (а в погребении № 9 – округлую) форму с неровными краями. На глубине залегания костяка – 0,9 м – яма уменьшилась до размера 2,2 x 0,55–0,57 м. Дно неровное, почти прямое, как и в других погребениях.

Было вскрыто 19 погребений: 5 мужских, 6 женских, 2 детских женского пола, 6 неопределенных. Кости в относительно хорошей сохранности обнаружены лишь в нескольких захоронениях. Общие черты ритуала: вытянутое на спине тулоположение, руки сложены (обе или одна) на животе или вытянуты вдоль туловища. Есть вторичные погре-

баня (более или менее уверенно — № I и IO), в которых кости и вещ. смешаны. Этот ритуал здесь, по-видимому, еще не получил распространения, хотя в одновременном с Ражкинским Саликса-Трофимовском могильнике он уже присущ многим захоронениям².

Так, женское погребение № IO залегало в толще чёрной с глиной земли на глубине 0,9 м; примерно третья часть ямы образована холмработами. На глинистом грунте, на относительно прямом дне лежали в полном смешении вместе с вещным материалом осколки частей черепа, несколько зубов, аморфные фрагменты таза, рук и ног, некоторые позаски. Общее направление оси тела — север-юг с уклоном к северо-западу и юго-востоку. Умершая, предположительно, была положена головой на север. Под кистью правой руки заметны кусочки луба.

Или женское погребение № 16 на глубине 0,5 м; контуры ямы не просматриваются. Погребенная лежала на спине, головой на юго-восток. Руки полусогнуты в локтях, кисти их приходятся на низ живота. Бедренные кости лежат параллельно, но вне своих сочленений, а именно, — перпендикулярно к костям туловища и голням. Все остальные кости в относительном анатомическом порядке. Дентальность грызунов исключена, перекосов нет. Возможно, что в данном случае имелось место ритуальное отсечение ног. На левой руке умершей был медный браслет с суженными концами (рис. 2-5). Иных вещей нет.

Большой интерес представляет тройное захоронение: 5, 6 и 6-а. Наряду захоронения изредка встречались в Старшем Саликсенском могильнике, а его тройное захоронение — 100 хронологически и культурно полностью аналогично ражкинскому³.

В погребении № 5 очертания могильной ямы не просматриваются. Оно, как и два других захоронения, залегает на грунте и на глубине 0,75 м. У ямы прямое дно с закруглениями; условные размеры: 2,3 x 0,8 м. Костяк сохранился относительно хорошо, но отсутствуют левая стопа и часть фаланг пальцев (рис. 2). Череп раздавлен и лежал, как будто, лицевой частью вверх. Положение тела — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на север с небольшим уклоном к западу. Часть вещей (бляхи, браслеты) покрыты лубом, кожане вырезанным по их контуру.

Тройное погребение № 6 и 6-а расположено рядом и на одном уровне с предыдущим с юго-западной стороны; очертания ямы и дно её сходны с описанным выше. Возможно, что эта яма была прикопана к предыдущей несколько позже и в общем составила с ней одну могилу,

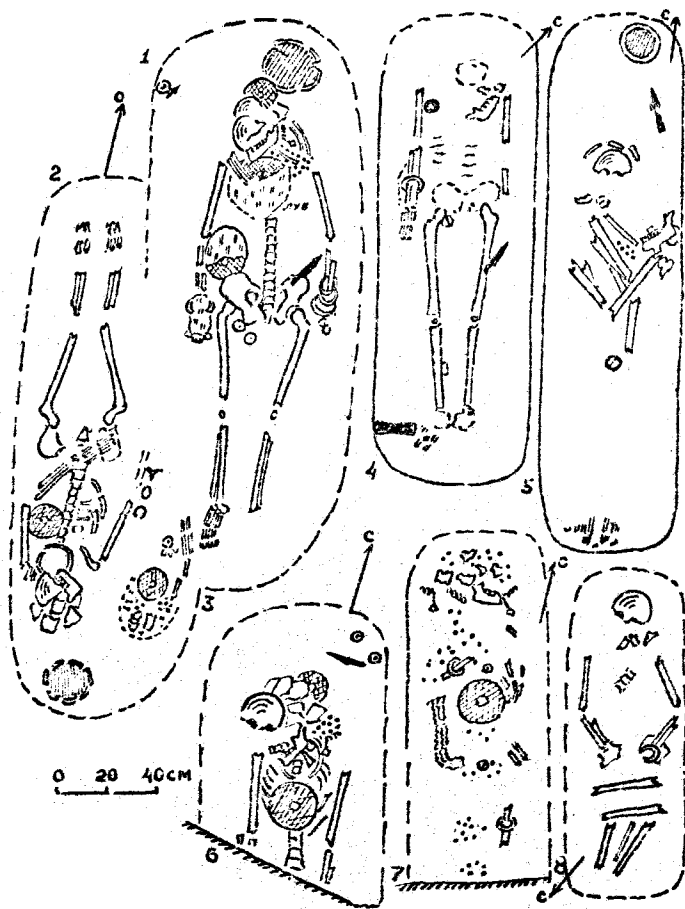

Рис. 2. Планы погребений: 1 - № 5, 2 - № 6, 3 - № 6а,
4 - № 9, 5 - № 19, 6 - № 3, 7 - № 10, 8 - № 16

в которой погребенному ребенку отведено место на разделительной линии. Здесь находился костяк женщины и - справа от него - останки скелета ребенка. Погребенная лежала вытянута на спине, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела и несколько поодаль от него, левая чуть согнута так, что кисть её покоится на лобке. Череп лежал лицом вверх, раздавлен, мелкие и тонкие кости отсут-

отбуют. Детский костяк расположен между черепом погребения № 6 и правой стеной погребения № 5. Его положение, в основном, было одинаково с положением костяка погребения № 6, к которому он, надо полагать, относится. В ущемленном тройном погребении № 100 Старшего Селиксенского могильника находились тоже два женских костяка (тем же "валетом") и останки детского скелета. Ориентировка там западно-восточная. С некоторой долей осторожности можно высказывать следующее предположение о тройных захоронениях в Ракке и Селиксе. Неравноправное положение женщины с ребенком (ребини-няньки) подчеркнута иной, противоположной ориентировкой, бедностью инвентаря, отсутствием лубяного покрытия. Пролокаживается, как будто, и еще одна ритуальная деталь. У двух богатых женских погребений № 3 и 5 и одного мужского № 9 руки вытянуты вдоль туловища; в четырех погребениях с весьма скудным инвентарем (6, 7, 15, 16), у костяка одна рука вытянута вдоль туловища, другая смещена на живот.

В целом ориентировка погребенных в Раккином могильнике неустойчива: в 9 случаях умершие лежали головой на север, в 3-х - на северо-восток, в 3-х - на юго-восток, в 3-х - на юг и в I - неопределенно. Все же наблюдается одна общая тенденция, что видно на плане (см. рис. I), - могильные ямы имеют, приблизительно, одно направление, в данном случае - к реке. Колебания в ориентации ям, может быть, объясняются тем, что р. Мокша вблизи могильника делает крутую излучину. Если это так, то, возможно, здесь имели место далёкие отголоски ритуальной традиции, связывавшей погребальные обычаи с рекой. Не исключено и другое: появления в Ракках новой - южной - ориентировки, которая стала господствующей на последующем - арм-эвском - этапе существования пензенских могильников мордвы.

Переходя к рассмотрению вещевого материала, нужно сразу отметить в нём наличие двух комплексов, различающихся содержанием вещей, но связанных общностью, вытекающей из изменения ряда предметов новой хронологической ступени. Эти комплексы следующие: селиксенский - III-IV вв. и раккинский (соответствующий селикско-трофимовскому этапу⁴) - IV-V вв.

Примером селиксенского вещевого комплекса могут служить вещи из описанного выше тройного погребения (рис. 3). Горшок - в чашечках - выше головы. Он имеет гладкую, слегка бугристую поверхность, отогнутый и украшенный косыми насечками край; в примеси -

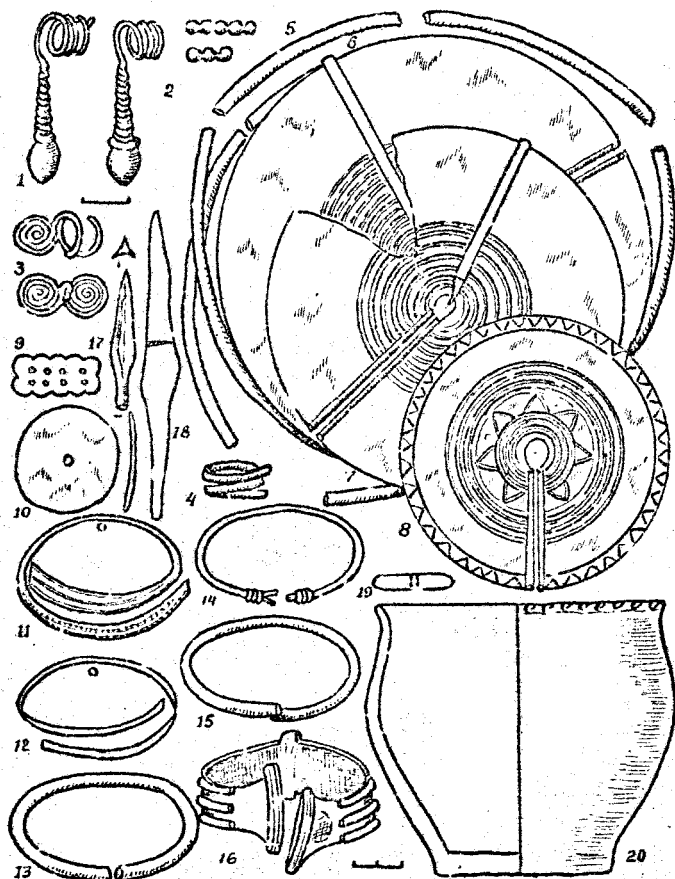

Рис. 3. Вещи из погребения № 5: 1 - височные подвески, 2 - золотеный сисер, 3 - спиральные перстни, 4 - перстень, 5 - гривны, 6 - нагрудная бляха, 7 - поясная бляха, 8 - бляха-накошник, 9 - бляшка, 10 - зеркаловидная подвеска, 11-16 - браслеты, 17 - наконечник стрелы, 18 - нож, 19 - пряслице, 20 - сосуд

песок; высота сосуда - 11 см, диаметры горла и дна - 12 и 7,5 см. Пряслице в форме лепёшочки диаметром 3 см, железный узкий трёхлопастной наконечник стрелы - справа и поодаль от головы. Подобные наконечники стрел были распространены в козднесарматское

время ⁵. Бляхи круглые, пластинчатые, бронзовые. Одна на груди под дубом, имеет выдавленный концентрический орнамент, радиальную прорезь со слегка завернутыми в трубочку краями и подвижной пластинкой — с иглой на одном конце и петлей на другом; её диаметр 18 см. Вторая бляха находилась с правой стороны пояса, под дубом. Она такая же, как и первая, но меньше её — 15 см в диаметре. Эти бляхи олицетворяли культ солнца; бляха-лакомник в этом отношении особенно характерна ⁶.

Гривны шейные бронзовые — 2, круглопроволочные, с обрубленными концами, в разломанном (по два излома) виде — несомненный ритуальный момент сарматского влияния — лежали на своём месте. Дротыне гривны встречаются всюду: в памятниках винныхских, скифо-сарматских, ранних финно-угорских, в том числе во всех пензенских. У висков — две височные подвески со спиралькой на одном, оббитом проволочкой, слегка коническом стерженке и грузиком биконической формы на другом конце. По своей в целом конусовидной форме эти подвесочки напоминают все возможные прототипы — височные подвески из древних могильников Прикамья ⁷. Аналогии им в памятниках III—IV вв. единичны и невыразительны; таковы, например, височные подвески — по I экземпляру — в Андреевском кургане ⁸ и Таутовском могильнике ⁹. Височные подвески с грузиком можно считать племенным украшением женщин вятичей (пензенской) мордвы. С конца этого времени и в последующие века подвески данного типа ограниченно появились и у других (северных) мордовских племён. В Абрамовском могильнике, например, височные подвески фигурируют только с гранчатыми грузиками послесалионского времени ¹⁰. В пензенских могильниках височные подвески с грузиком бытуют, изменяясь, до VIII в. включительно в качестве постоянного атрибута мордвы-мокши ¹¹.

Бисер стеклянный золочёный зверьёвой — у левого плеча. Чётко видные золочёные бусы-бисер одинаково характерны для пьяноборских ¹² и сарматских могильников ¹³. Они постоянно сопровождают наиболее ранние захоронения в финно-угорских могильниках ¹⁴. Браслеты бронзовые — 6. Один круглопроволочный с продольно-калосчатый орнаментом и заходящими пластинчатыми концами; другой такой же, но с более узкими пластинками и без орнамента; третий — круглопроволочный с обрубленными концами — на левом запястье; четвёртый — массивный каннелированный с выступом на концах и посередине — типа браслетов из Молчанского кладе; пятый — круглопро-

волочный; шестой – круглопроволочный с завязанными концами – на правом запястье. Все эти браслеты имеют широкие аналоги в севе-ро-кавказских, скифо-сарматских, позднеантичных, балтских и фин-но-угорских древностях и хорошо датированы III–V вв. ¹⁵ Спиральный круглопроволочный и два тонкопроволочных перстня со щитком из парных бронзовых спиралек – на правой руке. Две серебряные зеркало-видные тонкопластинчатые бляшки-подвески – в правой части паха. Точно такие же подвески встречены нами в Шемшейском и Селик-сенском могильниках, при этом в разбитом (по сарматскому обы-чаю 16) виде. На Гляденовском кострище зеркаловидные под-вески составляли атрибуты шаманского одеяния. Здесь это украшения. Железный небольшой нож – с левой стороны пояса. Медная продол-говатая фигурная бляшка с отверстиями и петельками (пьяноборского типа) – под черепом. В целом, рассмотренное богатое захоронение, очевидно, принадлежит женщине из местной знати.

Парное погребение № 6–6а. Вещи при взрослом костяке (рис. 4): горшок баночной формы (в обломках) с бурой шероховатой поверхно-стью – выше головы. Высота сосуда 8,5 см, диаметры горла и дна – 12,5 и 8 см. На левом запястье "браслет". В действительности это утилизированная бронзовая шпора римского времени (определение В.Д. Блаватского) – подтреугольная, слетка изогнутая дужка со шляп-ками на концах и пирамидальным щипом посередине. Спиральный перс-тень – у правого предплечья. Нагрудная пластинчатая бляха описан-ного выше типа диаметром 15 см. Браслет небольшой с утолщением концов и средней части – у правого локтя. Шейная тонкопроволочная гривна – из осевь места. Возможно, что шпора, перстень и браслет были жертвенными вещами и относились не к данному, а к детскому погребению. При детском костяке найдены спиральный проволочный перстень, конец которого обмотан провололочкой: пластинчатая прорез-ная бляха описанного типа диаметром 9,5 см прикрыта куском луба; небольшая роспись золочёного звенёвого бисера. Возможно, это была девочка – ребёнок знатной погребенной.

Вещевой комплект из погребения № 19 (рис. 4–2) может являться примером мужского инвентаря. Умерший лежал на спине, вытянуто, го-ловой на север с уклоном к западу. От скелета сохранились фрагмен-ты черепа, нижняя челюсть и фаланги пальцев ног, находившиеся в ана-томическом порядке. Другие кости (трубчатые без эпифизов, два поз-вонка и осколки таза) лежали беспорядочно в центре ямы, это, оче-видно, связано с деятельностью грызунов. Из вещей заметны шпильки

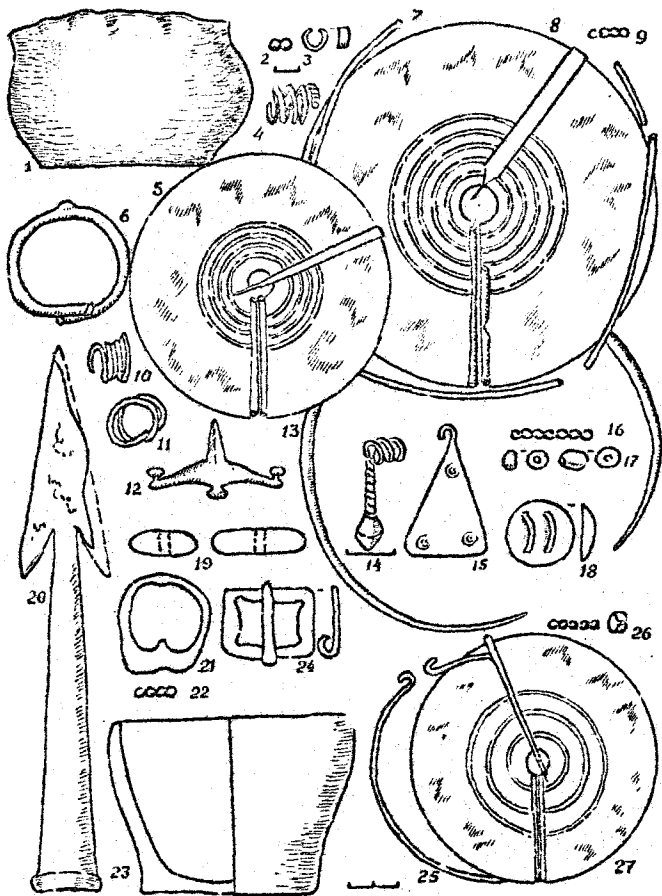

Рис. 4. Вещи из погребения № 6: 6 - браслет, 7 - гривна, 8 - нагрудная бляха, 10, 11 - перстни, 12 - фиора-браслет; погребение № 6а: 1 - сосуд, 2, 9 - золоченый бисер, 3 - бронзовая бусинка, 4 - перстень, 5 - нагрудная бляха; погребение № 3: 13 - гривна, 14 - височная подвеска, 15 - подвеска, 16 - золоченый бисер, 17 - бусы, 18 - бляшка, 19 - пряслица; погребение № 19: 20 - наконечник копья; 21 - приемник пряжки, 22 - золоченый бисер, 23 - сосуд; погребения № 7: 24 - пряжка; погребение № 8: 25 - гривна; 26 - бусы, 27 - бляха

горшок, архаичной — со слегка вогнутыми краями — баночной формы, высотой 7,5 см, диаметром горла и дна 1,5 и 8 см, лежал у головы; вильчатый наконечник копья с массивными жалцами и паликом на конце втулки длиной 23 см — слева от головы. По данным В.Н. Шитова, двушпильные наконечники копий во второй четверти I тыс. н.э. происходят из рязанско-суховских могильников¹⁷. Круглая железная поясная пряжка — ниже груди костей. Россыпь звеньевато золоченого бисера — посреди трубчатых костей. В ногах — несколько кусочков угля, что вместе с бисером, видимо, составляли жертвенный комплект.

Появление новых элементов в женских украшениях отразилось в части погребений Ражкинского могильника, с чем и связано определение нового этапа селиксенской культуры. Наиболее характерным в этом отношении является женское погребение 10 (см. рис. 2). Оно находилось в толще смешанной — черной с глиной — земли. Границы могилы не просматривались, часть её обрешана сплошной ямой. На глубине 0,9 м беспорядочно лежали осколки черепных костей, несколько зубов, рыхлые кости таза, части конечностей, позвонки. Судя по некоторым признакам, умершая была положена на спину, головой на север с уклоном к западу, левая рука сильно согнута. Таким образом, ритуал остался прежним.

Вещи лежали в направлении от головы к ногам (рис. 5). Две височные подвески с грузиками в виде сложных оснований пирамидок. Это новая конструкция в подвесках, она появляется во всех могильниках селикса — трофимовского типа, осуществляя со старой — с грузиками биконической формы¹⁸. Россыпь золоченого звеньевато бисера и кварцевых смальтовых бус, в том числе бисерных и более крупных звеньевых, отдельных — бочковидных, шаровидных и в их числе — инкрустированных звёздчатым орнаментом. Если в пензенских, рязанских и сопредельных с ними могильниках отдельные красные, так называемые пастовые бусы ("стеклянная паста" по терминологии С.С. Черникова) явление постоянное, то инкрустированные бусы, как правило, редки. В данном погребении они по форме и общему цвету одинаковы с некоторыми монохромными. Инкрустация же — небольшие звёздочки с чёрными стрелками на жёлтом фоне, вписанном то в четырёхугольник, то в круг. Варианты подобных бус встречены нами в Селиксенском могильнике, в погребениях той же хронологической группы. Появление среди бисерных четок с внутренней позолотой четок из красной стекловидной массы — совершенно новое

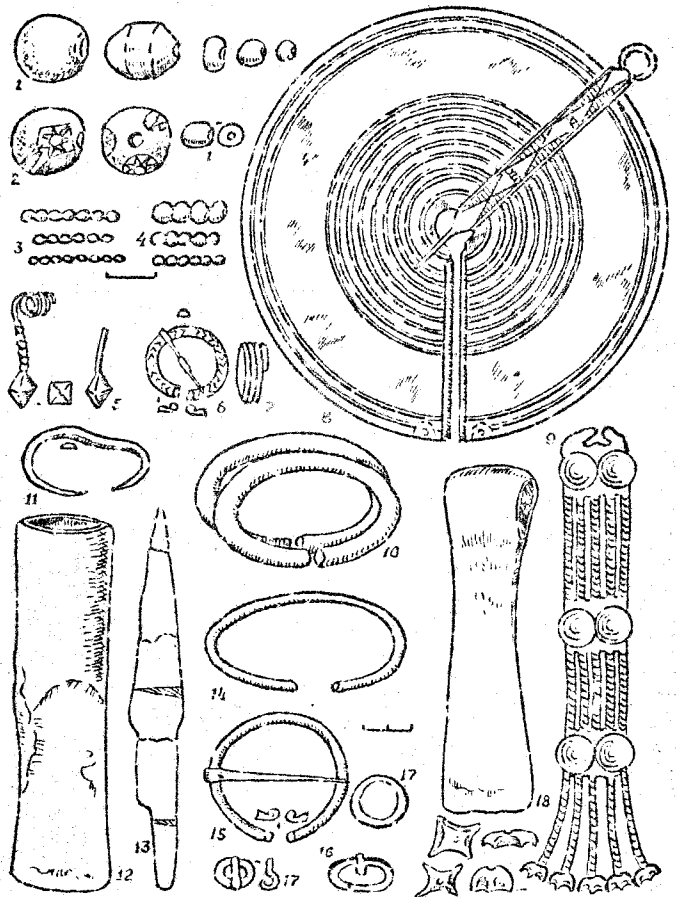

Рис. 5. Вещи из погребения № 10: 1 - бусы красные отдельные, 2 - бусы красные инкрустированные, 3 - золоченый бисер, 4 - красные звенящие бусы, 5 - височные подвески, 6 - кольцевая застежка, 7 - перстень. 8 - бляха, 9 - полная кисть, 10 - браслет; погребение № 16: 11 - браслет; погребение № 9: 12 - топор, 13 - нож, 14 - браслет, 15 - застежка, 16 - пряжка; погребение № 18: 17 - пряжки. Подъемный материал: 18 - топор

явления в салкизенских комплексах. Это осуществление разного звеньевоег бисера постоянно на новом этапе могильников и служит надежным критерием их типологической систематики. Красные звеньевые бусы — несомненное подражание отклившимся четкам — встречены в некоторых разнородных могильниках, в погребениях, синхронных разжинским, например, в Кошбеевском¹⁹. Они имели, очевидно, ограниченное распространение, судя по тому, что в пьяноборских могильниках этих бус "нет ни одного экземпляра"²⁰. Бытовали красные четки недолго — в IV-V вв.

Носилка в наборе — поясная кисть, состоящая из пяти кожаных ремешков, обитых (в промежутках между раздельными полуферными бляшками) бронзой провололочкой и оканчивающихся звездобразными подвесочками. Подобные подвески появляются по П.П.Ефименко²¹ с III-IV вв. и бытуют еще в могильниках армиевского типа (по П.С.Рыкову) как редкое украшение. Все остальные вещи из этой могилы (пара массивных бронзовых дровяных браслетов, спиральный перстень, пластинчатая прорезная бляха с прочерсным орнаментом и орнаментированной обоймой, кольцевая с рубчатим узором застежка) в целом повторяют прежние образцы салкизенско-разжинского вещевого набора. Следует лишь заметить, что бляхи с циркулярно-прочерсным орнаментом заменили собой в это время бляхи с выделенным орнаментом. Это один из надежных признаков хронологической последовательности в изменении женских украшений рассматриваемых памятников. Кроме того, на данном переходном этапе вошли в моду нагрудные бляхи с утраченной прорезью, а радиальная обойма превратилась в диаметрально накладку, часто фигурную, на армиевском этапе — крестовидную.

Значительно медленнее изменялись предметы мужского инвентаря. Присутствие среди вещей в Разках проушного топора (из разрушенного погребения), по-видимому, можно связать со вторым этапом существования могильника. Увеличиваются в размерах железные втульчатые топоры, которые не были вытеснены из обихода даже в последующую армиевскую эпоху.

Мужское погребение № 9 (рис. 1) может быть отнесено ко второму этапу. Могильная яма овальной формы глубиной 0,8-0,85 м. Дно — глинистый грунт — прямое, неровное. Костяк вытянут на спине головой на северо-запад, руки — вдоль туловища. Трубчатые кости не потревожены (находятся в относительной сохранности); от черепа остались мелкие фрагменты и нижняя челюсть; отдельные кости, в том числе кости левого предплечья, не сохранились.

Заупокойный инвентарь (рис. 5): кружная кольцевая круглая в сечении застежка с завернутыми концами — у правого плеча. Аналогичные кружные застежки встречены в Селиксенском могильнике в вещах второго этапа (погребения № 52 и 91). В.В.Седов называет подобные застежки: подковообразными и связывает их происхождение с балтскими племенами²². Браслет бронзовый круглопроволочный — выше правого запястья; нож железный — на левом бедре; железный предмет (возможно, кресало) — под правой голенью; кольцо железное лезвием к краю лмы — у правой стопы. Оно имеет прямую конфигурацию, лезвие несколько длиннее втулки; общая длина его 15 см и этим он на 1,5–2,0 см превосходит длину селиксенских топоров. Две округлые железные пряжки — в ногах.

Одиннадцать погребений сопровождалось керамическими лепными сосудами. По форме они четырех типов, в том числе: горшки, иногда с зарубками, на венчиках — прием орнаменташи, распространенный в керамике дьяновской, позднеродоской, пъяноборской культур; банка цилиндрическая — погребение № 2; чашевидные сосуды — погребения № 6, 12, 19; шаровидные — погребение № 13 (рис. 6). Сосуды со слегка вогнутыми краями: наиболее архаичны, они тождественны сосудам из Старшей Селиксы; на последующей ступени культуры этот тип изживает.

Подвески и бляшки мало разнообразны. Изделяются треугольная подвеска с выпуклинками — погребение № 3 и бляшка пъяноборского типа (рис. 4). Деревянные грибки однообразны, но у одной из них — погребение № 3 — шиловидные концы; то же — у медного браслета из погребения № 16 (рис. 5). Есть единично бронзовые бусы из согнутых пластинок — погребения № 6а, 8 (рис. 4). Всего одна цветная бисерная бусинка встретилась в детском погребении № 12 в комплексе с красными четками и небольшой миской. Голубой бисер, очевидно, южного происхождения, проникал в Прикамье²³ и Среднее и Нижнее Поволжье²⁴ со II–III вв. Для пензенских могильников он характерен только на втором, переходном этапе их существования.

Интересна небольшая нагрудная бляха из погребения № 8. На ней нанесены три рельефных круга, напоминающие архаические формы бляхи Кошбеевского могильника²⁵ (рис. 4). Оригинально отливо из погребения № 17 (рис. 5). Подобная форма нам в других могильниках не встречалась. Типичны для старшей группы ранних могильников бронзовые проволочные перстни с двуглиральным штиком²⁶. К единичным находкам в этом могильнике надо отнести медную четырех-

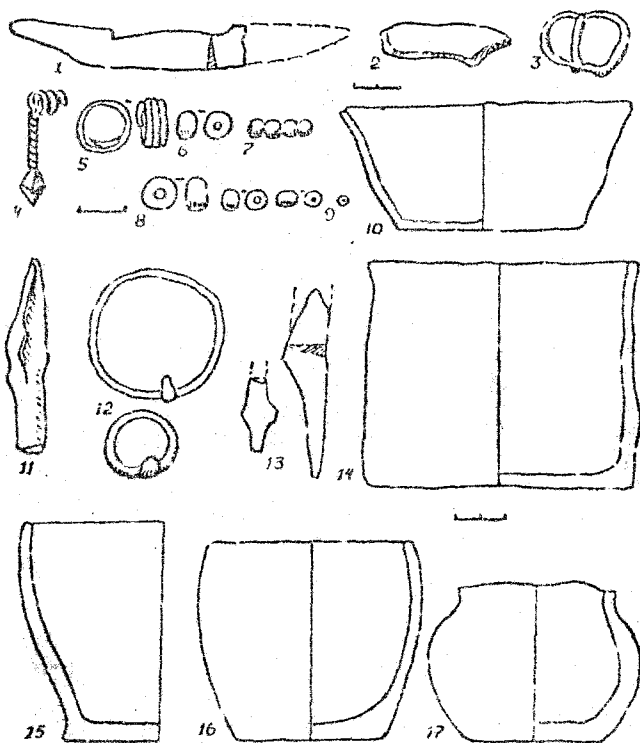

Рис. 6. Вещи из погребения № 17: 1 - кресало, 2 - кремешок, 3 - пряжка; погребение № 11: 4 - височная подвеска, 5 - перстень, 6, 8 - бусы красные отдельные, 7 - бусы красные звеньевые; погребение № 12: 9 - голубой бисер, 10 - сосуд; погребение № 18: 11 - наконечник стрелы, 12 - пряжка; 13 - ножи; погребение № 2: 14 - сосуд; погребения № 13: 17 - сосуд. Подъемный материал: 16 - сосуд

угольную пряжку из погребения № 7 и проушной топор из разрушенного погребения (рис. 4, 5).

Сравнительно большой раскопанный материал Гажкинского могильника сам по себе не дает оснований для более широких построений, но он явился звеном в системе изученных нами десяти пензенских могильников древнейшей мордвы, плодом чего явилась их систематика и этнокультурные обобщения²⁷. Вместе с тем гажкинский материал вы-

делается тем, что в нем ясно проступает эволюция форм материальной культуры на собственной основе (ракинский этап), тогда как в культуре Селиковенского могильника на втором переходном этапе его существования очень заметно влияние культуры прилового населения, выраженной могильниками типа Селиков-Трофимовского (селиков-трофимовский этап). Однако оба эти этапа развивались в составе селиковенской культуры синхронно в IV-V вв., перейдя в дальнейшем в культуру могильников армиевского типа, то есть мордвы-мокши.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Полесских М.Р. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области // СА. 1959. № 4; Он же. Пензенские могильники древней мордвы IV-V вв. // СА. 1962. № 4; Он же. Отчеты за 1956 и 1957 гг.

2 Полесских М.Р. Новые памятники древнейшей мордвы // Материалы по археологии и этнографии мордвы: Тр. МНИИЛИЭ. Саратов, 1974. Вып. 45. С. 23-26.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1722.

4 Полесских М.Р. Древнее население Веруного Посурья и Приокшанья. Пенза, 1977. С. 34.

5 Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947. С. 20.

6 Древности Камы по раскопкам А.А.Спицына в 1898 году // Материалы ГАИМК. 1933. Вып. 2. Табл. X-7; Збруева А.Б. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. С. 42-43.

7 Спицын А.А. Древности рек Оки и Камы // МАР. СПб., 1901. Вып. 25. Т. I. Табл. 4, 5; Мавритов Н.А. Чигатаевский могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 105.

8 Степанов П.Д. Андреевский курган (Предварительное сообщение) // Тр. МНИИЛИЭ. 1964. Вып. 27. С. 240.

9 Трушников Н.В. О работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учен. зап. кн.-б. 1958. Вып. 16. С. 239. Есть по одной височной подвеске с грузиком среди находок Сергачского могильника (раскопки Глазова) и Кошбазевского могильника // Архив ЛОИА. Ф. 5 ("Хорочки Спицына"). № 394.

10 Битанов М.Ф. Работы Мордовской экспедиции в Горьковской области // АС-1971. М., 1972. С. 224-225. Коллекции, хранящиеся в Мордовском государственном университете им. Н.П.Огарева, просмотрены мною с любезного разрешения автора раскопок Абрамовского могильника.

11 Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза, 1956. С. 61.

12 Древности Оки и Камы. С. 18.

- 13 Смирнов К.Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 122.
- 14 Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-этнографического анализа могильников массового типа // МЭ. Л., 1926. Вып. I. Т. 3. С. 67.
- 15 МАК. Вып. УШ. Табл. 52. Б. Крупнов Е.И. Новый могильник древних культур Дагестана // МИА. 1951. № 23. С. 127; ораблет из некроля Скифского - раскопки П.Н.Шульца; ораблет из Карагоя, хранящийся в Алтинском музее, Булгачев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. Табл. У. Худяков М.Г. Боросёвский и Вичмарский могильники // ИОИАЭ. XXXI. Вып. 3. 4; Спицян А.А. Древности рек Оки и Камы. Табл. XIII.
- 16 Смирнов К.Ф. Указ. соч. С. 125.
- 17 Шатса В.Н. Древнемордовские наконечники копий III - начала XI вв. // Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии: Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1977. Вып. 54. С. 116.
- 18 Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. С. 39.
- 19 МАР. 25. Табл. VI. 7; коллекция ГИМ. № 37730.
- 20 Из письма В.Ф.Генинга автору. 1958 г.
- 21 Ефименко П.П. Указ. соч. С. 71.
- 22 Седов В.В. Рязано-окские могильники // СА. 1966. № 4. С. 98.
- 23 Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 38. С. 75.
- 24 Синягин И.В. Археологические раскопки на реке Иловле // УЗ СТУ. 1954. Вып. 39. С. 225.
- 25 Спицян А.А. Древности рек Оки и Камы. Табл. 13, 8.
- 26 Полесских М.Р. Ранние могильники... С. 205; Он же. Шамшейский могильник // КСИМ. 1974. Вып. 140. С. 74.
- 27 Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья...

С.Ю.Моныхов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУНТОВОГО АТКАРСКОГО МОГИЛЬНИКА

Грунтовой Аткарский могильник расположен на краю высокой надпойменной террасы в 1,5 км к югу от г. Аткарска на окраине пос. Калный. Памятник известен давно. Случайные находки вещей из погребений поступили в Саратов в 1916 году. Через 10 лет могильник был точно локализован в верховьях небольшого оврага аткарским краеведом Ч.А.Зелеровым. В 1927-1928 годах Н.К.Арзытовым

было вскрыто 300 м² площади и обнаружено 40 погребений. В ходе раскопок выяснилось, что могильник делится на две части. В южной половине все могилы имеют меридиональную ориентировку в северной — только широтную. Обе части могильника разделены пространством шириной в 10—12 метров, где погребения не сохранились. Н.К.Арзютовым могильник датирован XIII—XV вв. По его мнению, памятник исследован практически полностью¹.

В ходе работ по составлению археологической карты Аткарского района Саратовской области возникла необходимость нового обследования могильника, тем более, что точной привязки его к местности не существовало. В 1979 году разведочным страдом СГУ во главе с В.А.Лопатиным могильник был вновь обнаружен.

Необходимость нового его исследования диктовалась несколькими обстоятельствами. Во-первых, хотя материалы из раскопок Н.К.Арзютова давно вошли в научный оборот и постоянно используются всеми исследователями мердерской культуры, их публикация является слишком обобщенной и неполной, особенно в части иллюстративного материала. Во-вторых, вывод Н.К.Арзютова об исчерпанности могильника, как выяснилось, был преждевременным, и последний имел продолжение на восток от исследованной площади вниз по склону террасы. В-третьих, памятник находился под угрозой уничтожения в результате активной хозяйственной деятельности в этом районе. Имел в виду все сказанное, автор статьи в течение двух сезонов провел новые работы на могильнике.

Как явствует из отчета Н.К.Арзютова, восточные участки его раскопов не дали погребений, что и послужило основанием для утверждения о почти полном исследовании памятника. Отсутствие погребений на восточных участках, как теперь стало ясно, было вызвано близким залеганием к поверхности щебнистого материка. Поэтому работы 1979—1980 годов были сконцентрированы на северной стороне оврага в 15 м восточнее раскопов Н.К.Арзютова, где каменистый материк вновь выклинивался вниз. Раскоп I был разбит на самом краю оврага, раскоп II — в 3,5 м севернее раскопа I. Для выявления границ могильника было заложено 4 шурфа на северной стороне и один шурф на южной стороне оврага. Шурф 3, находящийся в непосредственной близости от раскопа I, дал мужское погребение. Шурф 5 был развернут в раскоп II. Шурфы I, 2, 4 и 5 оказались пустыми (рис. I).

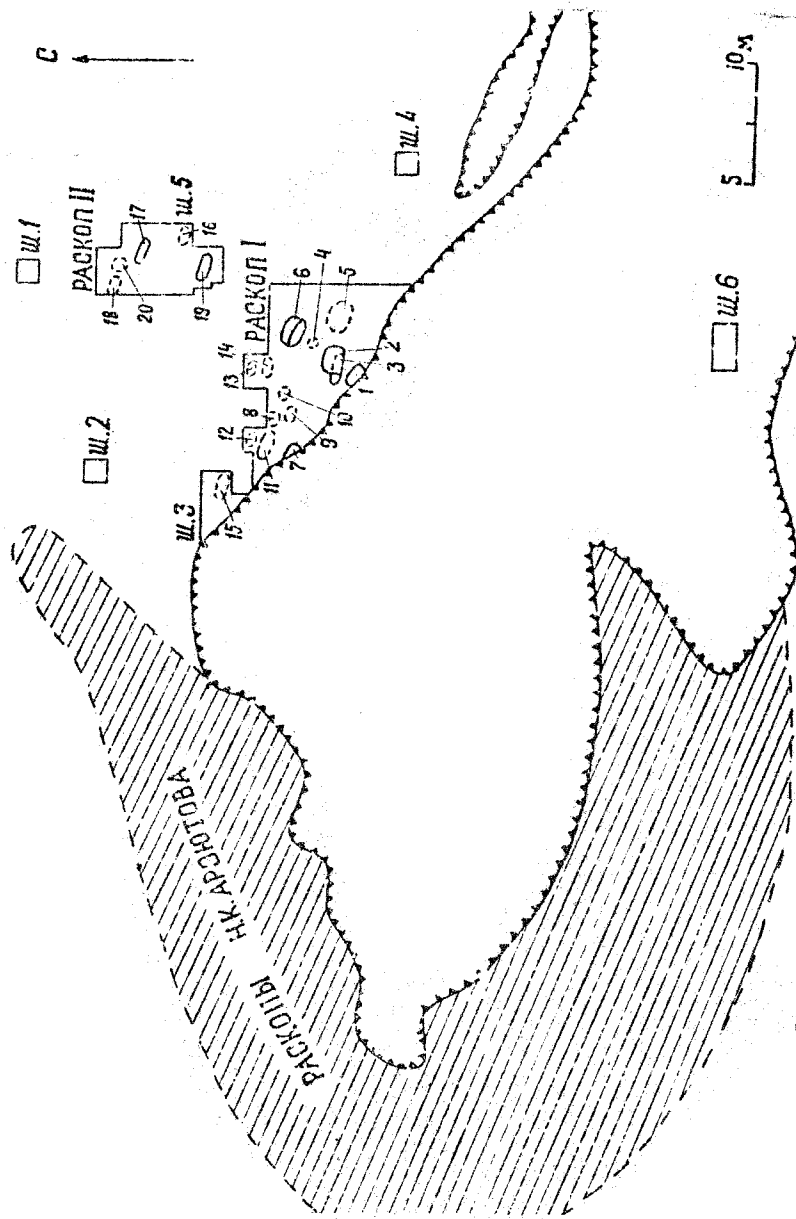

Рис. 1. План раскопов 1979-1980 гг. на грунтовой могильнике

За два сезона работ исследовано 20 погребений, в том числе в раскопе I - четырнадцать, в раскопе II - пять и одно в шурфе 3. Погребения группируются следующим образом: женских одиночных - 4, мужских одиночных - 7, детских одиночных - 5, парных взрослых - 2, парное детское - I, тройное детское - I. Все погребения совершены в наносной супеси серого цвета на глубине 0,50-0,80 м. В большинстве случаев очертания могильных ям не фиксировались.

Парные погребения (№ 5, 6)

Погребение № 5. Обнаружено в восточной части раскопа на глубине 0,50-0,55 м. Очертания могильной ямы не прослежены. Мужской и женский костяки ориентированы головой на запад с небольшим отклонением к северу. Мужчина лежит вытянуто на спине, руки слегка согнуты, кисти положены на живот. Лицом поворнут на север в сторону женщины. Перед лицом положен железный нож длиной 14 см. Женщина в слабо скорченном положении на левом боку находится в 0,20 м к северу от мужчины. Руки согнуты в локтях и кистями перед лицом (рис. 2-УП). При женском костяке разнообразный инвентарь. На среднем пальце правой руки бронзовый с серебряной нитькой перстень, вырубленный из листа с последующей спайкой концов. На вытянутом щитке 2,4 x 1,5 см мелкими насечками изображение сваля с вписанным в него квадратом, ромбом и козым крестом. На среднем пальце левой руки бронзовый перстень из листа с неспаянными концами, а овальном щитке которого насечкой изображен четырехлепестковый цветок с тремя точками в центре. На запястьях обеих рук бронзовые проволочные браслеты с расщепленными концами. На одном браслете сохранились отпечатки железной сетчатой накладки из тонкой проволоки. От груди до пояса последовательно расположено четыре круглые бронзовые проволочные скляжки. Возле левой ноги - глиняное пряслице диаметром 3,6 см (рис. 3-10; 5-3,4, 26,27; 6-10).

Погребение № 6. Обнаружено в 2,7 м к северу от погребения № 5. Могила 2,27 x 1,6 м имеет подпрямоугольную форму и вписана в материк на 3-27 см. В южной половине могилы погребение мужчины вытянуто на спине, в северной половине могилы на уступе высотой 10-14 см скорченное погребение женщины на правом боку. Оба костяка головой ориентированы на северо-запад (рис. 3-УП).

Мужчина положен вытянуто на спине, руки согнуты в локтях, кистями на животе. Лицевая часть черепа обращена к югу. Голова мужчины

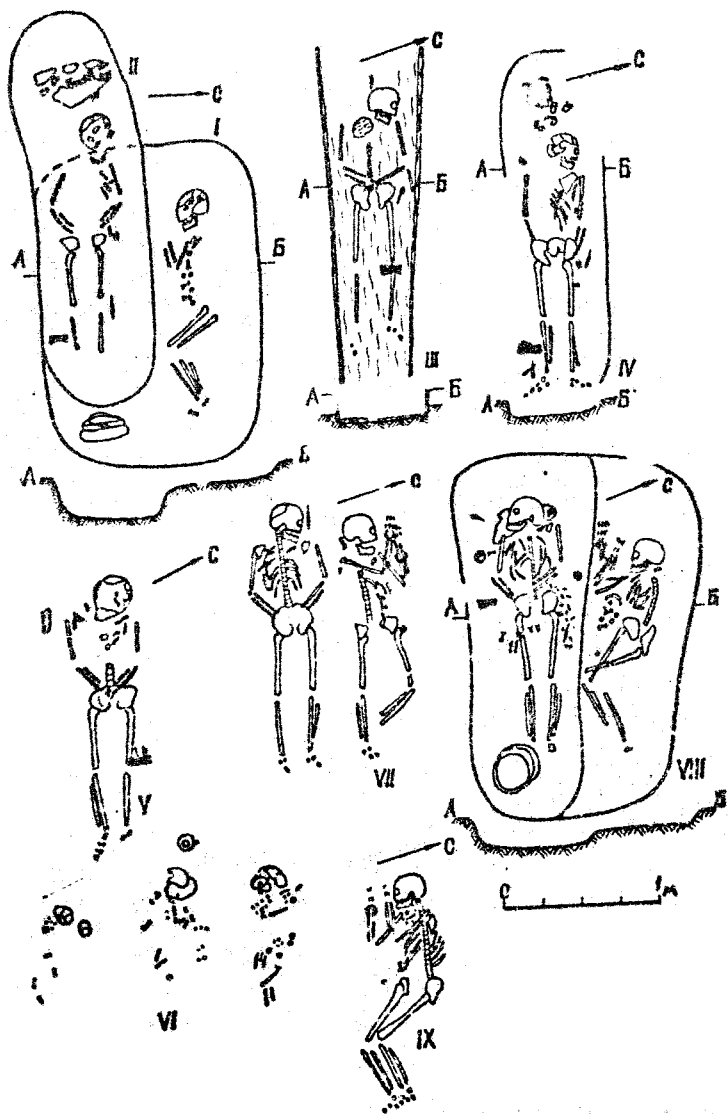

Рис. 2. Планы погребений: I - п. 2, II - п. 3, III - п. 19,
 IV - п. 11, V - п. 18, VI - п. 20; VII - п. 5; VIII - п. 6,
 IX - п. 14

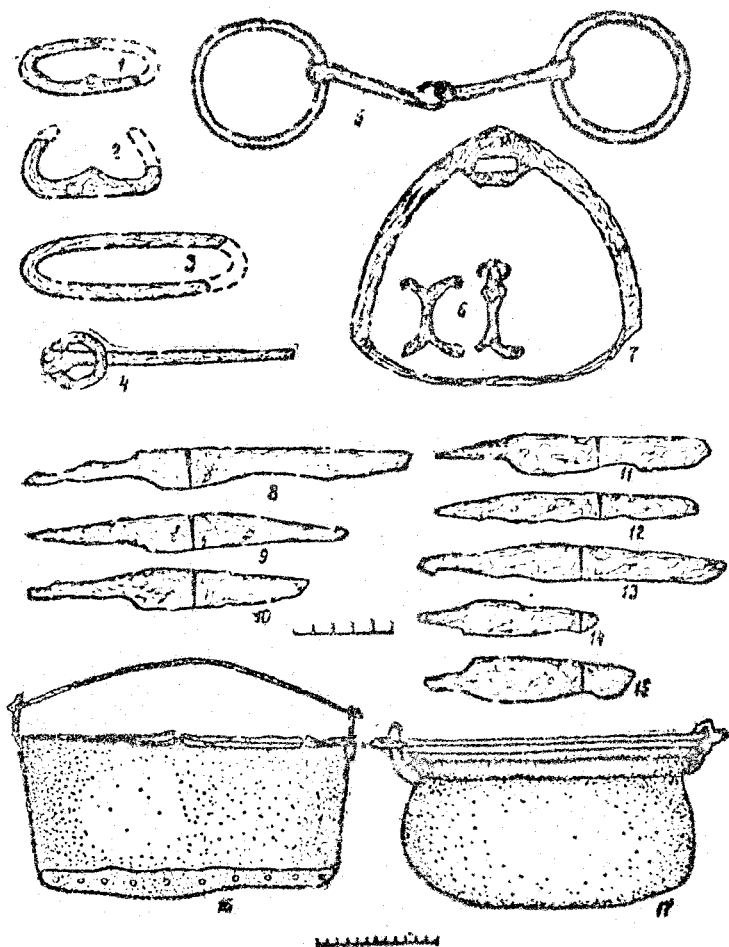

Рис. 3. Инвентарь из погребения 17 - п. 2; 5, 9 - п. 3;
 10 - п. 5; 5, 6, 7, 8, 16 - п. 6; 11 - п. 11; 4, 12 - п. 15;
 3, 13 - п. 17; 2, 14 - п. 18; 1, 15 - п. 19; 1-15 - железо,
 9, 10 - медь

покоится на черепе коня, для которого в изголовье сделано углубление в 10 см. Погребение сопровождается богатым инвентарем. В ногах поставлен клепаичный медный котел с железной дужкой, диаметр

тулова - 33 см. Возле правой руки положен железный топор длиной 15,8 см. Железные стрелы найдены возле локтей рук. Двусоставные удила с кольцами большого диаметра - непосредственно на черепе коня в изголовье. Ромбовидный наконечник стрелы со слабо выраженным ребром обнаружен в западном углу могилы. На бедренных костях и рядом с ними найдено 9 целых и фрагментированных железных X-видных деталей, часть из которых имеет на концах заклепки с остатками ремней. Около правого плеча и в районе поясницы - три лопастные бронзовые скальпы длиной 2,3, 3,5 и 4,8 см, у одной из которых кольцевидная головка из лентообразно закрученной проволоки. От левого бедра до локтя прослежены остатки кожаного ремня с 13 наклепанными на него бронзовыми бляхами с выпуклым чеканным орнаментом в виде двух стилизованных цветков. К трем бляхам прикреплены с помощью небольших комучиков бронзовые колечки диаметром 1,5 см. Ремень заканчивался квадратной рамочной пряжкой с двумя металлическими фиксаторами. Среди деталей пояса найден железный черешковатый нож с горбатой спинкой и железная скоба кресала с кремнем. Возле ножа - массивный серебряный с позолотой перстень с полем внутри шестигранным орнаментированным щитком (рис. 4-6, 8, 10; 1-5, 6, 7, 3, 16; 5-8, 11, 13, 14, 15, 16, 30; 6-3).

Женщина похоронена скоропно на правом боку лицом к мужчине. Ноги слабо согнуты в коленях, кисти рук помещены перед лицом. Обе бедренные кости сломаны примерно посередине. На запястьях рук браслеты, один из которых свит из бронзовой проволоки диаметром 5 мм, сложенной вдвое, второй слетел из четырех бронзовых проволочек диаметром 1 мм и украшен на концах металлическими трапециевидными рамками, заполненными белой пастой. На пальцах обеих рук поперстень. На левой руке бронзовый перстень с овальным щитком с изображением четырехлепесткового цветка, на правой руке - позолоченный перстень из тонкого листа бронзы с наложенными друг на друга концами. На большом подквадратном щитке штампом выбит тамгообразный знак. У основания черепа - гравюлочная восьмерговидная подвеска длиной 2 см, а в районе груди и под локтем среди остатков кожи найдено 5 круглых и две лопастные скальпы. Возле бедра глиняное уплощенное праслице диаметром 3,3 см (рис. 5-4, 5, 7, 8, 11, 13, 20, 28, 31; 6-11).

В заполнении могилы, выше погребения на 0,50 м, зафиксированы два черешковых наконечника стрел в виде удлиненной лопаточки, воткнутой в землю вертикально (рис. 4-8). Рядом найдены кусок обгоревшего дерева и несколько костей животных.

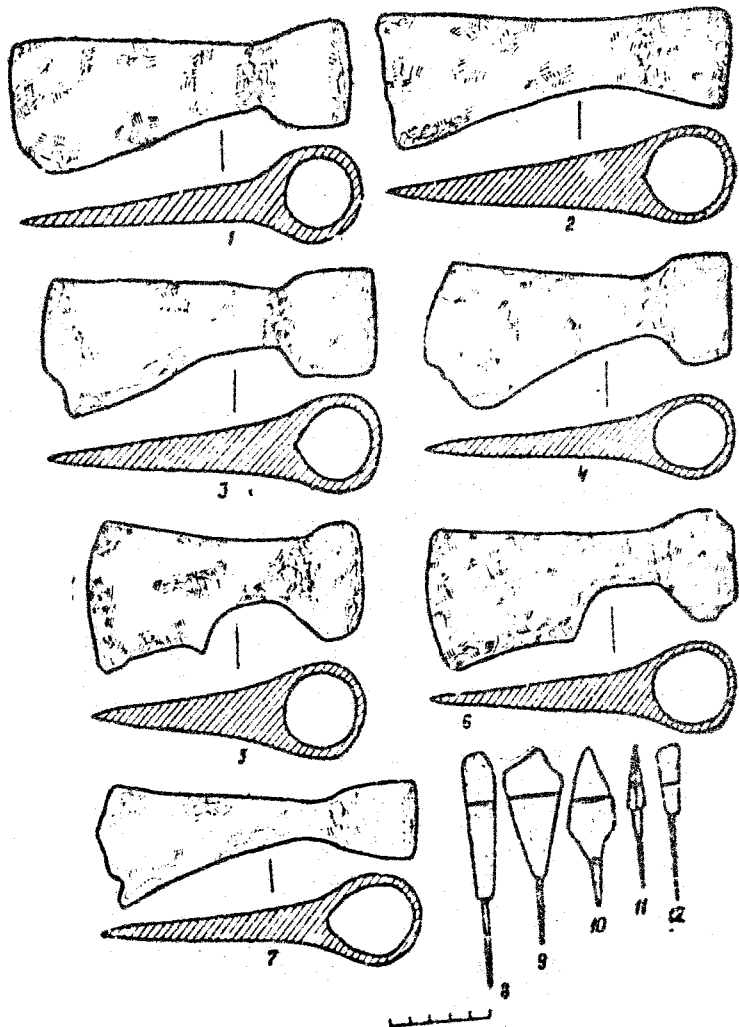

Рис. 4. Инвентарь из погребений: I, II - п. 3; 3, 6, 10 - п. 6; 3, 8 - п. 11; 5 - п. 15; 2 - п. 17; 7 - п. 18; 4 - п. 19. Все-железо

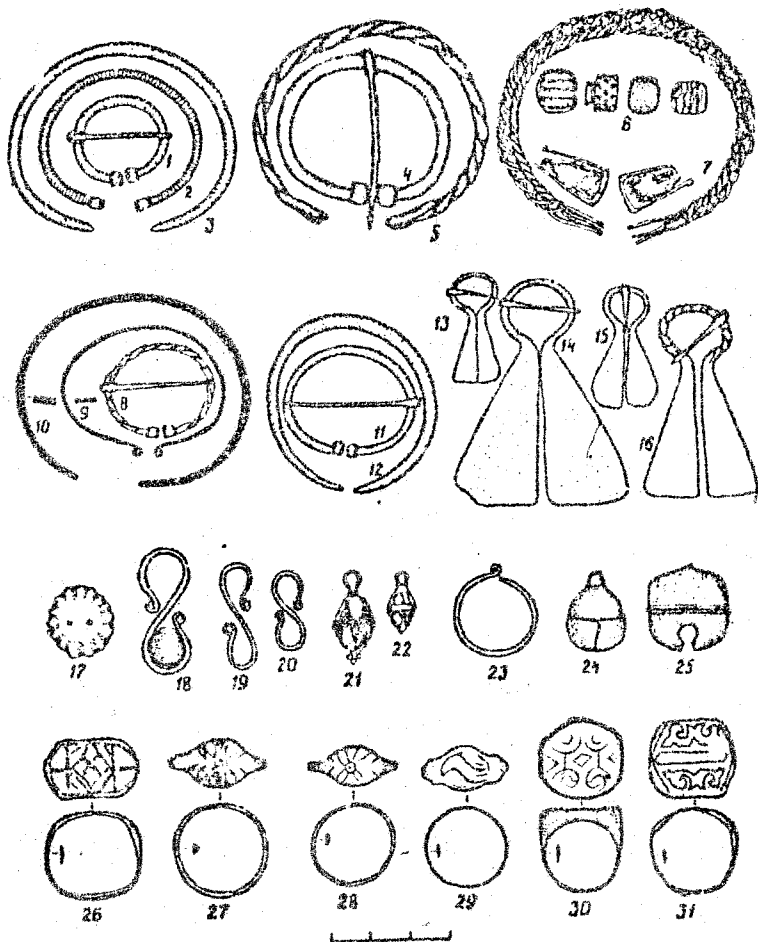

Рис. 5. Инвентарь из погребений: I, II - п. I; I, II, 14 - п. 2; I - п. 3; II, 12, 14, 23 - п. 4; 3, 4, 26, 27 - п. 5; 4, 5, 7, 8, 11, 13, 14, 15, 16, 20, 28, 30, 31 - п. 6; 2, 15 - п. 9; 3, 14, 19, 22, 23, 24 - п. 10; 10, 11, 15, 17, 18, 21, 23 - п. 14; 1, 16 - п. 16; II, 16, 29 - п. 18; I, 4, 6, 9, 11, 23, 25 - п. 20; 21, 22 - серебро; 6 - золото; 17 - глина, остальное бронза
к медь.

Погребение № I обнаружено на краю оврага в раскопе I. Кю-за-падный край могилы срезан обрывом. Могила подпрямоугольной формы 1,7 x 0,34 м, вшита в материк на 3-10 см. Женщина положена в слабо скрещенном положении головой на северо-запад. Руки кистями сложены перед лицом. На груди обнаружены две круглые проволочные скляжки диаметром 3,5 и 3,4 см. Под лопаткой и позвонками зафиксировано 12 обломков плоских квадратных пронизок с двумя отверстиями, изготовленными из раковины (рис. 5-I, II).

Погребение № 2 находится в 0,10 м к северо-востоку от погребения № I на глубине около метра. Могила подпрямоугольной формы 2 x 1,37 м, вшита в материк на 8-10 см. Женщина погребена в северной половине могилы на правом боку со слабо подогнутыми ногами и головой на запад с небольшим отклонением к северу. Кисти рук помещены перед лицом (рис. 2-I). От груди до пояса зафиксированы сетчатка кожи с 5 круглыми и 3 лопастными скляжками. В юго-восточном углу могилы на боку положен бронзовый круглодонный котел с железной дужкой, диаметр тулова - 29,4 см (рис. 3-I7; 5-I, II). Возле котла и в центре могилы обнаружены обломки чешки и отдельные зубы небольшого хищного животного, возможно, собакам.

Погребение № 4 расположено в северной части раскопа I на глубине 0,56 м. Смертelnия мстительной или не выявлены. Женщина положена на правом боку головой на запад-северо-запад. Ноги слабо согнуты в коленях, кисти рук помещены перед лицом (рис. 2-IX). Запястье правой руки украшено бронзовым браслетом, согнутым из пластины сечением 2 x 6 мм. На груди ожерелье из 62 мелких пастовых бусин, 13 плоских пронизок из раковины и 5 плоских шестеренчатых глазурованных глиняных дугами ярко-синего цвета, использовавшихся в качестве бус. Здесь же обнаружена серебряная позолоченная каплевидная подвеска длиной 2,4 см, украшенная зернью и входившая также в состав ожерелья. На ключице и возле нижних ребер находились круглая и лопастная скляжки, а под черепом - проволочные, две кольцевидные и одна восьмерковидная с бусинкой, подвески. В районе живота - глиняное биконическое предельце диаметром 3,2 см (рис. 5-10, II, I5, IV, I8, 2I, 23; 6-12).

Погребение № I6 обнаружено в юго-восточном углу раскопа II на глубине 0,60 м на уровне материка. Погребенная положена на левом боку головой на запад-северо-запад. Ноги слабо согнуты в коленях,

кисти рук перед лицом. На уровне груди - круглая и плоская селыгами (рис. 5-1, 15).

Мужские одиночные погребения (№ 3, 7, II, 15, 17, 18, 19)

Погребение № 3 обнаружено в южной части раскопа I под женским погребением № 2. Могильная яма 2,5 x 0,88 м имеет форму вытянутого овала и впущена в материк на 0,30 м. Расположено под южной частью женского погребения № 2, но не затронуто последним (рис. 2-П).

Погребенный положен вытянуто на спине головой на запад. Руки слегка согнуты в локтях и кисти положены на живот. Череп несколько склонен к левому плечу. В изголовье положена голова коня с железными удилами того же типа, что и в погребении № 6. Возле правой ноги железный топор длиной 17,3 см; около колена левой ноги - железный нож с горбатой спинкой, у кисти левой руки - три железных черешковых наконечника стрел, из которых два в виде удлиненной лопаточки и один пирамидальный. На левом плече проволочная круглая селыга диаметром 3 см (рис. 4-1, 8, II; 4-5, 9; 5-1).

Погребение № 7 обнаружено в западной части раскопа I на краю оврага, который почти полностью уничтожил погребение. Сохранилась восточная часть могилы, впущенная в материк на 10-12 см и ориентированная на запад-северо-запад. От костяка сохранились фрагменты тазовых костей, кости левой и частично правой ног. Погребение было вытянуто на спине, оудя по позе - мужское. Инвентарь с отсутствовал.

Погребение № II обнаружено в северо-западном углу раскопа I на глубине 0,75 м. Контуры могилы подпрямоугольной формы 2,2 x 0,66 м прослежены частично, поскольку в материк могила впущена на 5-8 см. Погребенный положен вытянуто на спине головой на запад-северо-запад. Череп лицевой частью повернут на север, к левому плечу. Руки вытянуты, кисти под тазом (рис. 2-IV).

В изголовье погребенного положена жертвенная пища - лопатка и ребра барана. Тут же остатки кожаной чашки с двумя бронзовыми пластинами на закраине, стянутыми бронзовой проволокой. Возле правого плеча и левой кисти обнаружены две прямоугольные пряжки из позолоченного серебра 4,5 x 3,2 см, одна из которых имеет проволочное ушко. На лицевой стороне пряжек сложный эллипсовидный орнамент из переплетенных ветвей и листьев, в который гармонично включены

изображения трёх оленей: двух в полный рост (сидящий и стоящий), и голова третьего оленя. Обе пряжки, видимо, изготовлены с одного штампа-матрицы. Судя по их взаиморасположению на костяке и остаткам кожаного ремня внутри пряжек, они крепились португалою или перевязью воина. Возле левого бедра найдены железный нож с горбатой спинкой и остатки железной скобы кресала с кремнем. Около правой стопы зафиксированы два железных черешковых наконечника стрел и топор длиной 16,9 см (рис. 4-3, 8; 4-II; 6-7, 9).

В заполнении могилы прослежены отдельные угельки и обгоревшее полено длиной 22 см.

Погребение № 15 найдено в северной части шурфа 3 в двух метрах к северо-западу от северо-западного угла раскопа I. Погребение совершено на уровне материка на глубине 0,77 м. Костяк мужчины лежал вытянуто на спине головой на запад-северо-запад. Ноги вытянуты, руки слегка согнуты в локтях, кисти помещены в районе живота. Лицевая часть черепа повернута не вг, к правому плечу. Правая бедренная кость сломана рядом с коленным суставом.

Железный топор длиной 13,5 см сложен возле правого локтя, кремень и скоба кресала - на левом локте. На груди - железный нож длиной 13,2 см. Два железных колечка диаметром 3,4 см неясного назначения обнаружены на левой стороне груди. Между ступнями ног лежали железный штырь с кольцом в соединении общей длиной 12 см и обломки неопределенной железной пластины длиной 9 см. Возле левой стопы три истлевших куска кожи, видимо, от обуви (рис. 4-5; 4-4, 12).

Погребение № 17 обнаружено в северной части раскопа II на глубине 0,70 м. Погребенный положен вытянуто на спине головой на запад-северо-запад. Череп несколько приподнят, видимо, голова находилась на каком-то подобии подушки. Кисти рук на животе. Верхняя часть туловища на 7-10 см выше уровня ног. В районе стоп прослежены мелкие угельки. Мужчина был положен в деревянной гробовине длиной 2,4 и шириной 0,53 м. Прослеживаются доски боковых стенок и днища. Торцевые доски и крышка отсутствуют. Создается впечатление, что части деревянной конструкции не бы и скреплены друг с другом.

Возле правого бедра найден железный топор длиной 20 см. У левого колена - железный нож длиной 18 см с остатками деревянных ножен и железная скоба кресала без кремня, находившаяся в кожаном мешочке (рис. 4-2; 4-3, 13).

Погребения № 18 обнаружено в 1,5 м к северо-западу от погребения

ния № 17 г на глубине 0,60 м. Костяк мужчины лежит вытянуто на спине головой на запад-северо-запад. Череп раздавлен. Кисти рук положены на животе. В 0,22 см к ягу от черепа и на 0,20 м выше костяка прослежен кусок истлевшего дерева. Мелкие обломки дерева встречены по всему погребению и под костяком. Видимо, это остатки гробовины (рис. 2-У).

Железный топор длиной 16 см положен обухом на левое колено. Под топором найдены в кожаном мешочке остатки красала без кремня и железный черешковый нож длиной 9 см. Возле правого виска лопастная бронзовая склянка длиной 3,4 см, а под черепом — круглая склянка без иглы. На пальце левой руки обнаружен серебряный перстень с овальным впитком, на котором чеканом нанесено схематичное изображение головы коня (?) (рис. 4-7; 4-2,14; 5-11,15,29).

Погребение № 19 обнаружено в южной части раскопа II на глубине 0,65 м. Костяк мужчины лежал вытянуто на спине головой на северо-запад в деревянной гробовине. Череп — на левом виске, руки согнуты в локтях, кисти на животе. Гробовина трапециевидной формы длиной 2,2 м и шириной в изголовье 0,67 м сохранилась на высоту 20 см и втиснута в материк на 6 см. Доски деревянной конструкции ящика не скреплены друг с другом, причем т.щевые доски отсутствовали вовсе. От крышки, возможно, сохранился небольшой обломок дерева в районе правого плеча погребенного (рис. 2-Ш).

Из инвентаря встречены железный топор на левом колене, нож и скоба красала длиной 5,8 см (рис. 4-4; 4-1,15).

Детские коллективные погребения (№ 12, 20)

Детское парное погребение № 12 обнаружено в северо-западном углу раскопа I в 0,50 м к северу от мужского погребения № II. Погребение совершено на глубине 0,57 м, очертания могильной ямы не выявлены. Захоронены два ребенка 3-7 лет в 20 см друг от друга, один на левом (северный костяк), другой на правом боку (южный костяк). Головой ориентированы на запад. Судя по фрагментарным и плохо сохранившимся костям скелетов, оба погребенных положены в скорченном положении. Инвентарь полностью отсутствовал.

Детское тройное погребение № 20 находилось в северной части раскопа II на глубине 0,55 м непосредственно в ногах мужского погребения № 18. Дети погребены скорченно на правом (южное и центральное погребения) и левом (северное погребение) боку, руки скорее всего

сложены ладонями перед лицом (рис. 2-VI). Ориентация всех костяков головной на запад-северо-запад. Кожное погребение ребенка 4-5 лет сопровождалось глиняным горшком высотой и диаметром 12 см и бесформенными обломками железной пластины, судя по всему от браслета. В 0,55 м к северу от этого костяка расположено погребение ребенка 10-12 лет. Инвентарь представлен лепным однолучным кубком в 15 см к западу от черепа, бронзовым пластинчатым браслетом с концами, завернутыми в колечки, обломками железного браслета, бронзовыми лопастной и круглой склянками и около 20 крупных пастовых бусин голубого, синего, коричневого цветов, в том числе тремя многоцветными фигурными. В 0,35 м севернее находилось погребение ребенка 7-10 лет. В погребальном инвентаре представлены: две круглые склянky, две проволочные бронзовые серьги, шаровидный бронзовый бубенчик с прорезью и железным шариком внутри, спальный из двух половинок, обломки желт ного пластинчатого браслета. В районе шеи, плечниц и в перестроенном состоянии обнаружено 175 пастовых бусин белого, голубого и серого цветов диаметром 3-5 мм (рис. 5-I, 4, 6, 9, 11, 23, 25; 6-2, 5).

Эти погребения положены на одном уровне и на одной линии. Их близость к мужскому погребению № 18 позволяет предполагать непосредственную, скорее всего, родственную связь всех четырех погребенных.

Детские одиночные погребения (№ 8, 9, 10, 13)

Погребение № 4 обнаружено в центральной части раскопа I на глубине 0,70 м выше уровня материка. Судя по фрагментированному скелету, захоронен ребенок 4-7 лет скорченно на правом боку головной на север-запад. В 10 см к север-западу от черепа стоял лепной острореберный горшок высотой 14,3 см. На руке находился бронзовый проволочный браслет с несомкнутыми концами. На груди - лопастная склянка и на остатках кожи скопление пастовых и костяных мелких бус черного, зеленого, синего и серого цвета. У основания черепа - проволочная бронзовая кольцевидная серьга диаметром 2,2 см (рис. 5-II, 12, 23; 6-I). Видимо, к этому же погребению относится круглая склянка, обнаруженная в 0,61 м к западу от черепа.

Погребение № 8 обнаружено в северо-западном углу раскопа I в 0,30 м к востоку от мужского погребения № II на глубине 0,65 м. Захоронен ребенок младенческого возраста, судя по фрагментам кос-

тей, скорченно (?) на правом боку головой на запад-северо-запад. Инвентарь отсутствовал.

Погребение № 9 обнаружено в 1,5 м к юго-юго-западу от погребения № 8 на глубине 0,70 м. Захоронен ребенок 3-6 лет скорченно (?) на правом боку головой на запад-северо-запад. Около черепа был поставлен лешной кубок без ручки высотой 8,6 см. Рядом с сосудом находилась бронзовая лопатная скльгама. На руке - проволочный бронзовый браслет диаметром 4,1 см с обмоткой из тонкой эмалевой металлической ленты синего цвета. В районе шейных позвонков скопление из 35 пастовых бус диаметром 6-8 мм и 23 плоских прокизок с двумя продольными отверстиями, изготовленными из раковины (рис. 5-2, 18; 6-3).

Погребение № 10 обнаружено в 0,80 м к востоку от погребения № 9 на глубине 0,70 м. Погребен ребенок 7-10 лет скорченно на левом боку головой на запад. Кости нижних конечностей не сохранились. В изголовье зафиксировано 9 ножных костей барана, сложенных компактной кучкой. На руке находился проволочный бронзовый браслет диаметром 5,2 см с остатками накладки, сплетенной из тонкой железной проволоки. Рядом с ним - лопатная бронзовая скльгама. В районе шейных позвонков обнаружены гривна из тонкого железного прута общей длиной 17 см, биконическая каплевидная серебряная с позолотой подвеска длиной 1,5 см, украшенная редкой зернью и чеканным геометрическим орнаментом, бронзовый шаровидный бубенчик диаметром 1,7 см с плоским ушком для подвешивания, обломок лопатной скльгамы, восьмериковидная бронзовая подвеска. Между черепом и костями рук - около 130 бусин, из которых большая часть круглых пастовых диаметром 4 мм желтого, синего и бордового цвета, 7 пастовых полосатых синих оттенков, 3 реберчатые ярко-синие, 1 хрустальная (?), 8 бусин из раковины каури. В ожерелье использована косточка терна. Здесь же до 700 штук мелкого бисера синих, красных и зеленоватых оттенков, нашивавшегося на одежду. Под черепом обнаружены две проволочные бронзовые серьги диаметром 2,1 см и 36 обломков квадратных прокизок с двумя отверстиями из раковины, видимо, от головного убора (рис. 5-3, 6, 14, 19, 22, 23, 24).

Погребение № 13 обнаружено в северной части раскопа I рядом с женским погребением № 14 на глубине 0,50 м. Могильная яма не прослежена. Сохранилось несколько невыразительных фрагментов черепа. Положение костяка не реконструируется. С востока вплотную к черепу был поставлен наклонно лешной горшок высотой 13,5 см (рис. 6-6).

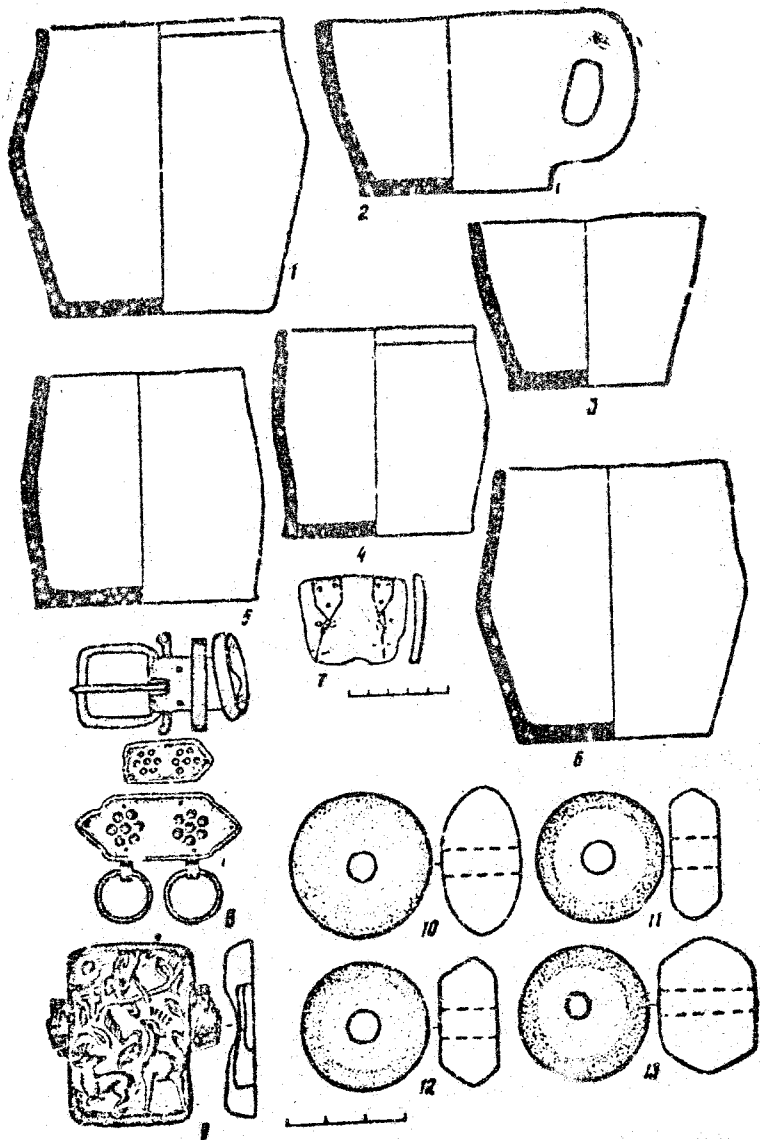

Рис. 6. Инвентарь из погребений: 1 - п. 4; 10 - п. 5; 8, 11 - п. 6; 3 - п. 9; 7, 9 - п. 11; 6 - п. 13; 12 - п. 14; 2, 5 - п. 20; 4, 13 - случ. находка. 1-6, 10-13 - глинян.; 7 - кожа; 8 - бронза; 9 - серебро с позолотой

Вокруг женского погребения № 2 в раскопе I обнаружено скопление отдельных находок: обломок челюсти коровы и зуб лошади, лезвией горшок высотой 10,5 и диаметром 11 см (рис. 6-4), обломки дна и венца летних сосудов, глиняное пряслице (рис. 6-13), зуб, обломки ребер и черепной крышки человека.

На остальной площади раскопа I вне погребений найдены два железных черашковнх наконечника стрел (рис. 4-9, 12), фрагменты челюсти лошади и коровы. Вместе с костями животных часто приурочиваются угли или обгоревшие куски дерева. Угли встречаются также по всей площади раскопа I между погребениями.

В раскопе II вне погребений обнаружены несколько обломков челюсти коровы и овцы и пастовая бусина.

Часть этих находок (бусина, пряслице, стрелы), возможно, связана с исследованными погребениями и смещена гризунами. Лезвией горшок, скорее всего, принадлежал детскому погребению, от костяка которого ничего не осталось. Что же касается наличия многочисленных обломков челюстей животных наряду с углями, то они связаны, видимо, с погребальной тризной при похоронах.

Из вышесказанного следует, что для исследованного участка Аткарского могильника характерны устойчивые черты погребального обряда. Независимо от половозрастной принадлежности погребений все они ориентированы на запад или северо-запад. В отличие от южной части могильника, раскопанного И.К. Арзюмовым, здесь не встречено ни одного погребения с меридиональной ориентировкой. Все могилы неглубокие, максимумы до 0,80 м, преобладают погребения на уровне материка. Детские могилы меньше взрослых. Могильники разных размеров подпрямоугольной или даже подквадратной формы с закругленными углами. Отмечается интересная особенность в размещении детских могил, которые концентрируются вокруг погребений взрослых, причем чаще мужчин (№ 8, 9, 10, 12 около мужского погребения № II, тройное детское погребение № 20 около мужского погребения № 18). Пока неясно, являются ли детские погребения одновременно со взрослыми, однако родственная связь между ними несомненна.

Мужские и женские погребения четко разделяются не только по инвентарю, но и по положению костяков. Мужчины всегда лежат вытянуто на спине, кисти рук на животе, или, в одном случае — под

тавом. В двух мужских погребениях (№ 6, I5) лицо покойного обращено на юг, в трех (№ 5, II, I9) - повернуто на север. В первом случае следует видеть соблюдение мусульманского обряда кыблы, характерного для волжских болгар² и некоторой части мордвы³.

Углубления вclusions в заполнениях могильных ям, встречаемые почти во всех погребениях, известны в болгарских могильниках⁴ и по-является под несомненным влиянием волжских болгар.

В двух погребениях (№ 6, II) встречено погребение головы коня в изголовье человеческого костяка, хорошо известное по позднечеловеческим курганным захоронениям⁵.

Интересной деталью обряда является установка в засыпи могилы над мужским погребением № 6 двух стрел наконечниками вверх.

Гробовыя из несоединенных между собой досок, зафиксированные в трех мужских погребениях раскопа II, известны по материалам ряда мокшанских могильников⁶, причем принято считать, что это более поздняя деталь погребального обряда⁷.

Женские погребения всегда скорченны на левом или правом боку. Оба варианта встречаются и в парных погребениях. Руки всегда сложены кистями перед лицом. Такая поза утвердилась в VII-XIII вв.⁸

Детские погребения совершались по обряду женских - скорченно на левом или правом боку. Причем в парном и тройном детских погребениях одного ребенка клали на правый, другого на левый бок. Специфической чертой детских погребений является наличие в них легких сосудов, не известных в погребениях взрослых.

Встреченные в погребениях 6 и I5 случаи перелома бедренных костей находят многочисленные параллели в этнографическом материале. Такие действия совершались, например, племенами салтово-маяцкой культуры в целях борьбы со злой силой, заключенной в трупе⁹.

Принадлежность могильника мордвы-мокше, определенная в свое время Н.К. Арзютовым, не вызывает сомнения и в свете новых материалов. Об этом свидетельствуют как погребальный обряд, так и характеристика инвентаря.

Наиболее типичной находкой во всех мордовских захоронениях считаются засточки-скальгачи двух типов - круглые и лопастные. Они присутствуют в мордовских памятниках с первых веков н.э. до середины II тыс. н.э.¹⁰ Принято считать, что лопастные скальгачи небольших размеров с плохо расщипленными концами датируются XII-XIII вв., а широколопастные скальгачи крупных размеров - XIII-XIV вв. II В

публикуемых материалах встречаются лопастные скльпаны разных размеров, причем иногда оба вида даже в одном погребении (рис. 5-13, 14, 15, 16) ¹².

Круглые скльпаны из погребений Аткарского могильника также широко варьируются в своих размерах от 2,4 до 4,4 см в диаметре (рис. 5-1, 4, 8, 11). В XIV веке кольцо таких скльпан становится витым ¹³, образцы подобных застежек встречены в погребении № 6.

В могильнике обнаружены наручные браслеты пяти видов: круглопроволочные (рис. 5-3, 12), витые из сложенной вдвое проволоки (рис. 5-5), плетение из четырех тонких проволочек (рис. 5-7), пластинчатые (рис. 5-9, 10) и круглопроволочный со спиральной обмоткой эмалированной лентой (рис. 5-2). За исключением последнего, все остальные хорошо известны как в мордовских, так и в русских погребениях XI-XIV вв. и связаны в данном случае с влиянием славян ¹⁴.

Прочие женские украшения хронологически не выходят за пределы XIII-XIV вв. Проволочные серьги с башком на одном конце (рис. 5-23) характерны для погребений XIV в. на Верхней Волге ¹⁵. Две серебряные биконические подвески с зерны (рис. 5-21, 22), несомненно, имеют славянское или болгарское происхождение, причем сами болгары, как считает А. П. Смирнов, заимствовали от русских многие элементы ювелирной техники и формы украшений ¹⁶. Пастовые бусы, обнаруженные в могильнике, в том числе и фигурные, имели хождение на всей территории Восточной Европы в указанное время. Глиняные пуговицы, покрытые синей или голубой поливой, встречались в чувашских древностях ¹⁷ и относятся к золотоордынскому времени ¹⁸. Тем же периодом следует датировать перстни из погребений № 5, 6, 18 (рис. 5-26, 27, 28, 29, 30, 31). По верхневолжским аналогиям перстни с небольшим овально-вытянутым камнем более характерны для XIV в. ¹⁹ Бронзовые бубенчики из двух половинок с прорезью часто встречаются в поздне-кочевнических погребениях (рис. 5-24, 25) ²⁰.

Довольно редкой находкой являются металлические котлы. Оба наших экземпляра (рис. 3-16, 17) по образцам из позднекочевнических памятников широко датируются XII-первой половиной XIII вв. ²¹ На периферии степного мира они, видимо, бытовали и позднее.

Полным единообразием отличается нож из мужских погребений могильника. При колебании общей длины все они имеют пологатую ступицу, черенок немного уже и примерно в два раза короче лезвия. Переход от лезвия к черенку с более или менее резким углубом (рис. 3-8, 15).

Серия из 7 топоров представлена изделиями различной формы (рис. 3-1-7). По принятой классификации они были широко распространены на Руси в X-XIII вв., а по величине обуха и диаметру топорнища относятся к категории рабочих²². В то же время выкованные на некоторых топорах отяжки на обухах могут свидетельствовать и об их использовании как боевого оружия.

Стрелы из могильника все черешковые и относятся к числу самых распространенных типов: срезны в виде вытянутой лопаточки, срезны в виде треугольничка и один наконечник вытянутой пирамидальной (рис. 4-8-12). Первые два типа известны на широкой территории от Тихого океана до Карпат²³ и их появление связывается с татари-монгольским нашествием. Вытянутые пирамидальные наконечники являются более редкой формой и предназначались для поражения воина, защищенного броней.

Двусоставные удила без капилов с большими подпирными кольцами (рис. 3-5), как и стрелы были распространены на очень большой территории с X по XIV вв.²⁴ Стрелена с приостренной верхушкой и на очень широкой подложке известны на ряде славянских памятников в слоях XII-XIII вв.²⁵

Кресала встречаются нескольких типов: двулезвийные овальные с овальной и восьмериковидной прорезью (рис. 3-1, 3) и однолезвийные "калачевидные" с треугольным выступом с внутренней стороны (рис. 3-2). Последние, по материалам Новгородца, датируются X-XI вв.²⁶ В целом же хронология этой категории находок разработана недостаточно.

Интересен полный набор из погребения № 6, состоящий из 13 чеканных бронзовых бляшек двух видов и рамочной квадратной пряжки, соединенной с ремнем с помощью шитка. К некоторым бляшкам приклепаны с помощью хомутиков бронзовые колечки для подвешивания ножа и кресала в мешочке (рис. 6-8).

Для серебряных с позолотой португейных пряжек со штампованным изображением трех оленей в обрамлении стилизованной растительности (рис. 6-9) мы не нашли аналогий, но они, видимо, имеют степное происхождение и изготовлены, скорее всего, в одном из волосторядных центров.

Анализ погребального обряда и инвентаря грунтового Аткарского могильника позволяет прийти к следующим выводам:

1. Четкое разделение могильника на две части по ориентировке могил связано с генезисом погребального обряда, вызванного сильным

внешним влиянием. Участок кладбища на южной стороне оврага с меридиональной ориентировкой погребенных является, судя по всему, более ранним, и исследован полностью в свое время Н.К.Артемовым. Господство широтной ориентировки погребенных на северной стороне оврага как на участке, раскопанном Н.К.Артемовым, так и на участке 1979-1980 гг. отражает процесс омусульманывания мордвы-мокши в первую очередь со стороны Волжской Болгарии, а затем и Золотой Орды. Вместе с тем следует отметить, что мусульманский обряд погребения не утвердился в чистом виде и все погребения отличаются смешанным характером.

2. Расположенный на южной границе лесостепи Аткарский могильник прекрасно отражает сильное влияние кочевого мира и высокоразвитых центров Волжской Болгарии и древнерусских княжеств, особенно в вещевом материале.

3. Погребения из раскопов 1979-1980 гг. по перекрестной датировке инвентаря следует относить ко времени не ранее второй половины XIII-XIV вв.

4. Могильник развивался в двух направлениях: вниз по склону террасы с запада на восток и от края оврага с юга на север. Появление в погребениях № 17, 18, 19 деревянных гробовин, видимо, следует рассматривать как более позднее явление.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Артемов Н.К. Финский могильник XIII-XV вв. близ г. Аткарска // Тр. НИИГ. Саратов, 1929. Вып. I. С. 4-30.

2 Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М., 1976. С. 124; Она же. О могильнике "Дабий бугор" в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 207.

3 Алихова А.Э. Хронологические и племенные отличия в культуре мордвы // СА. 1956. № 2. С. 74.

4 Халикова Е.А. Билярские некрополи... С. 114.

5 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 124.

6 Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I - начала II тыс. н.э.

// Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 190; Божикова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 28.

Смирнов А.И. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // ММА. 1952. № 28. С. 156.

- 8 Алихова А.Е. Мордовские могильники X-XIV вв. // КСИАИК. 1949. Вып. 25. С. 138; Она же. Хронологические и племенные отличия... С. 74.
- 9 Шенцова С.А. От кочевий к городам // ММА. 1967. № 142. С. 80.
- 10 Вихляев В.И. Скильганы из могильников Селькесенокого и Архивского типов // СА. 1972. № 3. С. 150.
- 11 Алихова А.Е. Хронологические и племенные отличия... С. 69. Рис. 1.
- 12 Например, погребение № 6.
- 13 Седова М.В. Ковалевские изделия древнего Новгорода // ММА. 1959. № 65. С. 241-243. Рис. 6-12.
- 14 Там же. С. 247. Рис. 8-12; Алихова А.Е. Хронологические и племенные отличия... С. 75.
- 15 Алихова А.Е. Хронологические и племенные отличия... С. 73.
- 16 Смирнов А.П. Волжские оулары. М., 1951. С. 157.
- 17 Бусырева В.И., Краснов Л.А. Средневековый чувашский могильник у д. Новое Ядрино // КСИА. 1972. № 129. С. 100.
- 18 Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 71. Рис. 12-3.
- 19 Алихова А.Е. Хронологические и племенные отличия... С. 72. № 72; Смирнов А.П. Указ. соч. // ММА. № 25. С. 133.
- 20 Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 69, 70. Рис. 12-2.
- 21 Шенцов М.Д. Копы из погребений средневековых кочевников // СА. 1980. № 2. С. 195, 196. Рис. 2-5, 6; 3-1, 3, 5.
- 22 Демисовский М.Х. Курганы русских дружинников XI-XII вв. // СА. 1960. № 1. С. 75. Рис. 2; Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 2. Табл. XVI.
- 23 Мельников А.Ф. Оружие Новгорода Великого // ММА. 1959. № 65. С. 167. Рис. 13-32, 33; Она же. Ручное метательное оружие // САИ. 51-36. М., 1966. Табл. 24, 26, 29; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 28, 101. Рис. 3.
- 24 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. 51-36. Л., 1973. Табл. 7; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 18. Рис. 2.
- 25 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника... Табл. XV; Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 13, 15. Рис. 1-III.
- 26 Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С. 84. Рис. 12-8.